

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

1

2000

Последний год XX века:

ЧТО ДЕЛАТЬ?

И еще один год канул в Лету, и мы вступили в последний год XX столетия, хотя очень и очень многие убеждены, что 2000 год положил начало новому веку и новому тысячелетию.

По календарному летосчислению третье тысячелетие наступит 1 января 2001 года. Нашей стране волею судьбы дарована почетная доля войти в него первой — на Чукотке грядущее тысячелетие начнется раньше, чем где бы то ни было на планете Земля.

Вряд ли, однако, это станет утешением для тех из наших современников, кто торопился встретить новый век на год раньше.

Почему XXI век придет к нам только в будущем году? Ведь если в начале этого года весь христианский мир празднует свое 2000-летие, коли со дня рождения Христа прошло 2000 лет, почему до нового века остается еще один год?

Американский ученый Стивен Джэй Гулуд в книге «Вопросы о тысячелетии» утверждает, что «во всей этой галиматее с концом-началом века» виноват монах Дионисий Малый. Составляя хронологию для папы Иоанна I, он «забыл» о нулевой точке отсчета нашей эры, а вернее, просто не мог использовать цифру 0 как рубежную точку, «так как в его время в VI веке западная математика не знала такого понятия...». Если бы злополучный монах начал новую эру с нулевого года (как начинается жизнь человека), тогда XXI век пришел бы вместе с 2000 годом.

Сто лет назад, рассердившись, видимо, на «всеобщий балаган, который царит в предмете отмирания времени», кайзер Вильгельм II «приказал» XX веку вступить в свои права 1 января 1900 года.

Осознавая всю условность «отмирания» безграничного потока времени-вечности, можно констатировать, что для

многих из нас, пожалуй, важнее, то, что теперь, в продолжение непостижимо долгих тысячи лет, обозначение каждого нового года будет начинаться не с единицы, а с цифры 2. В подсознании подавляющего большинства землян это и будет тем рубежным знаком, который разделит одно тысячелетие от другого. И уж, конечно, всех появившихся на свет в 2000 году будут считать родившимися в XXI веке, так же как родившихся в 1900 году причисляют к XX веку.

Посвященные встрече третьего тысячелетия празднества начались во многих странах мира уже в конце прошлого года и будут продолжаться весь 2000 год. Этот год решено считать своеобразным переходным периодом от века к веку.

* * *

Конец века — «время собирать камни», осмысливать содеянное, пытаться заглянуть в будущее.

А. И. Солженицын назвал XX столетие «бесконечно жестоким веком России». Историки уверяют, что такой тьмы кровавых событий, такой бездны масштабных потрясений не знал ни один другой век нашего прошлого.

Три революции, гражданская, Великая Отечественная и многие локальные войны, миллионы беженцев начала двадцатых, голод, чудовищная инквизиция и тотальный страх тридцатых, массовые эвакуации начала сороковых, неоднократное разорение страны, вынуждавшее снова и снова начинать с нуля, и, наконец, самое худшее, что могло случиться с Россией-СССР, — гибель величайшего государства на земном шаре.

Все эти воистину мученические испытания мог вынести только очень добрый, терпеливый, закаленный народ.

Только к концу века, как бы в награду за наше долготерпение, мы получили наконец долгожданную свободу, хотя и от нее многие ожидали больше, чем она дала. И уж теперь, испытав на собственной шкуре и что такое социализм, и что такое капитализм, мы надолго избавлены от всех и всяческих иллюзий и нас больше на мякине не проведешь. Мы поняли: для того чтобы положение людей стало лучше, нужно, как говорил Л. Н. Толстой, чтобы сами люди стали лучше, и это единственный праведный путь со-

вершенствования жизни любого общества.

* * *

С чем мы собираемся войти в XXI век и третье тысячелетие?

Жизнь так усложнилась, так запуталась, наше общество так глубоко «распалось с существующим», так ослабла пассионарность еще недавно могучего российского этноса, что мы во многом утратили способность к энергичной деятельности. И тем не менее жизнь продолжается, и мы выскажем несколько новых пожеланий, касающихся тех проблем, которые близки тематике нашего журнала.

Правительству России мы желаем понять, осознать: ОХОТА — не воскресная прогулка на вальдшнепиную тягу и не подкарауливание кабана на охотничьей вышке. ОХОТА — очень важная отрасль хозяйства страны, весомая составляющая экономики государства, один из главных путей охраны живой природы.

Что может дать охота нашей стране в XXI веке?

Поскольку и прежде хилая отечественная охотничья статистика фактически развалилась, сошлемся на опыт Соединенных Штатов Америки.

Американцы ежегодно на нужды охоты тратят 22 миллиарда долларов, охота создает более 700 000 рабочих мест и обеспечивает заработки в размере 16 миллиардов долларов. Общая экономическая роль охоты в США — 61 миллиард долларов! (В. Дажкин, Е. Кузнецов, 1998).

Россия — не США, и все же вышеприведенные цифры говорят о громадном потенциале нашего охотничьего хозяйства. Внимание к ОХОТЕ со стороны государства окупится сторицей.

На базе затерявшегося в лоне Минсельхозпрода Охотдепартамента Правительству нужно иметь независимую от ведомственной подчиненности управленческую структуру по типу бывшей Глав-охоты РСФСР или современного Комитета по рыболовству. Такой Комитет по охотничьему хозяйству нес бы всю полноту ответственности за состояние дел в охотхозяйственной отрасли и со временем вернул бы себе былой авторитет и уважение.

охота

и охотничье хозяйство

1

2000

Гжесемичный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала, Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

В аппарате правительства желательно иметь хотя бы одного биолога-охотоведа высшей квалификации. А чтобы решительно пресечь дилетантский стиль подготовки правительственных постановлений в области охотничьего хозяйства, необходимо создать Совет из независимых профессионалов, способных противостоять ведомственному лоббированию. Это значительно снизит вероятность принятия ошибочных, недостаточно продуманных, слабо обоснованных решений.

* * *

Департаменту охоты при Минсельхозпроде мы желаем прислушаться к голосу разума, к мнению большинства ведущих охотоведов страны и в корне изменить свою работу. Несмотря, по-видимому, на самые благие намерения, деятельность Департамента, хочет он того или нет, объективно ведет к разрушению охотничьего хозяйства и противоречит интересам государства.

Выдача Департаментом дешевого охотничьего билета, изъятие охотничьих угодий у обществ охотников, нежелание продлевать договора с традиционными охотпользователями, непрекращаемая конфронтация с главными производителями в сфере охотничьего хозяйства — обществами охотников, забвение интересов промысловой охоты и пушного рынка — все это не имеет ничего общего с потребностями охотничьего хозяйства, народа и государства, все это ведет охотничье хозяйство к полной разрухе.

В 1926 году 3-е собрание уполномоченных Всеохотсоюза постановило: «Организованные охотники должны охотиться в организованном охотничьем хозяйстве». С тех пор в продолжение трех четвертей XX века усилия всех выдающихся отечественных охотоведов и практиков направлены на ликвидацию стихийного промысла, изживание никому не принадлежащих, беспризорных угодий, укрепление общественно-производственных охотхозяйственных структур — обществ охотников и их охотничьих хозяйств. Именно благодаря консолидации усилий на этом пути, успешному взаимодействию бывшей Главохоты и Союзов обществ охотников удалось добиться выдающихся достижений в восстановлении численности охотничье-промысловых животных, создании организационно-экономических основ охотничьего хозяйства.

Не было и нет никаких объективных причин нарушать статус-кво. Общества охотников хорошо вписываются в рыночную экономику. Более того, их деятельность и при социализме носила вполне рыночный характер — они не только не пользуются бюджетными средствами, но и ежегодно отчисляют солидные суммы в виде налогов в «закрома Родины».

Упрекать охотничьи общества в недостаточной успешной работе и на этом основании лишать их охотничьих угодий есть не что иное, как демагогия. Это неправильно, несправедливо, нечестно. Когда вся Россия в обвале, трудно требовать от охотничьих обществ высоких результатов.

Увеличивать площади беспризорных угодий, плодить дезорганизованных охотников, способствовать дезорганизации охотничьих обществ и хозяйств — это путь в охотничье средневековье.

Содержать закрепление угодий за обществами и коллективами охотников, сокращать площади ничейных угодий (так называемого Госрезервфонда), помогать охотпользователям строить и совершенствовать охотничье хозяйство — вот стезя, достойная государственного органа управления, призванного отвечать за состояние охотничьего дела страны.

* * *

Самая большая опасность, подстерегающая общества охотников, — их дальнейшее бюрократизирование и коммерциализация. Интересы руководителей обществ ни в коем случае не должны быть выше интересов охотников — членов этих обществ.

Обществам охотников мы желаем избежать соблазна решать свои проблемы за счет иностранных охотников и наших доморощенных «денежных мешков» в ущерб интересам рядовых охотников. Уже сейчас в некоторых областях и районах лучшие базы и дома охотника, глухариние и тетеревиные тока, самые богатые охотничьи угодья «захвачены» иностранцами и «новыми русскими», теми, у кого, как известно, деньги куры не клюют.

Важнейший долг обществ охотников — защита прав и свобод своих членов, и прежде всего права на культурную, хорошо организованную охоту и на достойный отдых на охоте.

Росохотрыболовсоюзу, Обществу военных охотников, Динамо следует объединить усилия для защиты своих членов, иметь высококлассных адвокатов, способных отстоять интересы обществ и каждого отдельного охотника в любом суде, вплоть до Конституционного суда Российской Федерации. Нельзя допустить, чтобы разбогатевшие нувориши лишили малообеспеченных охотников (а их подавляющее большинство) их бескорыстной и благородной страсти. Нельзя уподобляться римскому императору Веспасиану, утверждавшему, что «деньги не пахнут». Неправедные деньги еще как пахнут, и иногда даже тюрмой.

Охотникам, членам обществ, не следует забывать, что именно они истинные хозяева своих объединений и имеют право через своих представителей на конференциях и съездах отправлять веспасианов на «заслуженный» отдых или еще куда-нибудь подальше.

* * *

В этой краткой передовой мы поставили на обсуждение проблемы, от решения которых, по нашему убеждению, зависит будущее отечественной ОХОТЫ. Прекрасно знаем, что в наше время-безвременье большие и маленькие власти цинично игнорируют и отчаянные набатные голоса средств массовой информации, и актуальнейшие рекомендации ученых и специалистов. И все же будем верить: сама жизнь заставит нас от свободы бесправия и произвола перейти к свободе законности, ответственности и долга.

Ну а нашим дорогим подписчикам и читателям, как всегда, желаем здоровья, радости, успехов, всего самого светлого и доброго, чем может одарить нас такая трудная, сложная, непонятная и все же такая желанная, всегда что-то обещающая, чем-то пленяющая нас жизнь.

Невзирая на всю тяжесть житейской ноши, желаем вам никогда не утратить глубокого чувства природы, так присущего всем ее почитателям, всем настоящим охотникам, и до конца сохранить ощущение «божественного величия мира».

«Все минется, одна правда останется» — так всегда в години тяжелых испытаний говорили у нас на Руси.

**Поздравляем вас с Новым Годом,
последним годом XX столетия!**

О. ГУСЕВ
главный редактор журнала
«Охота и охотничье хозяйство»

Охотники Москвы и Московской области, как и все охотники России, просят Правительство отменить постановление от 8 февраля 1999 г. № 138 «О предельных размерах за пользование объектами животного мира, отнесенных к объектам охоты».

Это Постановление ставит на грань существования систему охотничьего хозяйства во всех густонаселенных регионах России. А в малонаселенных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока за исполнением этого постановления просто некому наблюдать.

Предыдущее Постановление от 15 ноября 1997 г. № 1433 предусматривало оплату за изъятие из среды обитания диких копытных животных, а также медве-

ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИИ

дя, бобра, выдры и соболя, и это было вполне оправданно. Теперь же введена плата за всех охотничьих зверей и птиц и за каждый день охоты на отдельный объект охоты, то есть просто за прогулку по лесу с ружьем. Это явно ущемляет права охотника, так как снижает его возможности охотиться на разную дичь за единовременный выход на охоту. В итоге при-
менения такого Постановления мы полу-

чим новый и самый большой всплеск браконьерства.

Кроме того, Постановление противоречит ст. 35 Ф. 3. «О животном мире», в соответствии с которой плата должна устанавливаться не за день охоты, а за изъятие из среды обитания конкретного животного.

Наконец, тому, кто составлял проект Постановления, очевидно, неизвестно было, что охотники и без того платят Государственную пошлину, ежегодные членские взносы и за путевки на охоту, тем самым многократно возмещая ущерб, наносимый охотой на мелкую дичь.

По поручению Московского общества охотников и рыболовов
Председатель Правления В. ТУМАНОВ

Фото А. Севастьянова

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Обратиться к вам вынудила безысходность. В связи с лицензированием мы, малообеспеченные охотники, а их большинство, теперь практически отлучены от охоты. Мало того что мы платим большие деньги в районные общества охотников, теперь и государство решило залезть своей рукой в наш кошелек и без того пустой. Зарплаты у нас на периферии низкие, да и выплачивают с задержкой в два месяца, едва сводим концы с концами. Годовой взнос в общество отдавал частями (многие так поступают), так как не мог оторвать от бюджета семьи сразу более ста рублей, иначе и домой нечего принести. И если, платя обществу, мы знаем, что оно для нас что-то делает (биотехнические мероприятия, охрана угодий, выставки собак, коллективные выезды на охоты и рыбалки), то что сделало для охотников государство? Кроме как вытнуть у народа последние жилы, у него голова не болит. Интересно, куда пойдут взимаемые за лицензии деньги? На какие нужды? Каких чиновников от

охоты мы будем кормить, когда недоедают наши дети и мы сами? А может, под эти деньги готовится государством программа по увеличению численности животных в наших лесах? Но на памяти у меня только две «программы», которые воплощались и воплощаются в наших лесах. Вспомним 70-е годы — это уничтожение всего живого в лесу посредством опыления, когда погублено было все — начиная от синиц и кончая лосями, а отравление рек промышленными стоками? Сейчас же с успехом претворяется в жизнь другая «программа» — по уничтожению лесов, которую ведут лесозаготовительные предприятия и коммерческие структуры. Вырубаются последние спе-

лые леса — места обитания глухаря, численность которого стремительно падает. Так за что платить? Что делает государство в лице своих представителей — чиновников от охоты для увеличения охотничье-промысловых зверей и птиц в наших лесах? Прежде чем получить какой-то доход, надо вначале что-то вложить. У нас же действуют по принципу: «Был бы налогоплательщик, а налог мы придумаем!»

Лицензирование закроет дорогу в лес рядовому малообеспеченному охотнику (или он будет там редким гостем), зато туда ринутся браконьеры всех мастей, у которых в одном стволе заряжена путевка, а в другом лицензия. Считаю лицензирование — акт противозаконный по отношению к простому народу и не имеющих под собой достаточных оснований. Прошу редакцию поддержать нас — простых охотников и выступить на нашу защиту.

Охотник-любитель
СВЕРДЛОВ К. Н.

В РАМЕШКОВСКОМ ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

Примерно в 65 км к северу от Твери расположен Рамешковский район. В районном центре его — Рамешках есть общество охотников и рыболовов, возглавляемое Василием Алексеевичем Зверьковым. У общества свое охотничье хозяйство, которое ныне является одним из лучших в Тверской области. Наш корреспондент Р. Дормидонтов побывал в Рамешках, и мы предлагаем вашему вниманию его беседу с В. А. Зверьковым.

В. А. Зверьков

Контрольный обезд угодий

— Василий Алексеевич, давно ли вы стали председателем районного общества охотников и рыболовов?

— Я являюсь им уже 22 года, с 1977-го.

— Вы, конечно, и сами охотитесь.

— Я в этих местах родился и вырос, а охотником стал, можно сказать, с первого класса школы, хотя в семье нашей никто охотой не занимался. К ней прирастили меня охотники нашей деревни, и начал я с охоты на зайцев. Однажды они взяли меня на охоту с гончими, а возвращаясь, освежевали зайца и половину его отдали мне. Представляете, как я был счастлив. Я летел домой, как на крыльях... А когда пошел в седьмой класс в 1963 году, отец купил на свое имя, но для меня ижевскую одностолвку. Со своим другом и одноклассником, также имевшим ружье, мы завели гончую и как-то в начале зимы отправились с ней в лес. Неожиданно нас догнала машина. Мы чего-то испугались и спрятались в кювет, но были обнаружены. А в машине на охоту ехал директор нашей школы с товарищами. Мы думали, он обругает нас и прого-

нит домой, а он взял нас с собой, и мы вместе со всеми охотниками провели в лесу весь день. Прощаясь с нами, он сказал: «Охота не портит человека. Продолжайте, ребята, в том же духе»... Я всю жизнь вспоминаю его с благодарностью.

— Какую площадь занимает охотничье хозяйство вашего общества?

— 143 тыс. га, почти половину земель района. Кроме нашего хозяйства на территорию района заходят участки Кушалинского хозяйства Тверского подчинения, Калининского — Росохотрыболовсоюза и небольшой участок у Департамента по делам охоты.

— Какие у вас леса?

— Лес занимает всего 50—55 % территории, остальное — поля, выгоны... Преобладают лиственные породы, ельников мало, чистых сосняков почти нет, так, только небольшие островки.

— Болот много?

— Их было мало, а в недавнее время и они почти все были осушены.

— А речки, ручьи?

— Вот, мы сидим с вами на берегу

Каменки, а есть еще Сильница и отрезок Медведицы.

— Значит, в основном у вас может быть только боровая дичь...

— Да, она преобладает. В последние три года значительно выросла численность тетеревов, глухарей, меньше — рябчиков. Есть тока, на которых собирается до 50 тетеревов. Охота на них ведется только на токах из шалашей.

— Сколько же стоит она?

— Со своих членов общества мы берем за одного тетерева 15 руб., с гостей — 30 руб., с иностранного охотника — 1500 руб.

— За глухаря...

— С иностранцев — 3 тыс. руб., со своих — 30 руб., с приезжающих гостей — 60 руб. Каждая охота проводится с обязательным сопровождением егерем или проверенным общественником. Бесконтрольная охота у нас недопустима.

— А как же вы поступаете с исполнением постановления Правительства об оплате за каждый день охоты, за каждую отстрелянную пичужку?

— Во время весенней охоты у нас это Постановление еще не действовало, а сейчас районный охотовед требует, чтобы мы покупали так называемые лицензии за каждый чих. Постановление это можно обьяснить лишь одним — желанием окончательно разрушить систему общественного ведения охотничьего хозяйства. Ведь государству охотники и без того платят пошлину за охоту, платят за отстрел только некоторых видов дичи обществу, а не за каждого куличка-песочника. Почему-то кое-кто решил, что с охотника можно «три шкуры спустить и голым в Африку пустить». Такая политика кончится тем, что почти все охотники уйдут в браконьеры. Тогда и наступит полное запустение угудий.

— Да, все это так, и поэтому Росохотрыболовсоюз борется за отмену этого Постановления или внесение к нему поправок... Однако вернемся непосред-

ственно к вашему хозяйству. Скажите: гуси на пролете у вас бывают?

— В основном гуси останавливаются в соседнем Бежецком районе, а над нами, можно сказать, проходит коридор их пролета. Мы своими силами и средствами залили водой разработанное и осушенное торфяное болото площадью примерно в 20 га. Пролетные гуси присаживаются на него отдыхать, и мы пользуемся этим.

— А что на речках у вас?

— Есть бобры, выдры, норки. Они обитают у нас постоянно.

— Охотники занимаются промыслом?

— Да, у нас есть энтузиасты пушного промысла. За ними закреплены участки.

— А как же со сбытом пушнины?

— Сейчас это решается очень просто. В Твери живет некая Татьяна Симонова, которая в каждую первую пятницу марта скупает у наших охотников пушнину и сдает ее в пушно-меховые холодильники Москвы и Санкт-Петербурга. У нее есть на это лицензия и договор с областным обществом охотников. Благодаря ее работе теперь нет черного рынка.

— Скажите, а учеты дичи у вас проводятся? Вы знаете, сколько у вас лосей, кабанов?..

— Думаю, что точными данными никто и нигде не располагает. Поэтому мы считаем, что у нас примерно 100—120 лосей и 100—115 кабанов. Ведь звери постоянно мигрируют, переходят из района в район. В минувшую зиму из-за неблагоприятных условий от нас ушло много кабанов. Вообще же численность копытных, к сожалению, снижается. Если в 90-м году мы отстреляли 30 лосей и 80 кабанов, то в минувшем сезоне — всего 15 лосей и 23 кабана.

— Подкормками зверей занимаетесь?

— Конечно. Мы каждый год засеваем, засаживаем кормовыми культурами участки общей площадью в 7—8 га, закупаем зерно, картофель и выкладываем их на подкормочных площадках.

— Говорят, размер членских взносов вы определяете самостоятельно.

— Областным обществом нам дано такое право. Мы исходим из платежеспособности наших охотников. На сегодня годовой членский взнос у нас составляет 126 рублей.

— За счет чего же у вас есть доходы?

— Главным образом мы зарабатываем на коммерческих охотах. Уже более 10 лет принимаем иностранцев. Например, минувшей весной мы приняли всего двух иностранцев и за три дня заработали 12 600 рублей. Сервис иностранцам за отдельную оплату обеспечивает областное общество охотников.

— Как же вы находите иностранных охотников?

— Это идет через областное общество. У его председателя налажены

связи с финскими, шведскими, австрийскими, немецкими охотниками. Были у нас даже американцы. Все остается довольны охотами.

— Вы как-то сказали, что у вас всего три с половиной егеря. Что означает половина егеря?

— Это егерь, работающий за половину ставки, за 250 рублей.

— Как же вам удается с таким штатом обеспечивать учет, подкормки, организацию охот?

— У нас есть своеобразный костяк общества в 15—20 человек. Этим дружным коллективом мы выполняем все работы: своими силами построили дом охотника, у подкормочных площадок установили полувышки для охоты на кабанов, на речках Каменка и Сильница из подручного материала соорудили три плотины и обмелевшие было речки, снова наполнились водой. Теми же силами, включая егерей, мы проводим учеты и организуем коммерческие охоты.

— Что вы называете полувышками?

— Это всего лишь дощатые площадки с перилами и без крыш, поднятые на высоту метра в два с половиной. Если охотник на такой полувышке неподвижен и в маскировочном костюме, успех ему обычно обеспечен.

— Простите за нескромный вопрос: ваши энтузиасты, должно быть, все-таки как-то заинтересованы в своей работе?

— Да, им представляется льготное, первоочередное право охоты.

— И вот, пожалуй, последний вопрос: как у вас с волками?

— Охота на волков — мое самое любимое занятие. Я ученик известного всегонского охотника Павла Ивановича Ручкина, который добыл 319 волков. В 77—78-х годах я у него учился. В 79-м году впервые вабил и нашел первый выводок. Мы добыли сразу 8 волков. Нынче появление волков мы держим под контролем, и сейчас у нас, может быть, есть всего 2—3 приших волка. Именно поэтому в наших угодьях сохранились лоси и кабаны. Сам я отстрелял 18 волков, стрелял их на номере, четырех волков — с Бурана, четырех — с вертолета. Вот сейчас я продемонстрирую вам подвывку матерого.

В. А. Зверьков протяжно провлял волчий и добавил:

— А вы знаете, как это интересно, как захватывает? После моей подвывки в лесу установилась мертвая тишина, а спустя минуту откликнулись матка, хорм — молодые и перьярки, да так громко, так страшно, что мороз по спине пробегает, колени от волнения дрожат.

— Да, я слышал волчий вой. Это действительно страшно... Ну, что же, Василий Алексеевич, большое спасибо за беседу и за ту по-настоящему творческую работу, которую вы ведете. Будем надеяться, что ваш опыт и другим пригодится.

Фото А. Севастьянова

Здравствуйте, уважаемая редакция! Как известно, в последнее время наряду с путевкой для реализации права на охоту необходимо приобрести еще и лицензию на добычу той или иной птицы либо определенного вида животного. И хотя введение лицензирования таких объектов животного мира, как водоплавающая, боровая дичь, зайцы, не бесспорно, вопрос в другом.

Почему лицензия на уток, тетеревов (а позднее, по-видимому, будет и на зайца) выписывается в определенный район? Почему она не может быть как минимум областной и как максимум общероссийской? Ведь лицензия, как я понимаю, это своего рода государственный налог с охотника за изъятие из среды обитания того или иного животного. Но одновременно охотник не может находиться в двух и более районах! Почему же тогда, покупая сезонную областную путевку, он вынужден в каждый район или хозяйство брать отдельную лицензию, выплачивая тем самым несколько раз за одно и то же животное?

Так не должно быть! Что по этому поводу может ответить председатель Центрального правления ассоциации «Росохотрыболовсоюз», начальник Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода РФ? А что ответят юристы?

Н. ДАНИЛЕНКО
г. Новосибирск

Здравствуйте, уважаемая редакция! Дождаясь открытия летне-осеннего сезона, мы столкнулись с еще одним новшеством, которое называется «Именная разовая лицензия».

После продления охотничьего билета до 2000 года, узнали, что надо платить еще по 100 рублей, и делается это якобы для того, чтобы потом все путевки были бесплатные. За продление билета заплати 50 рублей, да еще 100, но потом — нет проблем! Но «рано пташечка запела», тут появилась эта самая «разовая лицензия». За сутки охоты на утку надо заплатить 2 рубля 50 копеек. Если берем на утку голубя, кулика, то 5 рублей. Это значит, чтобы взять «именную разовую лицензию» на сезон, то есть на три месяца, надо заплатить 450 рублей. А в приложении к постановлению главы администрации Липецкой области от 01.04.99 г. № 53 установлены тарифы в количестве минимальных оплат труда: лось — 5 минимальных; олень — 3; кабан — 2; козуля — 2; бобр — 0,5; заяц — 0,03, лисица — 0,02.

Что же выходит? А то, что эту самую «Именную разовую лицензию» приравнивали к лицензии на лося. Далеко не каждому охотнику это по карману.

С. КАРЦЕВ
Липецкая обл.

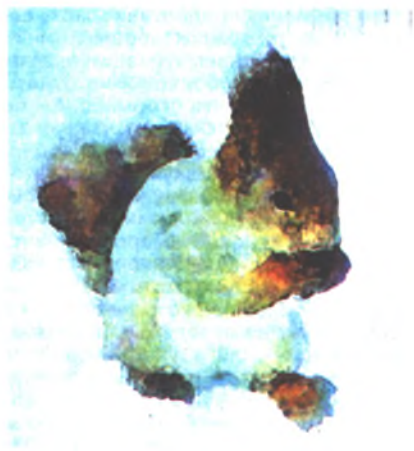

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

ДОБРОЕ УЧАСТИЕ

Зима — трудное время для жителей леса. По ночам маралы приходят к заготовленному для них селу. Зайцы быстро отыскивают срубленные осины и обгрызают ветки. А с подкормочных площадок для кабанов даже днем иногда доносится визг ссорящихся зверей.

Подкормочные площадки не только помогают животным выжить в суровые зимы, но и удерживают их на территории хозяйства. Стационарные ловушки, установленные на площадках, позволяют егерям отлавливать зверей для расселения. В случае необходимости, на тех же площадках, можно дать кабанам лекарственные

препараты вместе с подкормкой. Наблюдения с вышек позволяют и подсчитать обитающих в округе животных, и узнать много другой, полезной для работы хозяйства информации. Например, сколько взрослых животных среди приходящих кормиться групп, сколько молодых, каков половой состав и прочие сведения.

Наблюдения с вышки так интересны, что желающим впору выдавать путевки, чтобы они вместе с егерем могли вплотную увидеть не часто попадающих на глаза животных.

Кроме зверей, для которых устроена площадка, обычно видишь и других обитателей леса, а иногда и совсем редких.

Однажды в Лотошинском районе Московской области мне довелось наблюдать за рысью, которая шла мимо подкормочной площадки. То ли проверяла, не заезжал ли где молодой кабанчик, то ли направлялась к другим кормушкам караулить косуль. Но ее обнаружил ворон и, летя вполдерева, сопровождал с криками, присаживался на ветки, если она останавливалась. Пришлось рыси вернуться в густой ельник и скрыться там от назойливой птицы.

А один из знакомых егерьей видел с вышки проходившего по весне молодого медведя. И не где-нибудь в дикой глуши, а на границе Московской и Тверской областей.

Устройство подкормочных площадок, пожалуй, одно из самых полезных биотехнических мероприятий. Хорошая охрана и доброе участие людей, помогающих животным пережить зиму, делают хозяйства притягательными и для зверей, и для охотников.

«Лосинка» — Биологическая охотоведческая лаборатория, руководимая профессором Борисом Михайловичем Житковым, была частью Центральной Лесной опытной станции и финансировалась, вероятно, по линии Народного Комиссариата Леса. Помещалась «Лосинка» на втором этаже двухэтажного деревянного дома по тихой улице среди соснового бора на северо-восточной окраине Москвы. Там было пять или шесть больших комнат метров по двадцать каждая. Только одна была отведена для лабораторных занятий; две были заняты семейством лесничего Стахровского, и по одной занимали сам Житков и старший охотовед Лобачев.

Время зарождения Биолого-охотоведческой станции в Лосином Острове под Москвой современники, работающие во Всесоюзном НИИ охотничьего

того времени) предоставит часть своей территории для экспериментов, например для акклиматизации экзотов, то беды в этом большой не будет, а польза может быть огромная. Он был твердо убежден также, что каждая наука (и, разумеется, зоологическая) должна принести близкую и перспективную пользу народному хозяйству. Естественно, что такие установки привлекали на Станцию стажеров и практикантов из числа оканчивающих биологический (физико-математический) факультет Московского университета. Зоологическая молодежь, поступавшая на Станцию для изучения биологии птиц и зверей, видела перспективу: возможность будущей работы в заповедниках, управлениях охотничьим хозяйством и в биологических лабораториях.

Далее я посвящаю несколько строк тем обитателям (кадрам) «Лосинки», с которыми мне пришлось так или иначе встречаться, работать и даже дружить. Но сначала еще о самом Б. М. Житкове.

ЛОСИНКА - ШКОЛА Б.М.ЖИТКОВА

хозяйства и Звероводства (ВНИИОЗ), который существует теперь в Кирове (Вятке), относят к 1922 году и считают ее своей прародительницей. Поэтому и юбилейная (75 лет!) конференция ВНИИОЗ состоялась 27—28 мая 1997 г. На самом деле все было много сложнее. Институт Пушного хозяйства и Пантового оленеводства (ВНИПО) — прародитель ВНИИОЗ — был сформирован в 1931 г., когда он «поглотил», вовлек в свою орбиту Охотоведческую Биостанцию в Лосином Острове и Волжско-Камскую в Казани. Его основателем был Павел Александрович Петряев — о нем я писал особо (Охота и охотничье хозяйство, №9—10, 1998).

Сменявшийся штат «Лосинки» насчитывал около десяти человек, а всего через нее прошло, вероятно, не менее двадцати-двадцати пяти. По происхождению это были выходцы из московской интеллигенции, любившие живую природу и ее диких обитателей. Студенты-биологи Московского университета увлекались путешествиями в глухие места страны и даже подрабатывали на поставках живого товара: пресмыкающихся, птиц, зверей Московского зоопарка. Из Средней Азии они привозили в Москву черепа, змей, ящериц, пеликанов, бакланов, цапель, уток, куликов, сусликов, тушканчиков, хорьков и др. По этническому составу (примерно) это были великороссы — 85 %, евреи — 5 %, прибалты — 2 %. Семинары в Лосинке были как-то не модны, изредка обсуждались только деловые и хозяйственные проблемы. Отчеты по биологическим экспедициям, результаты собственных исследований докладывались в более широкой аудитории на секциях Московского об-

щества испытателей Природы в Зоологическом музее Московского университета на ул. Герцена, 6.

Окончив в 1929 г. Московский зоотехнический институт, я попал в сформировавшийся коллектив зоологов «Лосинки» в связи с поиском перспективного жизненного пути, возникновением и развитием новой отрасли сельского хозяйства — пушного звероводства. Мне как-то инстинктивно хотелось отойти от обычных, традиционных зоотехнических путей-дорог: разведения свиней, коров, овец, лошадей и верблюдов, а также использовать свои охотничьи знания и навыки в будущей деятельности. Не обошлось здесь, вероятно, и без совета моего друга — профессора Нестора Александровича Смирнова, который и рекомендовал обратиться к Житкову.

Добираться до Биостанции приходилось на 4-м номере трамвая от Казанского вокзала до кольца в пригородном поселке Сокольники, а потом идти с километр пешком через сосновый лесопарк. По соседству там было еще несколько деревянных частных дач и близко проходила железная дорога со станцией «Лосиный Остров». Все это хозяйство находилось на северо-восточной окраине Москвы в значительном сосновом массиве с подлеском из красной бузины и орешника. Здесь не так давно водились лоси, а в 20-е гг. обитали еще зайцы, куницы и лисы.

Сам Борис Михайлович, возглавлявший Лабораторию, придерживался прагматических воззрений в зоологической науке. Он даже как-то писал, что если обширная бедная страна (имеется в виду слабая освоенность огромных природных ресурсов России

Б. М. Житков. В 1929 г. Борису Михайловичу было 59 лет. Он выглядел сухощавым, жилистым мужчиной, роста несколько выше среднего, сутуловат, со слегка седоватой шевелюрой, небольшими подстриженными усами, добрыми серыми глазами и негромким голосом. Он постоянно носил очки и по близорукости смотрел на собеседника через них. Дома он охотно носил туфли из толстой замши, напоминавшие ему о фехтовальных упражнениях молодости. От него всегда веяло какой-то дружеской симпатией.

Моя первая встреча с Житковым состоялась в его кабинете в музее Московского университета на улице Герцена в марте 1929 г. Мы понравились друг другу, и в начале апреля я уже был зачислен в штат Биостанции в Сокольниках, где стал постепенно знакомиться с ее обитателями и их занятиями.

Узнав, что я по окончании Московского зоотехнического института выполнил гистологическую дипломную работу по исследованию шерсти кросс-бредных овец, Борис Михайлович почему-то восхитился и предложил мне написать краткий очерк методики подобных исследований, обещал быстро опубликовать его в Трудах Биостанции. Я сделал это и даже наметил логичное продолжение — создание определительных таблиц по гистологической характеристике меха всех пушных зверей России с красочным Атласом таких волос. Это встретило полное одобрение со стороны Житкова, понимавшего, что подобный Атлас может пригодиться для теоретической разработки стандартов пушно-мехового сырья и для криминологов. Сам Борис Михайлович вскоре опубликовал в журнале «Пушное

дело» статью о методике исследования качества меха пушных зверей, а я, занявшись полевой экологией земноводных грызунов, отложил свои гистологические упражнения в «долгий ящик».

Борис Михайлович моментально располагал к себе собеседника и мягкой улыбкой, струившейся из близоруких глаз и уголков рта, обрамленного подстриженными седыми усами. С ним я сразу почувствовал себя спокойно и уютно. Его почитатели и почитательницы рассказывали, что он был особо привлекателен в молодости, когда в его темной шевелюре над лбом эффектно выделялась одна серебристая прядь. Он любил юмор, а это уже означало доброту души. Ленья Шапошников как-то рассказывал мне позднее, что в свои 60 лет профессор говорил однажды им, молодым, что охотнику пошел бы на свидание с 18-летней девицей, буде она назначила бы ему такое. Он явно любил жизнь и откровенно боялся смерти, что было прямым следствием здоровой психики.

Однако на позднем этапе профессор, видимо, не был счастлив в личной жизни. Детей он, по-видимому, не завел, а попытка устроить поздний брак в начале 30-х была неудачна. Молодوخа Ирена Юрьевна, лет 35-ти, занимавшаяся переводами немецких звероводных брошюр, оказалась слишком бурной сексуальной особой (на стороне) и подверглась изгнанию. В конце 30-х свободное время профессор, насколько я знаю, проводил у своих двух сестер.

При всей своей доброте профессор мог и раздражаться. Рассказывали, что, взбешенный какими-то претензиями профсоюзных или комсомольских деятелей университета, зашедших к нему в кабинет, он выставил их с треском, разразившись тонким фальцетом, употребляя соответствующий делу глагол в императиве и отверстие прямой кишки. Он был также способен восторгаться эффекту от действия ковш холодной воды на психику и динамику кошек, крадущихся к очередной жертве в виде синицы или пеленки. Проживая летом на Биостанции, Борис Михайлович выходил по утрам на балкон и, увидев внизу кошку, пытался облить ее холодной водой из заранее приготовленного кувшина. При удаче он с восторгом рассказывал нам, как кошка, получив «неожиданный импульс бодрости», подпрыгивала с места вверх «аж на целый метр»! Помню, как-то мы собрались даже сложиться на покупку специального водного пистолета для более успешных утренних упражнений любимого учителя.

Литературная и научная продукция Житкова была обильна, и частично она перечислена в «Библиографии научных работ ВНИИОЗ», 1977. Он с легкостью писал как общегеографические статьи и монографии, так и специальные статьи и брошюры по вопросам истории освоения соболя, об экологии серой крысы, промысле пролетной водоплавающей птицы в дельте Волги и т.п.

Мне он вскоре подарил две своих новых книжки, вышедших в 34-м и 40-м годах.

После моего отъезда в Баку в 1935-м мы надолго расстались.

В 1942 году Житков попал под военный автомобиль и чудом остался жив, так как у него было сломано несколько ребер. После выписки из госпиталя Борис Михайлович проживал вместе с Д. Вязлиным в Зоологическом музее Университета на улице Герцена, 6, но 3 апреля 43-го скончался в возрасте 72 лет и был похоронен на Девичьем кладбище в колумбарии 22, секция 7, № 1187. Перед смертью он прислал мне в Баку открытку, текст которой я привожу дословно. Несмотря на страшную войну, почта работала! Простая открытка была написана четким, отнюдь не старческим почерком.

19 февраля 43

«Дорогой Николай Кузьмич. Мы давно не переписывались — вероятно, Вы не знали, что в начале мая я был ушиблен (почти убит) воен. автомобилем. Сломало 5 ребер, убило обе ноги, голову не треснуло (давно знакомый приятель, ощупав меня, спросил — цел ли автомобиль?). Многие из врачей удивлялись, как я остался жив, но оправился я быстро, до блокады, только мучает одышка.

Русских сочинений по дичи нет, кроме статей в «Природе и охоте». Многочисленная немецкая литература — особенно сводки по охоте (ни одной фамилии не помню, о чем теперь очень страдаю). У меня также нет птиц дельты Волги, она есть во всякой библиот., так как вышла в Министерстве земледелия.

Вам теперь хорошо в дачных местах, здесь даже на ворон только поглядываешь, а об утках и говорить нечего. Живу я вторую зиму в Зоол. музее с Вязлиным. Он Вам кланяется, тоже Шапошников, который вчера был у нас. Хочу на май уехать под Москву, в Санаторию, если справлюсь с деньгами**. Боюсь, что охотиться больше не придется, разве что без ходьбы (тяга, с лодки и т. д.). Много народу умерло, кто убит, кто так. Амер. (ударом***). Дм. Петр. Филатов недели 2 тому. Шапошников в У-е в Горьком. Оттиск**** Ваш получил, написал кратко на Биол. станцию (некоторые, наверно, думали,

* Я запрашивал у Житкова его сочинение о птицах в дельте Волги.

** А 3 апреля 43 г. Б. М. скончался в возрасте 72 лет.

*** Вероятно, умер от инсульта.

**** Моя статья об успешном разведении нутрии в болотах Колхиды (1942) порадовала старика.

что из нутрии толка не выйдет). Жму руку.

Ваш Б. Житков»

Основные рационализаторские предложения Житкова в области практики охотничьего хозяйства заключались в вовлечении в гос. заготовки шкурок второстепенных пушных видов зверей — сусликов, слепышей, хомяков, цокоров, водяных «крыс» и особенно нутрии, акклиматизированной в болотах юга СССР. Широкое развитие клеточного и вольного нутриеводства в России является поистине великолепным памятником Б. М. Житкову.

Д. М. Вязлинский. В конце 20-х Дмитрий Михайлович Вязлинский был лысеющим брюнетом лет 28, хорошо сложенным и воспитанным, но туговатым на ухо. Он делал все с солидной подготовкой, не торопясь, увлекался фотографией. Было известно, что он сделал основательную работу по линьке крота, методично отлавливая зверушек кротоловками на протяжении года, даже зимой под снегом. Его цитировал тогда в томе насекомых С. И. Огнев. Вкупе с Л. В. Шапошниковым Дима занимался также экологией выхухоли и речного бобра. Ездил для этого на Ук-

раину и в Белоруссию. Я помню, как привезенные на Станцию живые выхухоли были выпущены в маленький прудик при Станции и, быстро уничтожив там немногих моллюсков и личинок насекомых, подкармливались выпускаемыми карасями, а потом, оголодав, вылезали из воды и начинали очень бойко искать червей и жуков в лесной подстилке из осенних листьев дачного сада. При этом они были похожи на кротов.

После работы с кротом научная продукция Вязлинского закончилась, но он сделался помощником директора Зоологического музея при МГУ — профессора С. С. Турова. В. И. Цалкин объяснял мне это бесплодие своеобразной психической болезнью Димы. Новый неожиданный взлет деловой активности у Вязлинского произошел

уже после ВОВ, при подготовке подарков к 70-летию Сталина. Дима предложил заказать художнику А. С. Комарову — превосходному анималисту написать картину: «Орел беркут, парящий над Кавказом». Такая аллегория и идея очень понравилась всему коллективу музея, а возможно, и самому отцу народов Мира, и Дима моментально вознесся по административной лесенке, хотя и не над Кавказом. Его сделали полным директором музея вместо Турова.

Младший брат Димы — Юра — был глущий, цветущий брюнет и в то время работал практикантом-стажером на лисьей ферме в Пушкине. По происхождению Вяжлинские были польскими евреями, а отец обоих братьев — почтенным раввином. Семейство это занимало отличную квартиру в центре Москвы и, по-видимому, благоденствовало.

В начале 80-х Вяжлинский скончался от возрастной дряхлости.

Б. А. Кузнецов. В 29-м и начале 30-х Борис Александрович Кузнецов в «Лосинке» уже не появлялся, так сказать, «слетел с гнезда». На самом деле, как я позднее понял, он был, выражаясь ипподромным языком, значительно резвее других житковцев. Из разговоров с его бывшими коллегами, особенно с Л. В. Шапошниковым, я узнал, что Борис был 1907 года рождения (то есть всего на год старше меня), но уже стал преподавателем Университета, известным специалистом по мехам и работал над Стандартами пушно-мехового товара. Учитывая обширность нашей страны, географическую изменчивость окраски и качества меха наших пушных зверей, это была весьма ответственная

задача. Его работа в Московском холодильнике (куда поступали и сортировались меха) была под силу только весьма эрудированному зоологу, который мог противопоставить знаточеству немногих экспертов реальные научные знания.

Я стал встречаться с Кузнецовым с 1931 г. по ВНИПО — в «Башне». Это был экспансивный блондин среднего роста с острым носом, прыщавый, крикли-

вый, говорливый, нередко неприятно подхихикивающий. Говорили, что за эту манеру профессор С. И. Огнев терпеть не мог Бориса.

Близиких товарищей среди житковцев у него, по-видимому, не было. Шапошников рассказывал мне, что в Лосинке Кузнецов был известен под кличкой «Моя 13-я работа», так как при знакомствах с девушками он пытался их покорять, объявляя, что у него уже опубликовано 13 научных работ. Писал он научные статьи действительно очень легко, быстро и свободно. Разделавшись со «Стандартами», Кузнецов опубликовал целый ряд вполне квалифицированных фаунистических и зоогеографических очерков регионального и общесоюзного порядка, и неожиданно занялся даже экологическими проблемами, опубликовав книжицу о биотехнических мерах в охотничьем хозяйстве.

На протяжении 60-х, 70-х мы изредка встречались с Борисом на заседаниях Ученого совета в Институте «Животного Сырья и Пушнины», позднее — «Охотничьего хозяйства и Звероводства» (ВНИИЖП — ВНИИОЗ) в Кирове. При решении экономических вопросов и рекомендаций Главку — т. е. «Союзпушнине» и «Потребсоюз» (Центросоюзу) Борис постоянно выступал с прежних жестких позиций «Пушиногострга» — т. е. ратовал за низкую оплату заготавливаемой пушнины, уверяя, что так заготовки будут более успешными и устойчивыми.

В начале 60-х, при нашей встрече в Москве, он сразу же заявил мне: «Я заключил несколько договоров и пишу, пишу...» В конце 60-х я встречался с Кузнецовым на Международных конгрессах биологов-охотоведов в Югославии в 1965 году, Финляндии — в 1968 г., на первой Всемирной Охотничьей выставке в Венгрии, в 1971 г. Борис, как и обычно, держался в нашей делегации особняком, занимаясь созерцанием ландшафтов совершенно самостоятельно. Он неизменно поражал меня тогда своей энергией, вставал в 7—8 утра и, пока все наши спали, успевал обегать несколько километров городских улиц Будапешта или окружающих лесных угодий, если мы ночевали на экскурсионных базах в лесу — в финской Лапландии. А ведь нам обоим было тогда уже за 60 с гаком.

Последний раз я встретил Бориса в середине 80-х в столовой Московского Дома ученых. Он обедал там с женой — хилой старушкой и заметно утратил свою обычную писучесть. «Пишу, пишу...», — пробормотал он, после приветствия. Больше я его не видел.

Н. П. Лавров. С Николаем Петровичем Лавровым меня связывала в самом начале 30-х годов общая забота об ондатре. Первая большая партия ондатр из Канады (около 514 экз.) поступила в зверосовхоз в Пушкине, под Москвой летом 1929 г., и была помещена в загон-вольеру площадью

около 2 га с прудом и ручьем. Распоряжением П. А. Петряева ведать ондатровой фермой было поручено мне, но лишь до поступления — завоза нутрий. В помощники ко мне был приставлен егерь-пскович Никита Изотов. Вот на эту ферму к нам изредка и заглядывал зимой 29—30-го года из Москвы Лавров, которому Житков и Петряев предполагали поручить в перспективе все меры по акклиматизации ондатры в целом по стране.

Лавров был сухоощавый молодой человек среднего роста, простоватый, но прилежный и аккуратный в работе и быту, имел жену и сынишку. Ему было тогда уже за 30. Он напечатал подробную сводку по косуле и преподавал зоологию в каком-то техникуме.

Помню, что в августе 29-го мне и Лаврову было доверено каждому по 50 пар ондатр для сопровождения и выпуска в Западную Сибирь; мне — на речку Демьянку в бассейне Иртыша, Лаврову — на речку Елогуй — приток Оби. Это была очень ответственная операция — первый масштабный выпуск чужеземного зверя на нашем материке. Весной 30-го я передал Лаврову перезимовавших в Пушкине ондатр — что-то около сотни голов, а сам переселился во 2-й Зверосовхоз в Салтыковку к нутриям.

Лавров, как дотошный счетовод, вел учет всех выпусков ондатр по стране и описывал как мог их результаты. Опубликовал книгу по этому поводу в 1952 г., а затем, поступив в докторантуру к профессору В. С. Виноградову в Зоологическом институте АН СССР, защитил докторскую диссертацию на эту тему. Совместно с С. П. Наумовым Лавров изучал экологию и запасы тонкопалого суслика в Туркмении и более или менее успешно читал курс биологии пушных зверей в Пушно-Меховом институте в Балашихе, где получил звание профессора. В 70-х ему, как члену Ученого совета ВНИИЖП (НИИ Животного сырья и Пушнины), присвоили звание почетного сотрудника этого института в г. Кирове (Вятке). Скончался Лавров в конце 80-х.

Окончание следует.

ФОТОКОНКУРС «ОХОТА И ПРИРОДА, 2000»

**Редакция журнала «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
объявляет очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 2000».**

Условия фотоконкурса «Охота и природа, 2000»

Принимаются цветные и черно-белые фотографии форматом 15×21 см, а также слайды (любого размера). Фотоочерки — из любого количества фотографий.

В сопровождающем письме или на оборотной стороне каждого снимка мягким простым карандашом укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, паспортные данные, адрес, название снимка (или серии), место съемки.

На конверте напишите: на фотоконкурс.

Журнал интересуется любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: все виды и способы охоты, охотничьи звери и птицы, работа охотоведов, егерей, обществ охотников и охотничьих хозяйств, биотехнические мероприятия, спасение животных, попавших в беду, борьба с браконьерством, пейзажные и жанровые фотографии.

За лучшие фото и фотоочерки установлены премии:

2 первые — по 2000 рублей

3 вторые — по 1000 рублей

4 третьи — по 500 рублей

Присланные на конкурс работы не возвращаются и могут быть использованы для иллюстрирования журнала.

Прием фотографий на конкурс заканчивается 10 декабря 2000 года.

ФОТО НА КОНКУРС

Друзья. Фото В. Филатова.

Фотоконкурс «Охота и природа»

ПРИМАНКА НА ЛИСИЦУ

С. КОРЫТИН,
доктор биологических наук,
профессор

Распространение лисицы очень широко, она обитает в различных природных зонах, питается как животными, так и растительными кормами, поэтому приманки на нее весьма разнообразны. Это смелый и осторожный зверь, ловить его трудно. Взрослые лисицы более осторожны, чем молодые, самки осторожнее самцов. При высокой численности звери лучше идут на приманки, чем при низкой.

Охотнее лисицы берут привады и приманки в местах, где они питаются, — на полях и лугах и неохотно в глухом лесу, где им более свойственно отдыхать. По местам обитания различают два типа лисиц: «полевые» и «лесные». Последние более осторожны. Там, где на зверей охотятся, они относятся к привадам, приманкам и ловуш-

кам опасливее. Вблизи дорог и на дорогах, в местах, где много следов человеческой деятельности, лисицы ведут себя смелее. Как правило, маленькие приманки звери берут решительнее, чем крупные.

Чем холоднее, тем реже лисицы обнаруживают приманки, чем теплее, тем чаще, с похолоданием дальность их обнаружения уменьшается, с потеплением увеличивается. Отчасти по этой причине к весне дальность обнаружения лисицами приманок возрастает. Лучше всего звери берут приманки перед непогодой, выгою, бураном.

Все приманки по принципу их действия на лисицу можно разделить на три основные группы. Первая — запахи, несущие информацию о зверях своего и других видов (моча, экскременты, секреты пахучих желез и т. д.). Вторая — приманки, сулящие наполнение желудка: свежее и несвежее мясо и жир зверей, скота, птиц, рыбы, ящериц, лягушек, змей, насекомых. Третья

Фото А. Севастьянова

группа включает запахи, вызывающие любопытство зверя: одеколоны, духи, лосьоны, эфирные масла, настойки трав, запахи различных химических веществ. Наиболее сильно привлекают в период гона и в преддверии его приманки первой группы, менее надежны приманки третьей группы.

Чтобы выявить конкретные привлекающие запахи, мы испытали на лисицах, содержащихся в неволе, около 150 различных пахучих веществ. Затем наиболее эффективные из них использовали в качестве приманок, раздавая их охотникам. Оказалось, что вкусы зверей в неволе и в природе в основном совпали. На основе всех этих опытов предложили три запаховых приманки: «Акрон», «Румб» и «Зверосовхозная», которые на промысле показали хорошие результаты.

Приманка «Акрон» включает парные подхвостные железы норок. В большом количестве они могут быть собраны осенью в период забоя зверей на зверофермах. У крупных особей железы имеют длину до 25 мм и весят около 6 г. Секрет желез жидкий, маслянистый, желтовато-зеленоватого цвета. Запах сильный, «норичий», напоминающий одновременно чеснок, лук и черемуху. Пригодны железы и самцов, и самок. При снятии шкурки железы остаются на тушке, хорошо видны и легко срезаются с помощью ножниц (особенно кривых) и пинцета. На срезание пары желез в среднем уходит 10—15 сек.

Для приготовления приманки собранные железы следует пропустить через мясорубку или измельчить ножом и полученную массу залить аптечным глицерином из расчета 7 пар (можно и больше) желез на 100 г глицерина. Перед разливкой во флаконы и употреблением приманки ее надо взбалтывать. При хранении в леднике или прохладном месте привлекающие свойства приманки не теряются в течение 2 лет. Кроме лисиц на приманку «Акрон» ловятся колонки, куницы, хорьки, норки и ласки. Этот запах привлекает и других зверей. При испытании в Приамурье при отлове на мясную приманку на одного зверька затрачивали в среднем 260 капкано-суток, а при использовании «Акрона» 23,5 капкано-суток. Самцов на «Акрон» ловится в три раза больше, чем самок.

Эффективные приманки, подобные «Акрону», можно готовить и из пахучих желез зверей других видов: лисиц, песцов разных расцветок, енотовидных

собак, соболей. К сожалению, подхвостные железы у них невелики, размером всего с горошину. При мартовском забое железы крупнее, чем при осеннем. Готовят приманки так же, как из желез норки, но, поскольку они мельче и пахнут слабее, их заливают глицерином в объеме 1:1. В небольшом количестве такие приманки можно готовить из желез добываемых зверей на промысле. В американской «Охотничьей энциклопедии» рекомендуется приманка на лисицу следующего состава: к 85 г растолченной смеси анальных желез, желчного пузыря, помета и мочи пойманного зверя нужно добавить 25 г глицерина и 0,7 г сулемы. Последняя предназначена для консервировки, а глицерин в качестве незамерзающей основы. Мускус кабарги служит приманкой для всех хищных зверей, в том числе и для лисицы, однако привлекающая сила кабарожьего мускуса преувеличена.

Приманка «Зверосовхозная» включает мочу и помет зверей, разводимых на фермах, в весовом соотношении 1:1. К этой смеси добавляется две части глицерина. Собрать мочу можно, подвесившая под клетками с сетчатыми полами «поддон» из полиэтиленовой пленки или жести, или со снегом под клетками. Пригодна моча самцов и самок, последняя наиболее эффективна, особенно собранная в период гона. На приманку «Зверосовхозная» ловятся только лисицы: самцов в 6–10 раз больше, чем самок. Приманки, подобные этой, могут быть сделаны из мочи и помета других зверей, разводимых в неволе или добытых во время охотничьего промысла. В последнем случае «шлаки» берутся из мочевого пузыря и кишечника.

Для изготовления приманки «Румб» фаршем из любого мяса в небольшом количестве заполняют стеклянную банку на 1/3 (разлагающаяся масса вспучивается) и помещают в теплое место, до тех пор, пока фарш, постепенно тускнея, не приобретет серую окраску снаружи и внутри. В запахе должен появиться овчинный оттенок. Нельзя доводить разложение до превращения в черную зловонную жидкость, привлекающие свойства которой значительно слабее. Чем сильнее измельчено мясо, тем сильнее идет разложение. Для ускорения процесса мясо можно положить в термостат и квасить его при температуре от 30 до 60 градусов. Если уберечься от мух не удалось и личинки все-таки завелись, следует плотно закупорить банку, тогда они погибнут и сами подвергнутся разложению, не ухудшая качества приманки. Полученную при разложении массу можно употреблять как самостоятельную приманку, но она дает лучшие результаты при смешивании ее с жиром. При этом жир может быть любой, но лучше легкоплавкий. Например, хороший эффект получен при добавлении в приманку на 1000 г протушенного фарша 400 г коровьего масла и 100 г рыбьего жира. Приманка

привлекает не только лисиц, но и других хищников. Запах ее более стойкий, чем у других приманок.

Хорошо привлекает лисиц приманка Вавевского. Ее готовят следующим образом: 400 г мяса, разрезанного на куски размером с грецкий орех, держат в тепле 3–5 дней, а потом кладут их в расплавленное свиное или говяжье сало (800 г) и, продержав кастрюлю несколько минут на огне, процеживают сквозь марлю. Полученной сальной массой обмазывают кормовые приманки, прокладывают пахучие следы.

Опыт охотников показывает, что эффективно манят лисиц смеси разных жиров. В приманку «Сварка» входит по 100 г говяжьего сала, коровьего топленого масла и в половину меньше гусиного жира, 5 горошин черного перца и одна луковица. Все это кипятят, не допуская пригорания, а затем удаляют лук и перец. На данную приманку, кроме лисиц, хорошо идут звери семейства кунных.

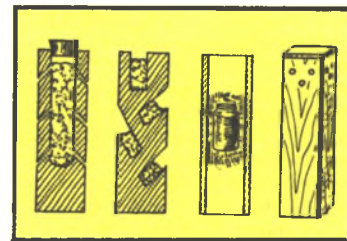
Практически на приманку лисицы идет любое мясо диких и домашних животных, за исключением кротов и землероек (зверьков размером с мышь, с вытнутым хоботком), которых сытые звери отвергают, но, олодав, едят и их. Мышей лисица ест хуже, чем полевков. У них в отличие от мышей хвостики короткие. Водяную крысу съедают охотнее, чем серую, обычную. При использовании мяса хищников лучшие результаты дают приманки из мяса выдры. Лисье мясо — плохая приманка на лисицу. В то же время привады из тушек серебристо-черных лисиц, разводимых на фермах, красные лисицы берут охотнее. Красная лисица, которую мы месяц кормили мясом серебристой, через месяц начисто отказалась от него и предпочитала голодать более недели. Тушки и мясо птиц — хорошая приманка на лисицу. Все виды пернатых привлекательны. Наибольший успех приносят виды птиц, разводимые человеком. Среди домашних пернатых максимально соблазняет курица. Привлекает внимание всякая кровь, особенно куриная или заячья. Чтобы кровь не свертывалась, в нее добавляют чайную ложку глауберовой соли к двум литрам крови.

Лисы жадно поедают корма, содержащие ценные биологические вещества, например последние растелившихся домашних животных, их эмбрионы, мозги, печень. Ловились лисицы также на приманки из лягушек, саранчи, личинок майского жука и жуков-плавунцов. Привлекают их отходами кожевенно-овчинного сырья, выделанными и невыделанными лоскутами кожи, тестом, использованным при выделке. Иногда клочки дубленой овчины вымачивают в рыбном рассоле.

Во многом вкусы человека и лисицы совпадают. Лисицу привлекают почти все излюбленные продукты питания людей, хотя в природе их нет. Пойманные нами красные лисицы, почуяв запах слегка прогорклого сливочного

масла, беспрерывно облизывались. Хорошо манит лисицу запах сыра. Басня Крылова «Лисицу сыр пленил» — отзвук реальных наблюдений. Привлекает не только вареная, но и копченая колбаса, а также копченое мясо и сало, копченая рыба. Лисиц приманивают порошком из пресного теста, испеченного на сметане. Мед с анисовым или мятным маслом — неплохая приманка на лисицу.

Некоторые охотники в качестве приманки используют продукты парфюмерии: одеколоны, духи, лосьоны или эфирные масла — мятные, кориандровые и прочие, а также настойки валерианы и др. Привлекающая сила таких приманок основана, как уже говорилось, на любопытстве зверей. В сущности, на приманку может быть использована любая пахучая жидкость. Проверив обнаруженный принцип, мы давали охотникам наугад взятый скипидар, и они ловили на него лисиц. Но такие приманки не слишком надежны. Наши опыты показали, что добавка даже небольшого количества одеколона или другой подобной пахучей жидкости в кормовую приманку ухудшает привлекательность последней, но при этом несколько увеличивается радиус действия приманки — расстояние, на котором зверь улавливает ее запах. Это в конечном счете выгодно охотнику, особенно при холодной погоде. На проквашенную рыбу в смеси с одеколоном в Западной Сибири некоторые охотники ловили по несколько десятков лисиц за сезон. Однако ароматическая добавка не должна заглушать основного запаха приманки: запаха корма, мускуса или мочи.

Варианты деревянных столбиков, снаряженных пахучими приманками (три слева — в разрезе)

Чтобы усилить запах и привлекательность кормовой приманки, ее нередко подвергают обработке высокой температурой: опаливают, поджаривают на огне или на сковороде; можно использовать для поджарки какой-либо жир. Лисиц ловили на жареное мясо, рыбу, лук, поджаренный жмых подсолнечника, судзы, семена конопля, полуспелый картофель и жженные кости. С этой же целью кормовые приманки проквашивают, солят и сушат. При этой обработке уменьшается замерземость приманок, а значит, лучше сохраняется запах на морозе. Ловцы лисицы иногда используют сочетание разных приманок, например: испор-

ченных продуктов со свежими. Для этого лежалое мясо или такую же рыбу упаковывают в многократно продырявленную консервную банку, где она хранится весь промысловый сезон, а рядом выкладывают или подвешивают свежую приманку.

Запаховые приманки используют двумя основными способами: делают пахучую точку или прокладывают пахучий след. В первом случае запах наносят на кормовую приманку, которую располагают над капканом или возле него, или на какой-нибудь предмет возле капкана — пенек, кустик и пр. Чтобы запах действовал дольше, используют «пахучие столбики». Есть несколько вариантов их устройства (рис. 1). В бревешке длиной 70—80 см охотник удаляет гнилую сердцевину и вместо нее закладывает приманку, например протухшую рыбу. Выбрав пригодное место в поле или лесу, вкапывают этот столбик с начинкой на 30 см в землю, а затем просверливают буравчиком несколько отверстий, чтобы образующаяся жидкость вытекала наружу. Второй зверолов, захватив коловорот с широкой перкой, сверлит отверстия в пеньках и наталкивает в них кишки животных или другие подобные продукты. Третий охотник ставит капканы возле межевого столбика или подобного предмета, а после, когда занесет следы, не подходя близко, обхаживает его протухшим мясом, привязанным на конец длинного удилица. Перечень вариантов можно было бы продолжить.

Широко используют естественные пахучие точки, например, предметы, на которых лисицы оставляют свои мочевые метки. Их можно обнаружить, идя по следам зверя. Но не каждая мочевая точка годна для постановки капкана. Самые надежные те, что расположены на переходах, то есть в местах, где у зверя постоянные тропы, или там, где он кормится. Часто мочевые точки бывают у обочин дорог, которыми лисицы нередко пользуются. Они могут быть у пеньков, отдельных кустиков, пучков травы, крупных камней, на кочках, снежных выступах, комьях и т. д. Но любой из этих предметов будет заметен издали и выделяется среди окружающей обстановки. Маркируют

звери и предметы, сделанные человеком: межевые столбики, чурбаки, ящики, занесенные паводком, детали сложенных машин и т. д. Некоторые охотники сами создают объекты для мочевых точек лисиц, связывая в пучки солому, сено, тростник или паклю, тряпки, предварительно проваривая их в сенной трухе. Высота получившейся «куколки» 25—40 см, толщина 7—10 см. Черные лучше: они контрастнее выделяются на снегу. Расстояние между куколками 400—500 см. На лугах их хорошо ставить в места, где были стога сена, а следовательно, и мыши. Куколку втыкают на 10 см и вокруг помещают 2—3 капкана. Искусственные объекты лучше ставить по первому снегу, чтобы звери привыкли и начали пользоваться ими. Заблаговременная расстановка куколок дает возможность выявить по количеству мочи те, что более других приглянулись лисице. Возле них поминка зверя станет более вероятной.

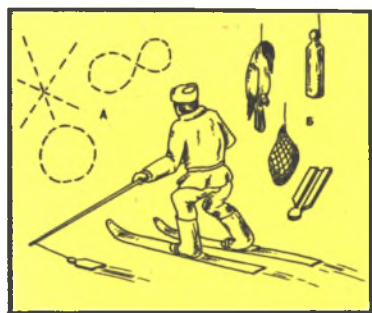
Идя по следу лисицы, можно обнаружить не только мочевые точки, но и «ухоронки» — места, где зверь спрятал остатки своей добычи. Понятия «мое» и «чужое» доступны животным: возле этих естественных пахучих точек звери ведут себя увереннее, и ловить их легче. Более-менее значительная добыча: глухарь, заяц и крупнее посещаются владельцем многократно, порою и тогда, когда остались лишь клочки шерсти да воспоминания.

Привлекающую точку можно сделать передвигающейся. Для этого охотник носит с собой термос с приманкой, например с пахучими внутренностями зайца. Заметив мышкующую лисицу, крадучись, он заходит с учетом направления ветра за 200—300 м от зверя, ложится в белом маскировочном халате в снег или прячется в укрытие, открывает крышку термоса. Подхватив соблазнительный запах, лисица начинает приближаться к охотнику. След ее идет зигзагами, размах которых по мере приближения становится все меньше, и, наконец, подходит к охотнику на выстрел. Другой охотник, спрятавшись в яму или имеющееся на месте укрытие, бросает вправо и влево пахучую приманку, например опаленную ворону, запах которой, принесенный попутным ветром, пленит лисицу, и она прибудет в намеченную точку. Брошенную ворону может заменить оставленный в стороне термос с запаховой приманкой.

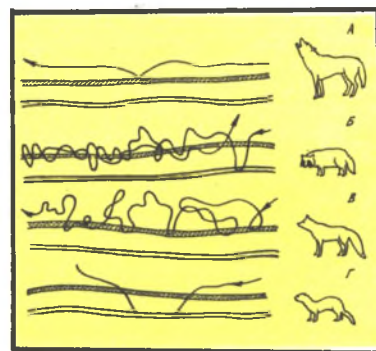
Пахучий след прокладывают путем разбрызгивания пахучей приманки или протаскивания предмета, оставляющего свой запах на земле или в снегу. Последний вариант более употребителен. Для разбрызгивания используют пучок крупных перьев, макаемых в кровь или другую жидкую приманку, банку с мелкими отверстиями в крышке и другие приспособления. Чтобы сделать пахучий след, привязывают к веревке «посадку» — тушку животного (зайца, кошки, собаки и др.), чаще освещенного, или шкуру его и, прикрепив другой конец веревки к шесту, волокут

в 2—3 метрах (а по возможности дальше) параллельно лыжне (рис. 2). Роль потаска может выполнять часть туши или связанные вместе несколько тушек белок, ондатр и др. Если нет крупного куска мяса, то берут мешок из редины, вкладывают в него куски тухлой рыбы или мясные отходы, смазанные приманкой, или другой подобный материал. Еще вариант: порошокобразную сухую приманку засыпают в мешочек из редкой ткани, через которую она понемногу высыпается наружу. Для увеличения объема к сухой приманке можно подсыпать песка или золы. При этом усиливается зрительное воздействие потаска. Для постоянного употребления вырубает кусок березовой или осиновой доски размером 20×30 см и делают поперечные насечки, чтобы дольше держалась пахучая мазь, когда она иссякнет с одной стороны, деревяшку переворачивают.

Пахучий след может быть не только сплошным, но и прерывистым: из кусочков корма, брошенных с интервалом на одной линии. Зверь, найдя один из них, следует ко второму, третьему и в результате приходит к приваде или к месту, где стоит капкан или затаился охотник. При этом используются кусочки приманки обычно не крупнее кубического сантиметра, но иногда и большего размера. Делают их из мяса, рыбы, внутренностей, хлеба, жмыха и других продуктов, а также из пористых материалов, смазанных пахучей приманкой. На изготовлении этой «накрохи» идут кусочки гнилого дерева, поролона, сердцевин бузины и т. п. След лисицы, ищущей по пахучему следу с накрохой, по сравнению с енотовидной собакой менее извилист, но более извилист, чем у волка (рис. 3). Для придания запаха 2—3 кг накрохи высыпают в чистую посудину, кладут столовую ложку приманки и тщательно перемешивают. При использовании ароматической приманки нельзя «пересаливать»: запах кусочков не должен быть сильным и резким. Для экономии времени совмещают прокладку пахучего следа и разброску по нему накрохи: на

Прокладка пахучего следа: А — возможные формы пахучего следа, Б — различные предметы, используемые для потаска

Характер движения зверей разных видов по пахучему следу с кусочками кормовой приманки: А — волк, Б — енотовидная собака, В — лисица, Г — колонок

мерзлом куске мяса, который предполагается волочить, делают надрубы топором (при трении о снег остаются мелкие кусочки и крошки мяса).

С выпадением снега, прикрывающего накроху, активность лисиц на пахучем следе несколько снижается. Чтобы избежать этого, используют следующий прием. На дощечке для прокладки следа делают продольный желоб. При протягивании ее по мягкому снегу по середине следа тянется непрерывный «бруствер». Если раскладывать кусочки корма по этому брустверу, снег с них сдувается и они дольше видны. Протяженность пахучего следа для лисицы — от нескольких десятков метров до километра и более, форма может варьироваться: круг, эллипс, «восьмерка», «звезда». Капканы ставят на самом потаске в местах постоянных переходов, по овражкам, канавам и т. д. Волоча на палке потаск, охотник время от времени переводит его на другую сторону лыжни и ставит капканы в местах пересечения потаска с лыжней. Это облегчает и упрощает маскировку ловушек. Если пахучий след прокладывается кормовой приманкой, можно оставить ее в конце следа; капкан ставится вблизи нее, чаще метров за 20, возле столбика или кучки, которые исполняют роль объекта для мочевого отметки лисицы. Наличие таких объектов охотник учитывает, планируя расположение пахучего следа, или заранее ставит их. Иногда капкан на потаске помещают после того, как лисица побывала на нем, тогда она ведет себя смелее.

К сожалению, в одной статье нельзя рассказать о всех приманках на лисицу. Например, пришлось опустить большой раздел о ловле их на привадах. Подробнее об этих вопросах и о способах привлечения всех видов пушных зверей можно прочитать в недавно изданной ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства моей книге «Приманки зверолова». Получить ее можно по почте, послав институту 20 р. по адресу: 610000, Киров, Главпочтамт, а/я 81, ВНИИОЗ, библиотека. В заключение замечу: успех охотника в значительной мере зависит не только от приманок, но и от знания способов преодоления осторожности зверей, они также приведены в упомянутой книге.

Лоси с жадностью лижут соль, восполняя недостаток в организме хлористого натрия

Нередко из окрестных кварталов Москвы в зоопарк являются пернатые гости. Чаще всего это бывают воробы, а иногда кочующие стайки щеглов, снегирей, чижей и чечеток. Птицы стремятся к кормушкам животных, хотя, быть может, и не испытывают голода. Больше всего их привлекает соль, которая обычно большими кусками лежит в кормушках копытных.

В природе, которая кажется нам такой гармоничной, на самом деле есть нелады. Так, например, большинство животных, питающихся в основном растительными кормами, испытывает на воле соляной голод. Нам не раз приходилось наблюдать, как сухопутные черепахи лизали в пустыне соленые капельки росы на листьях тамарикса или использовали встречавшиеся местами солонцы, то есть выходы соли на поверхность земли. С жадностью лижут соль коровы, козы, овцы и лошади. Наголодавшись зимой без соли, олени летом идут на солонцы и выгрызают в них глубокие ямы.

Однажды я протянул горсть соли живущим в зоопарке страусам; они возбужденно ее расхватили и каждый раз потом волновались, когда мне случилось пройти поблизости. Очень часто

На искусственную подкормку солью приходят не только лоси, но и зайцы, белки и многие другие млекопитающие и птицы

СОЛЯНОЙ ГОЛОД

диким зверям приходится перекочевывать в другие места, лишь бы только насытить солью свою «опресневшую» кровь. Лоси, северные олени и другие животные совершают иногда большие путешествия к берегу моря, где лижут оставшуюся после прибоя соленую пену. За исключением хищников, недостаток в соли испытывают почти все животные, а когда ее не хватает, у зверей появляется слабость, теряется аппетит.

Хищники не знают солевого голода, потому что они получают нужную долю солей из мяса, костей и крови травоядных животных, которых они поедают.

Иное положение у травоядных. Их пища — растения. В растениях же мало хлористого натрия (поваренной соли), так как корни выборочно извлекают из земли соли калия. Вспомните, что поля удобряют не натриевыми, а калийными солями. И лишь тогда, когда растительные животные приходят на солончак и лижут там поваренную или глауберову соль, соли натрия вытесняют из крови травоядных ненужный избыток калия, который выходит из организма с мочой. Вот почему в лесу так охотно приходят на искусственную подкормку солью не только лоси, козули, но и зайцы, белки, многие мышинные, а в северных лесах и летяги. Всем им не хватает поваренной соли, без которой становится ненормальным состав крови, а в желудочном соке отсутствует необходимая для пищеварения соляная кислота. Без соли животные становятся хилыми и чаще заражаются разными болезнями. Неудивительно поэтому, что соль — лучшая приманка для растительных животных.

П. А. МАНТЕЙФЕЛЬ.

Рассказы натуралиста.

М.: Лесная промышленность, 1984.

Фото А. Севастьянова

ООО ПКФ
«МЕХОВОЙ
СТИЛЬ»

закупает различное
пушно-меховое сырье

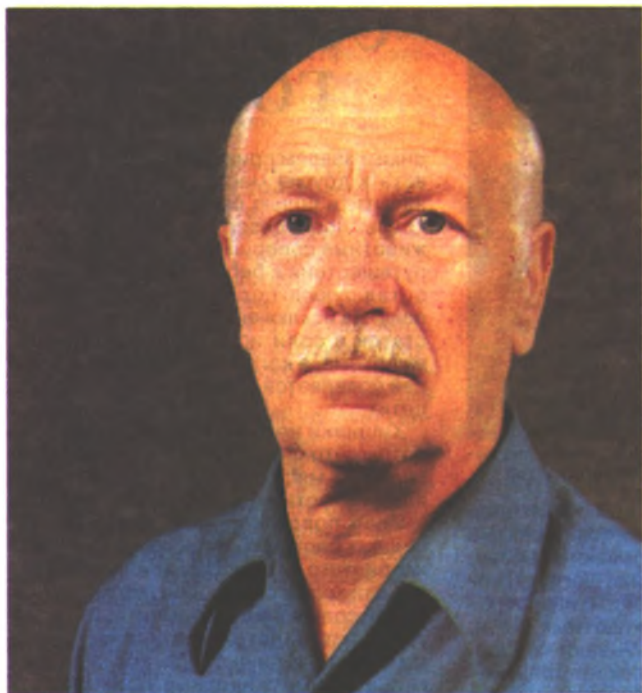
Цены высокие. Наличный
и безналичный расчет

Адрес: 610004, г. Киров,

ул. Р. Люксембург, 30, оф. 205

Тел.-Факс (8332) 65-42-33

Охота в рисунках Бориса Игнатьева

Почти полтора десятка лет на страницах нашего журнала читатели встречаются с творчеством художника Бориса Игнатьева. Его мастерские рисунки иллюстрируют «Литературные страницы», очерки об охоте и охотничьих собаках, другие рубрики.

Борис Леонидович родился 28 апреля 1930 года в г. Вятка. По семейным преданиям, мальчик начал рисовать в три года. Домашняя атмосфера этому способствовала, родители будущего художника окончили ВХУТЕМАС. После переезда в Москву Борис Игнатьев поступает в Художественную школу им. В. И. Сурикова (ныне располагается напротив Третьяковской галереи). По окончании школы он продолжает свое образование в Художественном училище имени 1905 года. Поворотной стала встреча с классиком нашей книжной графики Е. А. Кибриком, который отметил работы Игнатьева и пригласил его для сотрудничества в престижное советское издательство — Детгиз. Первые опыты самостоятельной профессиональной деятельности оказались удачными. Борис Леонидович начинает получать заказы на оформление книг и в других издательствах (например, Политиздат). Его привлекают к созданию диафильмов. Игнатьев работает в коллективе художников знаменитой «оранжевой» Детской энциклопедии, по его рисункам сделано свыше 60 диафильмов, в том числе «Бродяги Севера» Дж. Кервуда, «Булька» Л. Толстого, «Минька» В. Чернышева. Многим памятливы полные внутреннего драматизма черно-белые иллюстрации 28-летнего художника к приключенческой повести эстонского писателя А. Негго «Остров великанов» (Детгиз). Постепенно определились излюбленные темы: природа, русская история, сказки, спорт и охота.

Борис Леонидович знает охотничью специфику не понаслышке. Ему приходилось скрадывать поющего глухаря, стоять на гону, прислушиваясь к залиvistому голосу гончака, впитывать весенние звуки и цвета на тяге, бродить с ружьем и любимым спаниелем по лесам и болотам Русского Севера, Поволжья, Подмоскovie.

Охотничьи рисунки Б. Игнатьева не просто технически совершенны, они, как правило, предельно эмоциональны. Животные и люди на его рисунках отличаются индивидуальными чертами. Отсюда так легко перейти к сказке, где медведи, лисы, олени заговаривают человеческими голосами. Прекрасным примером служат иллюстрации Бориса Леонидовича к сказам П. Бажова. Тонко чувствует художник самую ткань литературного произведения, будь то охотничий рассказ начинающего автора или фрагменты охотничьей классики, детская книга о животных или народная сказка. Двумя-тремя врезками он организует динамический разворот, свободно размещает вертикальную композицию или горизонтальную концовку. Звонкие по цвету, насыщенные движением, эффектные ракурсами, рисунки Б. Игнатьева часто становятся украшением номера. Собранные вместе, они могли бы составить подлинную охотничью одиссею, где есть сборы и дороги, поиски и погони, кульминация охоты — поединок со зверем, охотничьи удачи и неудачи, смешные случаи и драматические эпизоды. Еще одна грань дарования Бориса Леонидовича — образы детей: юных охотников, крестьянских детей, городских ребят, попавших на природу, и т. д.

Наверное, все, кому посчастливилось сотрудничать с художником Игнатьевым, могут отметить его, редкую в наше время, деликатность, умение спокойно выслушать чужое, даже предвзятое, мнение, радостное удивление при виде чудесного явления природы, запечатленного удачливым фотографом, или яркой работы сотоварища по творческому цеху. Большой мастер, скромный труженик, сильный и добрый человек, русский художник Борис Игнатев, конечно, еще не раз порадует своими работами многочисленных читателей «Охоты и охотничьего хозяйства».

В. ШИШКИН

бинокль за браконьерами, рассказал, что их машина выехала на еще тонкий лед и, не останавливаясь, чтобы не провалиться под лед, стала нагонять косуль. Животных, не имеющих возможности убежать из-за скользкого льда, расстреляли в упор, закинули туши в раскрытый багажник и исчезли. Подобных случаев в эти годы, по рассказам местных жителей, отмечалось великое множество.

Крутые обрывы на обоих берегах водохранилища — и сейчас весьма уязвимые места для косуль. Охотовед Балахтинского района М. П. Шахнович в 1996 г. лично нашел туши двух самцов косуль, переплывших широкий Сисимский залив, но не сумевших выбраться на берег. Охотник из д. Огур наблюдал схожую картину и на левом берегу Енисея.

В экстремальные годы, когда погодные условия заставляют животных интенсивно переходить водохранилище,

Миграции и гибель косуль

А. САВЧЕНКО,
зав. кафедрой охотничьего ресурсоведе-
ния и заповедного дела,
профессор Красноярского
государственного университета
Н. МАЛЬЦЕВ

Антропогенный фактор — наиболее мощный, глубоко действующий экологический фактор (Новиков, 1975), основная опасность которого для популяций — это разрушение и видоизменение их местообитаний (примерно 95 % всех проблем по охране популяций связано с этим фактором, Г. Коли, 1979).

Миграционные пути, и в особенности отдельные, особо значимые их участки, зачастую оказываются решающими не только в сохранении отдельных популяционных группировок, но и в поддержании ресурсного потенциала вида в целом. Сезонные миграции косуль — это адаптация, выработавшаяся в течение длительного периода. Смена миграционных путей косуль, мест зимовок и сроков миграций возможна, но это происходит в течение десятилетий и, как правило, сопровождается снижением численности особей. Изменение условий обитания тем значительнее, чем крупнее масштабы воздействия антропогенного фактора.

На всем протяжении сезонного движения косуль существуют (и постоянно возникают новые) естественные и искусственные преграды. Среди них наиболее значимы: водохранилища, дороги, населенные пункты, изгороди, места присутствия людей, домашних животных, места регулярного проведе-

ния охот. Решающее значение для продвижения косуль имеет не только характер препятствия, но и его протяженность.

Водохранилища. Наиболее крупное искусственное препятствие, возникшее в регионе на пути сезонных миграций косуль и оказавшее существенное значение на благополучие вида, — Красноярская ГЭС и сформировавшееся крупнейшее водохранилище Сибири.

В первые годы после строительства ГЭС массовая гибель косуль наблюдалась в Краснотуранском, Новоселовском, Балахтинском районах. Животные гибли при попытке переправы в местах традиционных переходов. Весной, по словам очевидцев этих событий, телами косуль были буквально «устланы оба берега». Даже переплывшие животные были до того обессилены, что многие тут же ложились на мерзлый берег, не обращая внимания ни на людей, ни на скот.

Охотник С. Д. Гамбоев, бывший свидетелем разыгравшейся трагедии, утверждает, что в первые годы образования водохранилища число выживших после переправы сегадетков было минимальным. Пополнения в популяции не происходило, численность животных резко снижалась.

Уже через несколько лет возникла и стала повсеместной браконьерская добыча животных на льду. Наиболее памятен случай, когда четверо мужчин, близ с. Новоселово, заметив табун косуль, пересекающих водохранилище, расстреляли его при выходе на берег. Прибывшие на выстрелы школьники подняли шум и браконьеров задержали. Сергей Доржиевич, наблюдавший в

гибель их бывает особенно высокой. Так, в ноябре 1996 г., по словам очевидцев, тонули группы косуль, состоящие из 30 особей, а гибель 5—6 зверей в этот год уже никого не удивляла.

Когда косули впервые подходят к переправе, часто разворачиваются обратно, но после вспугивания выскакивают на неокрепший лед и двигаются по нему не останавливаясь. У с. Зеленоборск 27.11.1996 г. мы наблюдали, как группа косуль вышла на тонкий лед с черными пятнами и промоинами и пыталась передвигаться по нему.

Здесь же 29.11.1996 г. в 12.00 четыре косули, выйдя на относительно крепкий лед залива, дошли до полос темного льда и открытой воды. Затем, пройдя вдоль промоины около 200 м, повернули обратно. Там же ночью на лед вышли и не вернулись группы из 5, 3, 4, 11, 4 косуль. Судьба их неизвестна, так как тропление из-за тонкого льда уже через 200 м оказалось невозможным.

В обычные годы численность групп, переходящих Енисей, невысока, так как на правобережье уже сформировались достаточно крупные зимовки. В 1996 г., в связи с обильным снегопадом, переправы косуль через водохранилище участились и отмечались в тех местах, где их уже давно не видели.

До образования Красноярского водохранилища животные имели возможность делать остановки на многочисленных островах поймы Енисея, да и сама ширина реки была несравнимо меньше, лед был не таким ровным и гладким. Практически совпадали сроки замерзания реки и начала массового движения косуль, что, несомненно,

благоприятствовало переходу. Ранее на островах, по словам местных старожилов, скапливались группы до 100 и более особей. Хотя охота велась и в то время, но численность косули оставалась сравнительно стабильной.

Из переправ ниже плотины Красноярской ГЭС в настоящее время известны три: у сел Хлопуново, Усть-Кан и Исток. Но на всех трех участках число переправляющихся зверей невелико, сильно варьирует по годам и существенного влияния на состав этой группировки не оказывает. Незамерзающая река — серьезная преграда для мигрирующих косуль. Во-первых, это подтверждается наличием локальных зимовок на правобережных склонах Енисея и достаточно массовой гибелью здесь косуль, наблюдаемой в зиму 1996/1997 г. Во-вторых, интенсивная миграция косули на данной широте приходится в среднем на вторую декаду ноября, что ранее совпадало с ледоставом на Енисее. Среднесуточная температура воздуха в этот период может опускаться до минус 25—30 °С, что делает переправу косуль вплавь губительной.

В настоящее время не представляется возможным даже экспертно оценить, насколько сократилась доля животных, мигрирующих на зимовку в лесостепи из более облесенной и возвышенной правобережной части края.

Дороги. Автодороги с оживленным движением косули в основном пересекают в сумерках, ночью. Время прохождения основной популяции косуль (вечерние или пред рассветные часы) на том или ином участке зависит от расположения мест старта и финиша относительно дороги.

Если дневка расположена перед дорогой, старт проходит дружно. Так, 29.10.1994 г. на одном из участков лесоз-

возной дороги у с. Раздольное во время снегопада, позволившего регистрировать следы поминутно, косули шли с 18 до 20 ч с интервалом, не превышающим 15 мин. Любопытную закономерность проследил при проведении работ у с. Вороковка (Казачинский р-н) Е. М. Коровицкий. Те животные, которые переходили дорогу вечером, шли медленно, часто делая остановки для кормежки, проходя за ночь в среднем 5—7 км. У животных, переходящих дорогу утром, кормежка была короче, а темп движения выше, что определяло и общую дальность разового перехода — 10—15 км.

В период массового хода косули мы неоднократно видели животных, перескакивающих автодороги и в дневные часы (Анаш-Кома — 16 ч, Кантат-Росийка — 15 ч, 16 ч и др.), и все-таки мы склонны считать, что это исключение, а не правило.

При прохождении дороги в вечерние часы косули идут широко и пересекают ее в разных местах, так как на дневку животные рассредоточиваются, избегая скучивания. Можно ли рассматривать подобное поведение как результат адаптации на преодоление этого препятствия. Думаем, что да, поскольку подкарауливание животных человеком в таких местах значительно усложняется. Концентрированное прохождение косули, пересекая дорогу в пред-рассветные часы, видимо, потому, что это время на автодорогах в зимний период более спокойное. Проселки, лесные дороги, буреницы, временные колеи трактора или автомашины косули не избегают, а чаще, наоборот, используют для передвижения. Наиболее ярко это проявляется при увеличении высоты снега до 30 см и более. Здоровые и неослабленные звери, если колея начинается существенно отклоняться от

направления их движения, сходят с нее и продолжают идти в нужном направлении. Тропление подранков (21 особь) показало, что они значительно больше уклоняются от дорожной трассы и стараются максимально использовать следы, оставляемые человеком и техникой.

На численность косули дороги не оказывают прямого влияния, а только на распределение самих миграционных отрезков движения животных, которые закрепляются в их поведении. Сформировавшиеся места дневки перед дорогой с активным движением транспорта сохраняются длительное время и после прекращения этого движения.

Населенные пункты. Абсолютное большинство мигрирующих косуль в той или иной степени сталкиваются с необходимостью прохождения вблизи населенных пунктов. Расстояние это сильно варьирует в зависимости от целого ряда условий: общей плотности населения, густоты населенных пунктов, интенсивности охоты, наличия направляющих линий, наконец, от численности самой косули и давности образования миграционных путей. В подтаежной зоне села с числом жителей более тысячи человек косули обходят, удаляясь на 2—3 км и более, небольшие деревни, заимки, животноводческие фермы они проходят в нескольких сотнях метров. Приближение косуль к жилью человека во время миграции — явление скорее обычное, реже отмечают заходы зверей в сами поселки, но и эти случаи нельзя назвать исключительными.

Осенью 1992 г. в огород одного из жителей с. Лугавское зашли 4 косули, в 1993 г. здесь же, в 100 м от ближайшего дома, нами была вспугнута одиночная самка. В январе 1994 г. у д. Тесь были отмечены 2 косули в 150 м от по-

Проводя учет только по следам, легко ошибиться, приняв эту группу за самку с двумя сеголетками

Лежки и тропы косуль, зимующих в условиях глубокоснежья

следнего дома, которые двигались по направлению к постройкам. Животные вели себя спокойно, так как в деревне в 7 ч утра было тихо, не лаяли в это время и собаки. В начале января 1996 г. мы находили лежки косуль в 200 м от селения. Обычно во время осенней миграции отдельные животные не доходили до д. Тесь 100—200 м. В ноябре 1996 г. во время обильных снегопадов некоторые группы косуль подходили ночью по р. Мохнатал очень близко к домам, разворачивались и, возвращаясь, огибали населенный пункт южнее по открытому пространству. Молодая косуля 24.11.1996 г. зашла на территорию фермы Анаш. Три косули (26.11) заскочили за ограду кладбища, расположенного в 200 м от животноводческих построек. С северной стороны с. Анаш, на границе леса, в период миграции (вторая половина ноября) по берегам ручья часто можно было видеть свежие следы косуль в 50, 100 м от домов, заборов. Нередко животные здесь же паслись. В окрестностях с. Таловка 05.11.1998 г. 7 косуль по непонятной причине в 2 ч ночи резко изменили курс движения и пошли в направлении села, приблизившись к нему на 800 м.

Таким образом, по отношению к населенным пунктам у косуль в достаточной мере развита избирательность поведения, позволяющая максимально использовать преимущества соседства с жильем человека (например, отсутствие хищников), а при необходимости — этого соседства избегать. Возникновение новых населенных пунктов на трассе миграции или в непосредственной близости от нее оказыва-

ет хотя и косвенное воздействие, но приводящее к изменению, или даже исчезновению, миграционного пути.

Браконьерство. Добыча животных на путях миграций, если она носит массовый характер, безусловно, выступает в качестве препятствия. Истин-

Молодняк, оставшийся без самки

ный размах браконьерства и влияние его на популяции отдельных видов животных оценить достоверно часто не представляется возможным. Данные, попадающие в руки исследователя, могут лишь служить косвенной оценкой. Но и эти эпизодические находки, опросный материал говорят о том, что фактор браконьерства весьма значителен.

В Западном Забайкалье нелегальный отстрел животных превышает выделяемые лимиты в 2 раза (Смирнов, 1978), на Дальнем Востоке — в 3—4 раза (Данилкин, 1985). По имеющимся у нас данным, можно предположить, что нелегальная добыча косули в Красноярском крае в среднем превышает выделяемый лимит минимум в 1,5—2 раза.

До недавнего времени этот показатель сильно варьировал по районам. В таежной и подтаежной зонах, на участках транзитного перехода косуль охота троплением оказывалась неэффективной. В основном животных отстреливали в местах временных скоплений и на зимовке в степи и лесостепи. Так, проведенное в разных районах края анонимное анкетирование показало, что в 1994, 1995 гг. в южных районах отмечались случаи, когда группа охотников, состоящая из нескольких человек, при проведении загонных охот добывала за сезон от 30 до 50 косуль на одну лицензию.

В последние годы с ростом автобраконьерства случаи «дежурства» автомашин на миграционных путях косули участились и в отдаленных, ранее малопосещаемых местах, что заметно увеличило общий прессинг на популяционные группировки. Ночная стрельба «из-под фар» особенно губительна, если в ней одновременно принимают

участие до десятка машин, стоящих вдоль трассы движения животных. Сушествуют и другие способы незаконной добычи козуль во время миграции: отлов петлями, отстрел из скрадков, преследование животных на скоростных снегоходах. В конце октября 1997 г. в Суховском бору (Тасеевский р-н) нами было обнаружено 30 петель и найдено сразу две, попавших и уже расклеванных воронами, взрослых самки.

Отстрел из скрадков — наиболее добычливый в прошлом способ, особенно в местах переправ (Данилкин, 1992), в настоящее время по массовости значительно уступает всем другим способам браконьерской охоты. Однако в ряде мест прослеживается тенденция к его возрождению. Наряду с автобраконьерством стрельба из скрадков, особенно в весеннее время, может оказаться крайне губительной и должна

пресекаться всеми доступными средствами.

Использование скоростных снегоходов для добычи козули зарождается преимущественно в среде «новых русских», имеющих мощные снегоходы иностранного производства, поскольку широко распространенный «Буран» для этих целей непригоден. При скорости машины в 100—120 км/час козули, застигнутые на поле, становятся легкой добычей — их расстреливают из дробового ружья. Масштабы этого явления трудно поддаются оценке и контролю по целому ряду причин.

Хотя некоторые, вновь приобретаемые, элементы поведения животных (уход от снегохода в заросли кустарника, хождение по кругу, передвижение по облесенным участкам, реакция на звук и заблаговременный уход, стремление взрослых особей уйти из-

под фар и т. д.) позволяют им более успешно избегать опасности, все перечисленные способы их добычи неизбежно приведут к истреблению козули.

В природе гибель животных на путях миграций — явление весьма распространенное. Миграции формируются в результате естественного отбора, и если бы они не давали определенных преимуществ, они бы исчезли (Михеев, 1991). Вопрос, затронутый в контексте настоящей статьи, заключается в другом: насколько темпы изменения поведения животных соотносятся с теми происходящими антропогенными изменениями, которые имеют место в современных условиях. Успешное управление популяциями козули в условиях Сибири немыслимо без знания и учета миграционных явлений вида.

Фото А. Савченко

**КУПИМ ШКУРКИ
СОБОЛЯ, БОБРА, КУНИЦЫ,
БЕЛКИ, КОЛОНКА, ОНДАТРЫ**
Цены договорные

610000, Киров,
ул. Энгельса, 79,
«Вятка-мех»
тел/факс (8332) 62-57-23

П Р И Г Л А Ш А Е М
на V Международную выставку
О Х О Т А
И РЫБОЛОВСТВО
НА Р У С И
с 10 по 14 февраля 2000 г.
Москва, ВВЦ, павильон 69

фирма Эксподизайн
тел.: 181-17-01, 181-44-74,
181-41-06; факс: 181-14-30

Дорогие читатели, друзья!
подписка на журнал
«Охота и охотничье хозяйство»
продолжается!
*Если вы не успели подписаться на полгода
начиная с января, то до 15-го,
а в некоторых районах до 20-го января
можно оформить подписку начиная с марта
и до конца полугодия*
Наш индекс 70673
по каталогу Роспечати

**Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Е
Ж И С Т И**

Предприятие ООО «Художественные материалы»
Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет
шкурки и хвосты беличьи, колонковые

610004, г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23. Тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22 e-мэйл: chief@brush.kirov.ru

ОХОТА С ГОЖЧИМ: МОЙ ОПЫТ

Н. СОКОЛОВ

Охотились мы как-то в конце 80-х гг. в лесу Черныякино по белой тропе. Нас было трое с двумя выжлецами-однопометниками, работавшими по второму полю. За день добыли одного беляка. Опускались сумерки. Мои молодые спутники — сын Игорь и его друг Миша — сели перекусить на перекрестке дорог, а я, успевший вовремя пообедать, пошел к машине. Я еще не дошел до нее, как услышал, что Плакун правее того места, где они обедали, стал отдавать голос в добор. «Вернулся из ошейника», — подумал я и не ошибся. Миша стал накликать свою собаку, трубить, но Плакун не отличался послушанием. Приехали мы на охоту на Мишиной «Ниве», и неприятно было думать, что теперь долго придется ждать, пока он подловит Плакуна. Уже совсем стемнело, когда я, не топясь, подходил к машине. Не дойдя до нее метров десять, я остановился и слушал, как Миша то кричал, то трубил, называя упрямую собаку. Я снял с плеча ружье и только собрался его разрядить, еще не раскрыл, как слева, словно привидение, выплыла из-за елочек лиса в сторону дорожки, по которой я только что прошел. Выстрел навскидку — и она осталась, не сделав и прыжка, у дорожки. Бил я, как потом мы подчитали, на двадцать пять шагов по крупному старому лисовину. Удивительно, что шел он навстречу крику и звукам трубы.

По чернотропу я бы и стрелять не стал, а, скорее всего, посвистал бы, в темноте приняв его за чью-то лайку. А снег выдал его...

Волки и лисы очень точно определяют место, откуда раздается звук, и расстояние от него...

Вернемся к лазу. Очень хорошим лазом через заброшенную лесную дорогу бывает место, где давно упало и перекрыло дорогу дерево. Здесь нужно ждать и лисицу, и беляка, так как они понимают, что под прикрытием дерева легче незаметно прошмыгнуть через открытое пространство. За свою многолетнюю практику я встречался со многими случаями совсем нехарактерных ходов под гончими и зайцев, и лисиц. Не всегда зверь идет такими лазами, какие описаны выше. Очень многие, возможно, еще не известные нам факторы влияют на ход зверя: погода (дождь, снегопад, сильный ветер, мороз, ясный солнечный день и т. д.), характер леса, разная растительность: там еловый подрост, там сплошные заросли бузины или лещины, там непро-

лазные чащи лозняка по низине на опушке леса или вдруг густо заросшая давнишняя вырубка. В разную погоду по различным местам леса ходит зверь, в сильную капель или в большой снегопад он только по сильной необходимости покидает густой ельник. Выход зверя на тот или иной лаз зависит не только от погоды, своеобразия леса, но и от собаки. Бывают на удивление паратые и чутыстые собаки. Такие очень ценны! Помню, на полевых испытаниях под Вязьмой наша англо-русская Волна в течение часа буквально висела на зайце. Судьи трижды перевидели зайца на широкой просеке со столбами электролинии и утверждали, что собака вылетела на просеку через 38—40 секунд после зайца.

Под собакой средней паратости, и тем более под пешей, заяц, лиса имеют много времени на выбор лаза, на хитрости, для того чтобы сбить след, и тут их нужно ждать в ельниках, на тропах копытных, на закрайках просек, болот, оврагов, кроме того, лисиц у нор, на глухих опушках леса. Охотясь с пешей собакой, менять место можно только тогда, когда собака по следу прошла с голосом вблизи вас и есть уверенность не отшуметь зверя. В остальное время нужно стоять очень осторожно, так как под пешей собакой зверь тоже отступает с большой осторожностью, имеет время при-

глядеться, принюхаться, прислушаться, то есть все его органы чувств задействованы, напряжены. Конечно, дисциплинированному охотнику отстрелять медленно уходящего зайца легче, но, согласитесь, трудный, результативный выстрел по бегущему сломя голову зверю приносит охотнику большее удовлетворение и надолго запоминается.

Надежны только узловые лазы, определить которые можно в том случае, если знаешь лес, как свой поселок, и охотился в нем не один сезон. А уж потом, попав в незнакомый лес, не боясь спросить себя, а чем этот овраг, этот перекресток тропок, этот еловый подрост похожи на лазы в хорошо знакомом тебе лесу? Если в местах охоты много общего, то же самое можно сказать и о повадках зверей. Вот это «общее» должен отбирать и запоминать в процессе охоты молодой охотник.

А каков должен быть, условно выражаясь, «лаз» самого охотника до подъема зверя? Это тоже зависит от целого ряда условий. Если охотник вошел в лес с опытной вязкой собакой, он может без посканья продвигаться по дороге к интересующим его узловым лазам. Собака знает свое дело и в его помощи не нуждается. Глядишь, до подъема зверя охотник уже на верном лазу и часто уже на первом круге отстреливает зверя. Иное дело охотник

вошел в лес с первоосенницей или молодым смычком. В этом случае играть в молчанку — дело вредное для собак, которых таким поведением можно подпортить. Раз надолго, а то и на весь день потеряв хозяина, собака при следующих выходах будет крутиться у него под ногами. Порсканье (покрикивание, посвистывание) не только создает контакт в работе хозяина и собаки, но поощряет последнюю на более желательный широкий полз, развивая у нее смелость и уверенность в себе. Кроме того, этот прием удерживает собаку от напрасной потери времени на поиски хозяина по его следу или, что еще хуже, на самовольное возвращение домой, работая в пяту по следу хозяина. Нет ничего более вредного, как ходить с первоосенницей по лесным дорогам: зверь на дороге не заляжет, и след его на ней не так пахуч. А привычку носиться по дорогам на виду у хозяина можно у собаки надолго закрепить. С молодой собакой нужно продираться крепями, проходными болотцами, просеками и вырубками. И зайца скорее поднимешь, и собака не будет впустую ноги бить, и скорее запоминать типичные места, где ложатся беляки. Кроме того, легко определить, где поднят заяц, и занять надежный лаз вблизи лежки. У лисиц возврат к месту подъема — редкое исключение, да и то только у прибылых, молоденьких.

А как должен вести себя охотник, услышав помывку, подъем зверя? Нужно замереть с готовым к выстрелу ружьем и постараться по голосу собаки определить ход зверя. Если вы на узловом верном лазу, не торопитесь его покидать. Если же недалеко от него и видите, что гон отдаляется, поторопитесь по возможности бесшумно занять этот лаз. Будьте внимательны: зверь может появиться неожиданно не с той стороны, где голосит собака, плюс к тому может появиться негонный, а шу-

мовой (иногда лисица), решивший покинуть опасное место...

Часто можно слышать спор между охотниками о поведении на лазу или лазах. Одни — сторонники постоянно подсовываться (подстраиваться, перебежать под гон), другие — за то, чтобы, заняв какой-то лаз, стоять намертво. Здесь и те и другие бывают правы и неправы. Однозначно занять ту или иную сторону трудно. Поведение охотника на лазу при работе собаки по зверю зависит, на мой взгляд, от таких главных факторов, как состояние тропы, сила ветра, по какому зверю идет гон, чуткость и паратость собаки, был ли скол и его продолжительность... Охотник, хорошо знающий возможности своей собаки, должен безошибочно определять, на каком расстоянии от нее зверь, и, исходя из этого, принимать решение, стоять ли на месте или подстраиваться под гон. Конечно, если зверь уже не один круг нарезал где-то рядом по крепким местам, то разумнее туда переместиться в то время, когда собака ближе всего к вам. Ни одна охота не повторяет в точности предыдущую, даже если не произошло никаких существенных изменений в погоде. Но вот после осенних дождей подморозило, трещат под ногами опавший, спрессованный дождями лист, трава, стебли, шагу не ступить бесшумно. О какой беготне от лаза к лазу может идти речь, если все время слышишь гон? Иное дело мягкая трава, сильный ветер, раскачивающий голые верхушки деревьев. В такую погоду «быть под собаками», не жалея ног, — дело верное: скорее отстреляешь зверя и не отслушаешь гон, если лисица вознамерится далеко увести собак.

Я постарался показать, как в разных погодных условиях должен вести себя жаждущий встречи со зверем охотник.

Несколько слов о поведении на занятом номере (лазу). Выше уже было

сказано, что дорога — не лучший вариант для перехвата зверя, кроме дорог с примыкающими к ним широкими луговинами, подростом ельником с усохшими нижними сучьями, дающими возможность заметить зверя до дороги.

Став на номер, нужно не допускать лишних движений руками, перебрести с руки на руку ружья, приседаний и т. п. Не следует крутить головой то вправо, то влево, а уж если уловили что-то боковым зрением, лучше медленно повернуть голову, покрепче сжав ружье. Всякое резкое движение зверь замечает скорее, чем плавное, особенно если он не на ходу.

Расскажу еще об одном характерном случае.

Охотились мы с сыном все в том же Черныкино. Был конец ноября, гуляя подмороженная тропа. Наш осенний русский гончий Боец из лесного болотца выгнал уже совсем побелевшего зайца. Еще когда он его добирал, шапками повалил снег, и было радостно смотреть на рождение первой в этом году пороши. Гон удалился во вторую половину леса, куда устремился и азартный молодой охотник. Я не пошел от места подъема и занял верный лаз напротив широкой светлой просеки, заросшей малинником, бересклетом, бузиной и прочей мелочью. Вправо от меня вдоль канавы уходила дорога, а чуть наискось, тоже вправо, пешеходная тропка, отделяющая ельник от болота, слева — густой молодой ельник. Гон сошел со слуха, но я не спешил перемещаться, уступив инициативу молодым ногам сына. Минут через сорок услышал накатывающийся с севера гон. Ждал зайца, а неожиданно увидел далеко мелькнувшую через просеку лисицу. Я только чуть развернулся вправо, так как куда-либо переместиться было уже поздно. Мы не рассчитывали охотиться по белой тропе, и на мне была черная стеганка, черные брюки и темная шапка. Стоял я открыто на теперь уже светлом фоне. Снегопад продолжался уже час, и все побелело. Лиса, перемахнув просеку, повернула вправо и побежала по тропке ко мне. Я ее заметил через редкие елочки и заранее вложил в плечо ружье. И странно, бежит прямо на меня. Вот уже нас разделяют метров пятьдесят — бежит. «Как только метнется влево или вправо, я и ударю». Нет, бежит. Стрелял я на тридцать шагов, и она упала как подкошенная. Тут же подбежал Боец, ее гнавший, и вскоре подошел сын, тоже очень удивившийся необычному поведению лисицы. Она не могла, никак не могла не видеть меня. Мы пришли к выводу, что прибывшая лисичка приняла меня за высокий обуглившийся пенек, слегка запыленный первым в этом году снегом. Стоило мне чуть пошевелиться — она уловила бы это движение. Сын сказал, что Боец перешел на след шумовой лисицы минут двадцать тому назад.

А как быть с притравкой гончей к лосю и кабану? Простите за категорич-

ность, но, по-моему, никак не быть! Не хочу обидеть авторитетных авторов книг о гончих и об охоте с ними, но почти уверен, что никто из них своих гончих не использовал на охоте по копытным. Раз-другой гончая побывала на такой охоте, поняла по ее результатам, что этот зверь нужен хозяину, вместо заячьих пазанок отведала лакомый кусочек из внутренностей зверя и — пиши пропало! Как увязалась за лосем или кабаном — считай, день прошел напрасно, к тому же и душа не на месте: все думается, жив ли Буян, или уже истоптан лосем, или путается в собственных кишках после схватки с кабаном? К молниеносным атакам и уверткам в зарослях гончие не приспособлены. Для этого есть лайки. Когда писал эти строчки, в наш поселок приехал директор охотхозяйства «Смоленское» Я. Я. Колесников и привез к врачам свою лайку, чтобы зашили ей распоротый кабаном бок. Лайка с ее молниеносной реакцией на выпад зверя и то оплошала. А сосед мой В. М. Лазуткин полтора десятка лет назад на руках принес с охоты свою Найдю, отличную русскую гончую, у которой от удара кабана почти все кишки выпали. К счастью, собаку спасли. Найдя не работала по копытным. Ее подставила лиса, пробежав за спиной кабана.

Многие охотники пережили горечь от утраты гончих после нападения кабанов. Пережил ее, если не изменяет мне память, и известный тульский заводчик русских пегих гончих М. А. Морозов. Уж лучше к охоте на кунуцу приучить собаку. Не так давно я за два года из-под англо-русского Валдая взял шесть кунуц, попутно, при охоте на зайцев и лисиц. Загнав на дерево, он злобно облаивал их. А несколько лет спустя два года маялся с русским гончим Буяном, отучая гонять лосей, и вынужден был продать его, потеряв всякую надежду отучить, хотя никогда на охоту по копытным наша бригада никаких собак не брала, так как лицензии нам выдавали только после того, как установится снежный покров...

Очень интересна монография Б. И. Маркова «Гончие и охота с ними». Она наряду с книгами В. И. Казанского, Н. П. Пахомова и Б. В. Дмитриева является отличным пособием для начинающего гончатника, как и его статьи и рассказы, помещенные в журнале «Охота и охотничье хозяйство». В конце книги вы найдете маленький раздел «Охота на косулю и лося» и в нем очень ценную фразу: «Применение гончей для работы по косуле и лосю крайне нежелательно». Справедливое предупреждение, но точнее бы сказать — вообще по копытным, так как кроме лося и косули сейчас во многих хозяйствах многочисленны олени и кабаны.

Фото А. Севастьянова

Зауэрландский брак (немецкая гончая) — гончая, возникшая в западной части Германии и сохранившая облик старинных кельтских гончих. Ее распространение ограничивается в основном Германией, в России эта порода неизвестна.

Зауэрландский брак — ниже среднего и среднего роста (высота в холке 40—53 см), уравновешенного поведения, но с выраженной охотничьей страстью. Шерсть короткая, жесткая, плотно прилегающая. Окрас трехцветный, характерный для многих гончих. Собака с крепким костяком, несколько растянутым корпусом, сильная и выносливая. Голова вытянутая с широковатой плоской черепной частью и длинной несколько горбоносой мордой. Уши висячие, плотные, посажены на уровне глаз, прилегают к голове. Гон (хвост) типичный для гончей.

Немецкая гончая обладает выдающимися охотничьими способностями. Она работает как по горячему, так и по холодному следу молча или с голосом и, как утверждают охотники, не знает усталости на охоте. Кроме того, ее можно приучить отыскивать и подавать добычу охотнику. Но для роли домашнего любимца она подходит мало.

Ирландский водяной спаниель — очень древняя порода охотничьих собак Ирландии. В персидских рукописях, относящихся к XI в. до н. э., упоминается о существовании на о. Ирландия водяных собак. Однако в наше время сведения об этой собаке датируются XVII в. Происхождение этого спаниеля не совсем ясно. Некоторые считают, что эта порода произошла в далеком прошлом от собак, которые попали в Ирландию через Испанию с первыми поселенцами с Кавказа, другие — что он получен путем скрещивания пуделя и курчавошерстного ретривера. По-видимому, одно воззрение не мешает другому. Позднее ирландского водяного спаниеля широко использовали для создания ряда других пород. В XIX в. эти собаки были наиболее известны в Англии, Северной Америке и Бельгии, менее — во Франции и Германии. В конце XIX в. она считалась исчезающей и сохранялась только как выставочная. Единичные экземпляры «утиных собак» попадали в Россию. Так, в 1888 г. на выставку породистых собак демонстрировались два ирландских водяных спаниеля. Позднее на выставках они

практически не встречались; нет собак этой породы и сейчас.

Ирландский водяной спаниель среднего и выше среднего роста (высота в холке кобелей 53—61 см, сук — 51—56 см, масса кобеля 25—30 кг, сук — 20—26 кг), уравновешенного поведения, преданный, хорошо поддающийся дрессировке, но очень азартный на охоте. Он отличается своеобразным шерстным покровом. Шея, туловище и хвост у основания на 7,5—10 см покрыты плотными завитками, на конечностях и черепной части шерсть выющаяся, но длиннее и менее плотная, над глазами образуются чубчик, морда покрыта гладкой короткой шерстью, остальная часть хвоста голая или покрыта прямой мягкой шерстью. Окрас сплошной темно-красно-коричневый с характерным для этой породы отливом или отблеском.

Эта собака компактная, крепкого типа конституции, с длинной изогнутой шеей, немного растянутым корпусом, глубокой грудью грушевидной формы. Голова достаточно крупная, череп выпуклый, объемный, морда длинная, с сильными челюстями и несколько опущенными губами, создающими впечатление, что она прямоугольная. Переход от лба к морде нечетко выражен. Мочка носа крупная темно-коричневого цвета. Глаза сравнительно небольшие. Уши длинные, висячие, низкопосаженные, обильно покрыты выющейся шерстью. Хвост короткий (не доходит до скакательных суставов) и прямой, толстый у основания и суживающийся к кончику, посажен низко и держится ниже линии спины. Лапы большие, округлые, на пальцах растет обильная шерсть.

Ирландский водяной спаниель — смелая, инициативная и энергичная собака, очень азартная на охоте. У него отличное чутье, и он не знает усталости особенно при охоте на водоплавающую дичь, прекрасный пловец. Существует мнение, что длинная и густая шерсть может быть препятствием при охоте на дичь в кустарниках и высокой траве. Этот спаниель понятлив, легко поддается дрессировке, очень привязывается к человеку, поэтому его можно содержать как любимца семьи, однако при этом следует представлять продолжительные прогулки с большой физической нагрузкой.

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Раннее утро. Еще темно, но охотники уже собрались. Пороша и тишина благоприятствовали задуманному. Сегодня едем с гончей, любимицей коллектива. Гайда — опытная выжловка в расцвете сил. Не раз проверена в деле. Сомнений в успешной охоте не было. Владельца выжловки переполняла гордость.

Незаметно доехали до места охоты. Выжловка пущена в полаз, охотники в маскхалатах разошлись по просекам. Места всем хорошо знакомы, охотились здесь не раз.

Гайда быстро нашла беляка и стала добирать. Вдруг выстрел разорвал тишину в противоположной стороне от собаки. Было ясно, что выстрел не по гонному зверю, что тут же и подтвердилось криком стрелявшего. Готов! Убил волка! В 25 шагах от него, зарывшись головой в снег, лежал здоровен-

Выезд со ставей гончих

Как убереечь гончую?

ный волчина. Было чему удивиться... Зверь был бит чисто, одним выстрелом, попадание в шею и голову, дробь № 1, в контейнере, ружье ТОЗ-34.

По рассказу стрелявшего волк шел явно на голос собаки, отслеживал поворотами ушей ее гон и поворачивал по ходу движения собаки вправо. Он явно увлекся собакой, потерял осторожность и нарвался на охотника. Поведение его можно назвать даже наглым, ведь всего 5 минут назад мы ехали по просеке на машине, и он наверняка слышал нас, его лежка была в 40 м от дороги. Помогло и то, что стрелявший охотник сохранил полную неподвижность и поднял ружье, когда зверь зашел за куст с кухтой, т. е. сработал профессионально. Мысль о перезарядке ружья он отгонял, понимая, что незаметно этого не сделает, и оказался прав. Волк был матерым самцом лет 6—7; один клык его был сломан под корень. Может быть, до этого он задавил не одну гончую и был уверен в успехе.

Выжловку спасла случайность?! Как же в подобных случаях убереечь гончую?

Первое и главное условие: проведение охот по волкам.

Второе условие: охотиться с гончей лучше группой в 3—5 человек. В этом случае охотники подстраховывают собаку с разных сторон, создавая шум, незаметный для зайца, но очень заметный для волка. Повышается вероятность защиты собаки.

Некоторые охотники по белой тропе делают предварительный объезд кварталов или участков леса, чтобы по следам убедиться в отсутствии волков.

Другие предварительно до напуска гончих стреляют в районе предполагаемой охоты. Зайцу это не вредит, а

волк обычно панически боится выстрелов. Он наверняка посторонится и вряд ли рискнет в этом районе охотиться за собакой. Хотя практика показывает, что бывают исключения.

Другие охотники применяют пахучие ошейники или повязки в расчете на то, что, атакуя собаку, волк причует запах человека и не рискнет нападать.

Все способы защиты собаки вполне обоснованны, хотя эффективность их в каждом случае различна и зависит от конкретных обстоятельств. Но многие охотники живут в глухих местах, охотятся в одиночку, помощи им ждать неоткуда. Как выходить из положения они?! Сейчас, когда поголовье волков резко возросло, проблема эта стала весьма актуальной. И все-таки наиболее вероятно защита собаки на коллективной охоте. Во всех других случаях вероятность защиты собаки снижается и риск нападения волка довольно

В полазе

высок. Подтверждающих фактов много. Кроме того, коллективная охота позволяет быстро, не теряя времени, при обнаружении волков перестроиться и организовать охоту на них. Или, если не позволяет короткий световой день, подготовиться к охоте на завтра.

Дополнение от редакции. Несмотря на то, что и во время коллективной охоты волки иногда отваживаются утаскивать собак (см. статью В. Яшина «Гибель гончей» в № 12, 99 г.), случается это, очевидно, очень редко. Ведь обычно волки конечно же боятся и людей, и тем более выстрелов.

Тем не менее в наших прошлых журналах предлагались и другие способы защиты гончих. В. Григорьев в № 7 журнала за 80 г. описывал опыт карельских охотников, которые надевали на своих собак красные ошейники с лентами-флажками из легко рвущегося материала.

С. Жуков (№ 1, 84 г.) предлагал делать ошейники с металлическими пластинами и выступающими из них болтами с плоской шляпкой, закрепленными гайками с наружной стороны. Такие ошейники отпугивают волков и защищают шею собаки.

Фото А. Севастьянова

Элитное оружие ЦКИБ

Интервью с директором Центрального конструкторского исследовательского бюро спортивно-охотничьего оружия Виктором Кирилловичем ЗЕЛЕНКО оружейоведа М. БЛЮМА

Уважаемый Виктор Кириллович, вы являетесь руководителем единственного в мире конструкторского бюро, которое призвано разрабатывать и изготавливать охотничье и спортивное оружие самого высокого класса, исходя из потребностей охотников и спортсменов. Оружие ЦКИБа славится не только в нашей стране, но и за рубежом. Исходя из этого, прошу вас рассказать об оружии, которое в настоящее время изготавливается вашим предприятием, и с чего все это начиналось?

4 марта 1946 года Дмитрий Федорович Устинов подписал приказ народного комиссариата Вооружения СССР № 96, в котором говорилось, что «для ускорения работ по проектированию новых образцов охотничьего и спортивного оружия, объединения конструкторских работ, ведущихся на заводах, и систематизации научно-технической работы в этой области создать на заводе № 536 (ТОЗ) центральное конструкторское исследовательское бюро с испытательной станцией». Вначале все началось с изготовления копий немецких образцов оружия. Группа инженеров в первый же месяц после подписания приказа выехала в Тюрингию в район Зуля, откуда были вывезены образцы оружия и чертежи. Вначале осваивалось изготовление ружей с использованием некоторых конструктивных решений в немецком оружии, но уже в 1948 г. образцы оружия начали получать индекс МЦ, то есть это уже были отечественные разработки с оригинальными конструктивными решениями.

В настоящее время наше предприятие является филиалом тульского Конструкторского Бюро Приборостроения, которым руководит известный конструктор и изобретатель Аркадий Георгиевич Шипунов. После такого объединения значительно расширились возможности по разработке и изготовлению различных уникальных образцов охотничьего и спортивного оружия. Поскольку ваш журнал больше интересуется охотничье оружие, то я остано-

влюсь на тех образцах, которые мы в настоящее время изготавливаем.

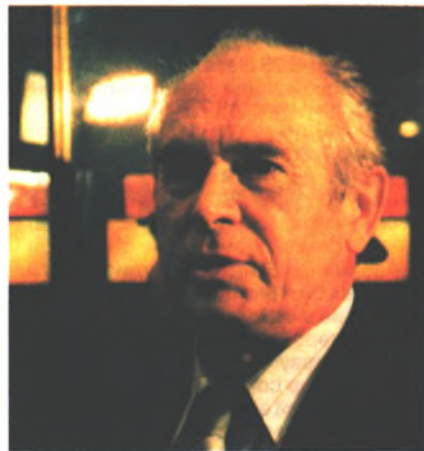
Начну с тех образцов, которые неизвестны не только широкому кругу знатоков отечественного оружия, но и узкому.

Самое универсальное ружье в России МЦ-40. Это ружье имеет четыре ствола с двумя спусковыми крючками. Два гладких ствола расположены в горизонтальной плоскости. Между ними внизу располагается нарезной ствол под мощные патроны калибра 9 мм или 7,62, а сверху между гладкими стволами располагается нарезной ствол под патрон калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения. Прицельные приспособления состоят из оптического прицела и мушки с целиком. Такое ружье дает возможность добывать его владельцу мелкого пушного зверя и крупную птицу до 100—150 м, используя выстрел из верхнего нарезного ствола. Нижний нарезной ствол позволяет добыть крупного и среднего зверя на расстояниях до 500 м, а гладкие стволы используются для стрельбы по летящей и бегущей, а также неподвижной дичи дробью и картечью, а пулей — по крупному зверю на расстояниях до 70 м. Таким образом, владелец данного самого универсального ружья может добывать любую дичь, живущую на территории России. Другое оружие ему просто не понадобится.

Делаем мы и тройник МЦ-140, в котором отсутствует верхний нарезной ствол. Тем, кто не собирается добывать пушнину, рациональнее будет приобрести именно его.

Мы можем предложить охотникам и весьма необычные образцы, которые не изготавливаются нигде в мире. Разве вы можете найти хоть один в мире образец двуствольного ружья, у которого оба ствола многозарядные, а мы такое оружие делаем? Это ружья МЦ-27 и МЦ-28.

Комбинированное ружье МЦ-27 имеет верхний магазинный нарезной ствол

Директор ЦКИБа СОО Виктор Кириллович Зеленко

под патроны 9х53, а нижний — гладкий самозарядный с магазином под патроны 20 калибра. Ружье имеет оптический прицел, целик и мушку. И крупный зверь и птица всегда будут вашими. Конечно, все ружья богато украшены. Это относится ко всем ружьям, изготавливаемым нашим предприятием.

Комбинированное ружье МЦ-28 сочетает в себе два самозарядных ствола. Нижний ствол гладкий с коробчатым магазином, а верхний ствол нарезной под патроны калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения. Конечно, как и все предыдущие образцы, ружье имеет оптический и открытый прицелы. Такое ружье очень хорошо на промысле мелкого пушного зверя и из него можно добыть и крупную птицу на расстоянии до 150 м для пропитания. А если нужно подстрелить птицу влет или бегущего зайца, то к вашим услугам самозарядный гладкий ствол, который также поможет добыть и крупного зверя на расстоянии до 70 м при стрельбе пулевыми или картечными патронами. В общем, ружье весьма универсальное и может составить хорошую компанию не только промысловому охотнику, но и любителю.

И еще новое комбинированное ружье МЦ-29 для промысла с однозарядным верхним гладким стволом 32 калибра и

болтовым затвором. Нижний нарезной самозарядный ствол под патроны кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм с двумя магазинами в прикладе. Мечта промысловика охотника, который до сих пор таскает на себе гладкостволку малого калибра и магазинную тозовку. Пора сменить на новое оружие такой тандем. И легко, и удобно, и всегда под рукой наготове нужный выстрел. Точно положил пулю из гладкого ствола и любой зверь ляжет, ну а из нарезного, да еще самозарядного, всегда будешь без проблем с повтором выстрела и на морозе и в определенной сложившейся ситуации. Думаю, все промысловики, понимающие толк в оружии, быстро начнут заказывать такие образцы.

Наши конструкторы создали еще один образец оригинального самозарядного ружья МЦ-25 с семью патронами в прикладе. Нет привычного подствольного магазина, только механизм перезарядки. Это позволило значительно улучшить прикладистость ружья, так как центр тяжести сместился ближе к стрелку, а значит, и управлять им стало легче. Короткое цевье, вентилируемая планка и прекрасная гравировка придают ружью изящный внешний вид, который способствует появлению желания приобрести его и никогда с ним не расставаться. Скорострельность и многозарядность, безусловно, также способствуют этому.

Остальные образцы, которые мы можем предложить покупателю, уже достаточно хорошо известны охотничьей общественности. Это двуствольные ружья МЦ-109 с вертикальным расположением стволов и МЦ-111 с горизонтальным расположением стволов. Оба ружья имеют полные замки и прекрасно отделаны. Револьверное ружье МЦ-255, о котором вы уже писали в журнале. Это уникальная одностволка с барабаном на пять патронов, которая покорила охотничий мир своей надежностью при стрельбе из-за отсутствия сложного перезаряжающего механизма.

Пожалуй, остальные образцы, которые изготавливает наше предприятие, я просто перечислю, иначе потребует слишком много времени, чтобы дать каждому отдельному образцу хотя бы краткую характеристику. Мы изготавливаем и продаем карабины МЦ-125, МЦ-19, МЦ-18, МЦ-131, комбинированные ружья МЦ 109-12-07, МЦ 105-01, МЦ 106-17 и двуствольные ружья МЦ-7, МЦ-110, МЦ-106.

Очень приятно сознавать, что вы возродились и стали создавать новые системы охотничьего оружия, изготавливать и продавать его. Скажите, пожалуйста, Виктор Кириллович, где можно приобрести оружие с маркой МЦ и насколько оно теперь будет доступно охотникам. Ведь из предыдущего опыта известно, что оружие с вашей маркой практически невозможно было купить рядовому охотнику, несмотря на наличие денег. Только высоко поставленные особы могли себе это позволить, а обычный охотник мог рассчиты-

вать только на комиссионку. Как теперь обстоит дело с этим?

С удовольствием могу порадовать охотников, что такое положение резко изменилось. Наше предприятие 24 сентября 1999 года в 14-00 открыло свой собственный фирменный салон-магазин «Оружие МЦ» в здании ЦКИБа СОО. У нас оно будет самым недорогим по сравнению с другими магазинами и в настоящее время самый обширный ассортимент образцов как по разнообразию, так и по количеству образцов одинаковых моделей, но неодинаковому исполнению. Каждый образец уникален сам по себе. Так что мы будем рады удовлетворить самые изысканные вкусы охотников. Кроме того, при магазине создается мастерская по ремонту и отладке различного охотничьего оружия. Конечно же, магазин будет также являться своего рода информационной базой, что позволит наладить живую связь с потребителями оружия и выяснять запросы охотников и спортсменов, а также узнавать от них недостатки и преимущества изготавливаемого нами оружия. Этот магазин также покажет всем, что в Туле есть оружие высокого класса, а его марка — МЦ.

Кстати, о вкусах охотников. Уважаемый Виктор Кириллович, всех интересует вопрос. Можно ли заказать по своему усмотрению ружье модели ЦКИБа и кто может это сделать?

Не секрет, что раньше ЦКИБ делал заказное оружие в основном для высокопоставленных лиц, а также для подарков высоким гостям нашей страны. Поэтому наше оружие оказалось во многих уголках нашей планеты, и мы получаем самые высокие отзывы о его работе.

В настоящее время заказы мы будем принимать от любого охотника как отечественного, так и зарубежного с соответствующим оформлением документов.

В нашем магазине можно заказать ружье модели ЦКИБа с теми изменениями или дополнениями, которые пожелает заказчик. Выполнение заказа во времени будет зависеть от степени изменения конструкции заказываемого ружья от базовой модели. Обычно мы выполняем заказы за год-полтора, а

иногда и за полгода. Магазин располагает специальной комнатой для переговоров, в которой в удобной обстановке будут вестись переговоры по заказу ружья. Поскольку ружья дорогие, то необходимо очень внимательно относиться к пожеланиям покупателя-заказчика, которые будут тщательно зафиксированы, обсчитаны, после чего цена ружья будет сообщена заказчику, который должен быть готов к ее немалой величине. Большая цена нашего оружия обусловлена, помимо всего прочего, тем, что оно обладает также удивительно высокой живучестью.

Какое количество ружей в течение года ваше предприятие может изготовить?

В этом году мы изготовили порядка 400 и собираемся довести эту цифру в ближайшие годы до 2000. Кроме того, наше предприятие планирует ежегодно разрабатывать какой-либо новый образец, который будет способствовать расширению номенклатуры выпускаемого нами оружия и более полному удовлетворению потребностей охотников. В настоящее время мы начали разработку двуствольного штуцера с горизонтальным расположением стволов под патрон 9,3х64. и штуцера с вертикальным расположением стволов на базе ружья 12 калибра со шнеллерным механизмом и оптическим прицелом.

Скажите, пожалуйста, а каким требованиям, по вашему мнению, должно удовлетворять оружие высокого класса?

На первом месте стоит законченность композиционного решения как в целом ружья, так и каждой составляющей его части. Они должны быть выполнены в традиционном классическом стиле. Должна наблюдаться гармоничная взаимосвязь между художественной отделкой, его формой и качеством изготовления. Также большое значение в художественной отделке ружья имеет сохранение русского стиля, который, в настоящее время, приобрел свои конкретные очертания.

Ружье высокого класса — это сложный механизм, состоящий из ряда частей, включающих множество разнообразных точно и индивидуально подо-

Фото М. Блюма

В магазине «Оружие-МЦ»

ганных деталей. Это значит, что в изготовлении ружья вложена кропотливая работа талантливого сборщика в течение длительного времени, а таких мастеров единицы.

Каналы стволов ружей высокого класса не хромируют, так как с применением хромового покрытия невозможно добиться идеальной внутренней конфигурации ствола и равномерного покрытия без каких-либо изъянов.

Отделка наружных и внутренних поверхностей всех деталей предполагает очень высокий уровень чистоты и полировки, а иногда даже золочение.

Вот всего лишь несколько штрихов, характеризующих оружие высокого класса. К этому следует добавить необходимость наличия высококлассных мастеров своего дела и, естественно, их работу высоко оплачивать. К таким мастерам относятся сборщики, осад-

У входа в магазин «Оружие-МЦ»

Известно, что Леонид Павлович Сабанеев поругивал просвещенных европейцев за то, что они пишут плохие охотничьи книги. Сам он писал для русских охотников только хорошие и очень хорошие книги — любые, по всем отраслям охоты. Любые, кроме книг по оружию, потому что лучшая книга об охотничьем ружье была уже написана, она так и называлась просто, без затей — «Ружье». Зато ее автор носил звучное имя Вильям Веллингтон Гринер-младший.

Яблоко от яблони недалеко падает, вот и Гринер-младший вырос под сенью славы своего отца-оружейника, точнее сказать, в слесарных и токарных мастерских. Кстати, о яблоках. Одно из них, по преданию, упало на голову Ньютону и сделало их (яблоко и Ньютона) знаменитыми. Вполне возможно, что на Гринера-младшего тоже что-то упало в мастерской, ну там какой-нибудь винтик или болтик с полки. Как бы то ни было, но маленький кусок железа под названием «болт Гринера» обессмертил имя своего создателя. Правда, и отец был не лыком шит — ходил в звании придворного мастера принца Альберта, только сейчас об этом мало кто помнит даже в Англии. А вот «болт Гринера» впору заносить в книгу Гиннеса как по популярности, так и по баснословным барышам изобретателя и его потомков.

Фирма, основанная Гринером-старшим в 1829 году, не бедствовала, однако донимали конкуренты. Голанд, Перде, Ланкастер и прочие наступали на пятки и буквально не давали спать. За экзотическим сортом ореха для ружейных лож снаряжались рискованные экспедиции на далекий Кавказ, поступил приказ граверам не жалеть золота и серебра, но слишком глубоко сидел в папаше Гринере английский консерватизм. Старый оружейник до самой смерти благоговел перед шомполом и без сына-новатора мог запросто довести дело до полного разорения.

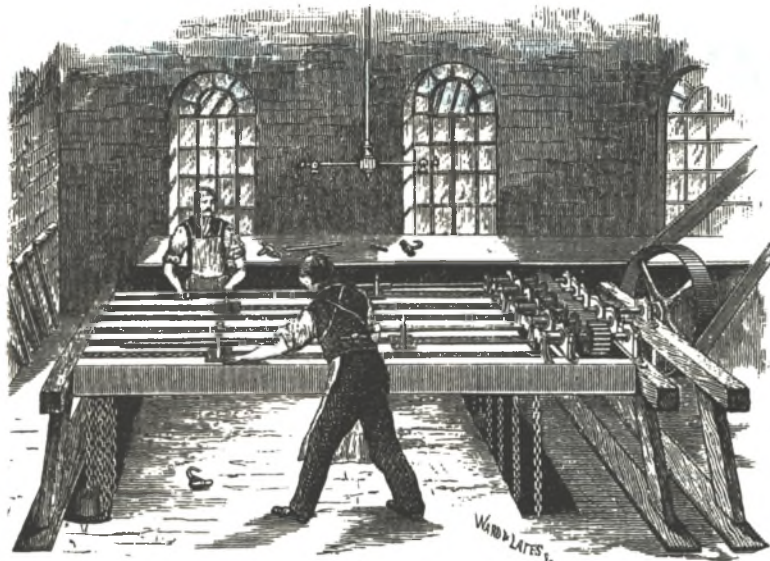
Гринеру-младшему принадлежит множество изобретений по ружейной части, а еще, говоря современным языком, он добился выдающихся успехов в совершенствовании технологии ружейного производства. Именно здесь зарыта большая собака (дог — англ.) будущего процветания фирмы, скрепленного поистине «золотым болтом», — к концу прошлого века фабрика «Гринер» стала крупнейшей в Британской империи. Пожалуй, Гринер первым из западных производителей создал «народное» ружье высокого качества по вполне приемлемой для европейцев цене от 8—10 фунтов стерлингов.

Вместе с «болтом» для ружья и самим ружьем успех по праву разделила книга «Ружье», которую, не жалея денег, раскупала вся охотничья Европа. По всей видимости, Гринер-младший был хорошо знаком с трудом умного бухгалтера Карла Маркса, потому что любой желающий купить ружье, не прочи-

Георгий Васильевич Тарновский — переводчик книги В. В. Гринера «Ружье», постоянный сотрудник журнала «Природа и охота» с 1884 года, герой русско-японской войны 1904–05 гг.

Один из рисунков в книге В. В. Гринера «Ружье»

«Ружье» Гринера-Тарновского

тав даже, а пролистав книгу, бежал покупать именно ружье Гринера. Лучшая сталь, надежность и сверхубойность, низкая цена — все у нас, фирма «Гринер» — ваш надежный партнер!

Книга «Ружье» вышла в 1883 году и молниеносно была переведена на многие европейские языки (не промышленными ли шпионами Гринера?) — вряд ли можно придумать лучшую рекламу для собственной продукции. До России новое ружейное откровение дошло, по традиции, с опозданием на пять лет: Сабанеев, забыв про личные амбиции, наступил на горло собственной песне и издал-таки книгу Гринера за свой счет. Но есть, есть подозрение, что в этой затее не обошлось без финансового участия хитрого англичанина — магазину Гринера в Санкт-Петербурге требовались все новые и новые покупатели.

Книга по тогдашним меркам получилась очень богатая: почти 400 страниц большого формата и 346 рисунков, да и цена (5 рублей!) высокая, не каждому по карману. Надо сказать, что до той поры для любителей оружия в России были доступны лишь небольшие книги двух генералов — А. Карелина (1853 г.) и К. Больдта (1864 г.), но тягаться с Гринером они не могли.

Рассеянный читатель, не обратив внимания на кавычки в заголовке статьи, может подумать, что существует некое ружье системы Гринера-Тарновского. На самом деле речь идет о другом соавторстве — книжном. На русский язык «Ружье» Гринера перевел большой знаток оружия и многолетний автор охотничьих журналов Георгий Васильевич Тарновский (не путать с Тарнопольским, писавшим статьи и книги об оружии под псевдонимом

«Гражданский инженер». — М. Б.). Именно ему принадлежит множество примечаний и комментариев к тексту Гринера. Больше того, Тарновский счел нужным дополнить книгу главой с подробным описанием стрелкового оружия русской армии.

Создается впечатление, что Гринер-младший знал о предмете абсолютно все, во всяком случае, его книгу вполне можно назвать энциклопедической. Начав с исторического экскурса к первым образцам огнестрельного оружия, автор последовательно описал все существующие системы и модели военных винтовок, карабинов, охотничьего нарезного и дробового ружья. Большое внимание Гринер-изобретатель уделил фабрикации ружей и сверловке стволов, а Гринер-фабрикант не удержался от описания многочисленных составных, в которых его ружья брали главные призы. Одним словом, «Ружье» стало настоящей настольной книгой для охотников целого поколения. Даже спустя многие годы наши лучшие оружейеведы (А. П. Ивашенцов, С. А. Бутурлин, С. К. Лейдекер и другие) постоянно ссылались на труд Гринера и отзывались о нем в превосходной степени.

Верный признак высокого качества старой книги — ее устойчивая известность и полное отсутствие в букинистической торговле. По крайней мере, в течение последних 25 лет в московских букинистических магазинах никто из старых книжников «Ружье» Гринера не видел. Объясняется это тем, что подобные издания редко попадают в случайные руки. Кто имеет — хранит. Даже несведущий человек с любопытством перелистает эту книгу, полюбуется на старинные английские гравюры.

Очень часто с замечательными книгами связаны легенды и интересные истории. Для переводчика книги «Ружье» Г. В. Тарновского оружие было не единственной специальностью, в начале 900-х годов он управлял отделением Госбанка в Новой Бухаре, а затем отправился на войну с Японией в составе артиллерийской батареи. Однажды в бою, отставивая орудия от наседавших японцев, первоклассный стрелок и охотник Тарновский в свалке уложил из револьвера 6 самураев, но наши войска отступили, а храбрый артиллерист пропал без вести. Боевые товарищи рассказали о подвиге Тарновского на страницах журнала «Псовая и ружейная охота» (1904 г., № 33). Сообщение заканчивалось словами: «...если же он погиб смертью героя — то слава и честь памяти о нем среди русских людей и охотников». Тон сообщения был горестный, вся надежда теплилась в коротеньком слове «если...». Да здравствует русское «авось»! Уцелел отважный вояка! 18 (восемнадцать) осколков от гранат превратили тело Тарновского в решето, но он чудом выжил и вернулся в Россию, один из всей батареи. Трогательная заметка, посвященная 25-летию литературной деятельности Г. В. Тарновского, была помещена в журнале «Семья охотников» (1909 г., № 5). Даже сегодня, спустя почти сто лет, строки об этом человеке читаются с волнением. Охота и увлечение оружием не приносили Тарновскому никакой материальной выгоды, зато он заслужил уважение своих соотечественников по охоте.

В наше время его имя известно разве что профессиональным историкам оружия, а вот о «болте Гринера» знают многие, ну хотя бы читатели нашего журнала.

ТРУДОВОЙ РУСАК

Игорь АЛЁХИН

В середине января выпал долгожданный снег. Он означал новую страничку в охотничьем сезоне — чистую, свежую, с не прочитанными еще записями звериных и птичьих следов в далеких полях.

Снег начался в пятницу утром и шел весь день, но лишь к обеду ему удалось забелить пропитанную декабрьскими дождями землю. В новом году дожди прекратились, выдохлись степные ветры, и лишь зоревые тяжелые туманы лениво липли к балкам, резавшим кубанский чернозем гривами блеклого камыша. Туманы серебрили водяной холодной пылью зеленую щетину озимых, паутинной сканью заплетали старые пашни, развешивали на ветках акаций крупные жемчужины капель и отволаживали подсыхшую было за день опавшую листву. Все ждало снега — и озимь, в страхе перед возможными морозами, превращающими изумрудную опушку посевов в белесую путаницу мертвых побегов, и пашня, которой надоело цепляться за сапоги бредущих по ней охотников, и даже камыши, желавшие напоследок покрасоваться на белом фоне осенним золотом.

И вот он пришел. Однако падал на мокрую землю, и это вселяло в просветлевшую охотничью душу неприятную тревогу и сомнение. К утру от надежды на нечастую у нас порошу могло не остаться и следа. Весь вечер я посматривал в окно, за которым отвесно опускались белые крупные снежинки, а когда стемнело, выходил на крыльцо, где висел градусник. Тоненький красный столбик никак не хотел опуститься до цифры «ноль» и словно зацепился за плюсовую десятку. Я скидывал несколько градусов на поправку (градусник висел на теплой стене дома), но все равно выходило многовато. Тепло.

Я делал кружок по двору, чувствуя мягкое и совсем не холодное прикосновение снега к щекам, и глядел на свои следы, а когда вернулся к крыльцу, заметил, что первые отпечатки слегка припорошило. Но все равно было очень тепло.

Я вглядывался в черное мутное небо, словно пытаясь понять, много ли там этого белого влажного пуха, и загадывал завтрашнюю охоту. Решил не ехать (пусть отдохнет моя старушка «Нива» в гараже — ей и так достается за сезон), а просто выйти утром за черту города и, проверив сначала ближние огороды, уйти потом в поля и попытаться взять зайчишку классическим троплением. Удовлетворение от такой охоты бывает полным, — наверное, как у японца, нарисовавшего тушу на туго натянутом шелке единственный иерог-

лиф, прекрасный в своей законченности. Как там называется это искусство... Я стоял под русским небом, откуда на притихшую землю неслышно падали миллиарды снежинок, и очень понимал жителя восточной страны, который с кисточкой в руках готовится начертать на гладкой материи не подлежащий даже малейшему потом исправлению знак... Затем пошел спать.

Я проснулся и увидел в окно серый свет. И сразу вспомнил о снеге. Это он светил в окно, которое в этот час должно было быть еще темным. И еще я услышал звук падавших с крыши капель. Значит, так и не подморозило. Отодвинув занавеску, выглянул. Бело, тихо, на ветках деревьев снежная налесь. От дома до окраины всего несколько сотен метров, охота моя нынче начнется совсем рядом, и спешить не стоило. Долгий чай, неспешные сборы... Ружье — возьму сегодня двустволочку, классика так классика! — всегда наготове, патроны — каждый самолично заряжен-обласкан — тоже. Распределены по номерам в небольшом шестнадцатигнездовом патронташе, остро пахнувшем кожей. В один из карманов спецназовской «разгрузки» сунул пару бутербродов, в другой — оставшуюся с прошлой коллективной

охоты фляжку, в ней еще что-то вроде плещется... Может, кого встречу, а нет, так и самому можно, особенно ежели «на крови». Не за рулем, слава Богу...

На улице тихо, лишь кое-где взлаивают собаки. Снег перестал, наверное, за полночь, успело насыпать чуть выше щиколоток, шаги мои неслышны и мягки. На следу виден каждый рубчик подошвы, в отпечатках пробежавшей кошки — каждая подушечка. Клас-сика.

Вот и окраина. За последними дворами вдоль поля тянулась полоса огородов. Тут и там из-под снега торчали пеньки кукурузных стеблей, кое-где дыбился черными кустами бурьян, по межам стояли деревянные колышки. Очень подходящее место для «домашнего», «огородного» зайчика, плевавшего на близкий лай дворняжек и звуки недалеких подворий... Возле углового дома я остановился собрать ружье. Под невысокой вишенкой стояла потемневшая от времени скамеечка. Смахнув с нее горку снега, я вытащил бокфлинт из чехла и положил его на сиденье. Соединил обе части тозовки, глянул в поле и увидел зайца. Он сидел посреди полосы огородов — крупный, очень темный на фоне снега — в полутора сотнях шагов от меня.

Я достал из висевшего у меня на боку футляра бинокль и поднес к глазам. Приблизившийся в двенадцать раз русак был теперь совсем рядом. Он сидел боком ко мне, широкий, пушистый, сидел совершенно неподвижно — лишь едва заметно поворачивая ушами своей головой. Я не знал, собирался ли он лечь на дневку (на это было мало шансов), или наоборот, только что поднялся с лежки, еще толком не обогретой им, чем-то потревоженный. Возможно, его просто тревожил этот первый снег: не будь его, заяц сейчас лежал бы тихомирно в своей ямке, положив на спину чуткие уши. Мне оставалось только стоять и смотреть на него. Предпринять что-либо не имело никакого смысла. Все же я вложил в стволы два патрона с мелкой картечью — чем черт, как говорится, не шутит... С минуту я наблюдал за русаком, облокотившись о забор крайнего дома. Потом он скакнул и пружинисто пошел наискосок через огороды вправо к недалекой лесополосе, убегающей по краю огромного люцернового поля, сейчас засыпанного снегом, к далекому мутному горизонту. Лесополоса была редкой, в пятюк рядков молодых акаций, совсем без подлеска, и я еще какое-то время видел мелькавшее меж стволов темное пятно русака. Затем оно исчезло из вида.

Я заменил патроны на обычные с заячьей дробью и пошел к правой лесополосе, хотя понимал бесполезность этого. На огородах несколько раз пересек заячьи следы, спокойные, жировочные. Стоило покрутить здесь (не исключено, что где-то поблизости смастерил себе уютную лежку еще один зайчик), потоптаться на недавних грядках, настороженно озираясь вокруг, но что-то заставило меня, не задерживаясь, пересечь «частный сектор». С одной стороны, конечно, неплохо вот так, в считанные минуты оказаться с добычей в трехстах шагах от дома. Но это значит — возвращаться, чего я очень не люблю, оставлять зайца дома, снова выходить за город. А вдруг уже не захочется или будет этот второй выход уже не таким... новым, праздничным. Нет, конечно, вскочи сейчас рядом заяц, непременно щелкнул бы его, чего уж лукавить... Но нету — и ладно, и Бог с ним, ведь целый день впереди, да какой день! Первый снег, пороша — ну что за прелесть! Тихо, безветренно, тепло и ходить нетрудно: ноги хоть и проваливаются на мягкой пашне, но снег надежно изолирует обувь от земляных объятий, и сапоги мои чисты.

По границе огородов и люцернового поля проходила малоезженная грунтовая дорога, ведущая на ферму, — мимо желтеющих ячменной соломой под белыми шапками снега скирд. Я, не спеша, шел вдоль лесополосы, а дорога пересекала мой путь чистой белой полосой. За ней начиналось поле. Снег не даром засыпал высокие, почти до колена, сухие стебли люцерны, и поле казалось покрытой серой вуалью белой пустыней. Слева от скирд отделились две человеческие фигуры, с прилипши-

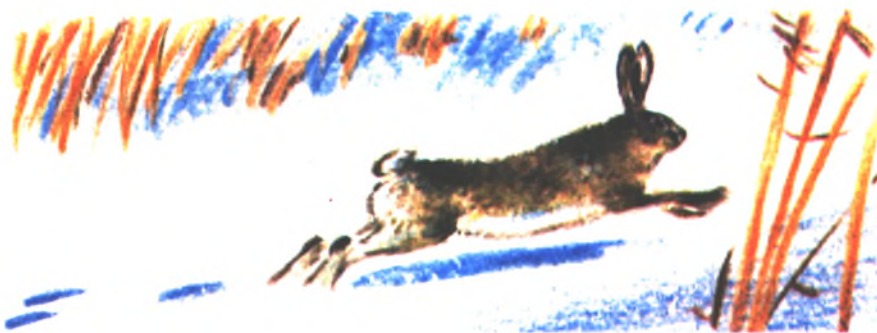
ми к бокам мешками с соломой. Ради-вые хозяева пораньше управились с домашними делами. Впереди них двигалась темная точка — собака, наверное. Но что-то уж слишком быстро и прямолинейно для собаки... Да это же заяц! Ну точно: катит русак по дороге, и путь ему — в посадку, вдоль которой я иду! Эх, далековато и уже не успеть добежать — эти, позади зайца, заметили его, слышны крики и свист; русак надал, и через несколько секунд влетит в посадку впереди меня. Все же успел сделать пару-другую быстрых шагов, и зря, наверное: сбился, засе-менил, подлаживая ногу и одновременно поднимая ружье к плечу. Ну кто ж стреляет на бегу, олух ты царя небесного! И тридцать же лет почти ходишь ты за такими вот русаками, и ведь только что спокоен был и светел, как снежные просторы вокруг, и зазря, что ли, дома призы за первые места в район по стендовой стрельбе хранишь.

До зайца было — потом сосчитал — семьдесят шагов. Ну, пусть метров пятьдесят. Так боковой же, на чистом месте заяц! И сдуплетил все же не впопыхах, размеренно ахнул раз за разом, старательно отмерив мушкой нужный просвет перед заячьей грудью... должен был перевернуться, обязан был! Так нет же — влетел, не дрогнув, в посадку, словно конь... Я, ломая на бегу ружье и вставляя новые патроны, — за ним, через лесополосу. Соседнее поле — озимь, снег превратил его в белоснежную скатерть, и на ней уже далеко — русак мой летит коньком-горбунком, как нестреляный. Прочертил все поле темной молнией, нигде и попытки пристесть не сделал — значит, не зацепило его нисколько.

Осталось следы посмотреть. Вернувшись, начал с того места, где стрелял. Внимательно прошел по дороге, благо на ней следы только моего русака, — ни

40 метров лучшего ружья не надо, а дальше... Вот было у меня ИЖ-12, так чтобы с него вот такого зайца упустил — ни в жизнь. Громобойное ружье. Кум мой, Петро, ветеринар, любил говорить: «Ну, вижу ты ружье поднимаешь — значит, зайцу крышка, мне его не вылечить». А может, и не в ружье дело — просто был тогда моложе, цепче. С утра до вечера бродил без усталости — обедал и то на ходу, — внутри словно пружина взведенная. И зайца бил на первых прыжках — резко, четко, и не было тому спасения. А сейчас вымахнет русачина серой молнией — ружье как-то плавало за ним поспешает, а сам еще про себя скажешь: «Ох, красавец...» И упушу — стою, улыбаюсь, и злости нет — той, молодой, и вроде не очень расстроен.

Вот и сейчас походил по следам, убедился, что зайчик не ранен, головой покачал, руками поразводил — что ж, мол, подлаешь... Оглянулся — окраина города — совсем рядом, видно даже скамейку, возле которой собирал ружье. Возле скамейки — фигурка, как показалось девочки-подростка, неспешно отделилась от забора, протянула руку к стволу вишенки. Еще один свидетель моей бездарной стрельбы. Те-то, двое, с мешками соломой на плечах, свернули к окраине, махнув, наверное, в мою сторону руками. А и подделом мне! Заяц-то брать надо было, чего уж там... Теперь вот, чтобы успокоить свое охотничье самолюбие, надо оправдание искать-придумывать. Ну, что сильные дульные сужения крупной дробы не любят — это мы уже «проходили», это технический аспект, и в данной ситуации он неубедителен. Нужно что-то... морального плана привести в оправдание. И ведь есть оно, это «что-то», есть... А! «Нетрудовой» ведь заяц — даровой, «халаяный» — немногой такой стоит. И вообще «не классический»: ни тебе распутанных двоек со скидками, ни

кровинки, ни шерстинки, да и дробью что-то редко начинрано. Как-то неубедительно легла дробь, борозды там-сям... Прошел по русачиному следу порядочно — не-а! Жив-здоров зайчик, легко отделился. Все же тозовка моя, даром что удивительно прикладиста, легка и ловка, — не для дальней стрельбы. Как ни экспериментировал с зарядами-снарядами — нет в ней дальнбойности, хоть тресни... В пределах 30—

угаданной охотничьим чутьем лежки... Никчемный, если разобраться, заяц. Такого и упустить не жалко — дурной какой-то, шальной, а вздуматься — и нестойкий меня, вышедшего не просто убить любым способом, и чем быстрее, тем лучше, а добыть русака в праздничный день Первой Пороши. И обязательно действо это совершить показательно, взяв русачиный след с жировки на дневку, и крадучись идти по

заснеженной пашне, весь словно пружина, закаленная в неизвестном режиме, когда не знаешь, лопнет она от напряжения или безвольно ослабнет через минуту.

Я улыбаясь, вспомнив стародавние охоты с кумом Петром, его шутиливо-безапелляционные определения качества очередной добычи. Как-то, тоже по снегу, бродили по чистым, солнечным полям большим гаем, зайцев подняли за день десятка два, и все были с добычей, лишь мне не удавалось даже выстрелить, и это начинало злить, и в конце концов я, уверовав в несчастливый для себя исход этого дня, не захотел лезть в очередное заросшее бурьяном и засыпанное ворохом снега поле и понуро побрел по накатанной тропе, возившись с оловом, дороге. И более того, убедил остальных своим примером — благо силы у всех были на пределе — и вся компания потянулась гурьбой вдоль густой лесополосы. Лишь Петро упрямо отделился и стал забирать в поле, прихрамывая в заснеженных бурьянах, за которыми виднелись строения птицефермы. Нога у Петра Константиновича давным-давно была сломана в щиколотке, хромота осталась на всю жизнь, но никогда не служила причиной каких-либо привилегий или поблажек на охоте, — а ходьба в наших полях титаническая! И если все же и доводилось ему убить зайца, находясь «в застреле», нагоненного кем-то на него, — стоило тогда видеть моего склонного к некоему артистизму дорогого кума. Не ожидая каких-либо поздравлений, Петро кривил в ужасной гримасе лицо, словно от зубной боли, качал головой и несогласно махал рукой. «Нет-нет, это не заяц, — заявлял он категорично. — Абсолютно нет никакого удовлетворения в душе, я недоволен.»

И вот он в тот день один пошел полем, хотя на боку у него болтал ушастой головой крупный серебристо-розовый русачик. Отойдя шагов двести, Петр Константинович вдруг остановился и начал энергично жестикулировать, изображая страшно возбужденного немого. Меня, не имевшего в тот день добычи, подтолкнули — «иди!», я подбежал. Кум ужасным шепотом, указывая на свежий зайчий след, объяснял, что, по его разумению, русак лег в бурьянах у фермы, подпустит близко — ну и тропить его мне, как неудачнику. Петро был с зайцем, и это, конечно, придавало его словам большую значимость. Я подчинился, взял след и двинулся прямо по нему к недалекому забору фермы, стараясь сильно не шуметь шуршащим на морозце снегом. Скоро след утянул меня в сторону, к белым буграм дамб небольших отстойников, где росло несколько кленов. Под одним из них я наткнулся на свежайшую, еще теплую лежку русака. Тут же рядом в поле хлопнул негромкий выстрел, я глянул и увидел Петьку с еще брыкающимся зайцем в руке. Подойдя ближе, я, желая позлить удачника, крикнул: «Нетрудовой, Петя!» — «Тру-

довой! — заорал он весело. — Кто полез в поле? Кто нашел след? Кто определил, где ляжет, и бежал наперехват? Не-ет, батенька, этот заяц мне зачтется по праву, хотя достанется вам!»

И еще случай — как нарочно, в снежный день, — видно, сегодняшние белые поля заставляют вспоминать только подобные этому дни. Были в Сальске, охотились гаем, но у двоих — привезенные из Краснодара борзые, которые за день охоты не поймали ни одного русака, хотя снег толщиной тридцать сантиметров ставил собак в выгодные, казалось, условия. Ростовские крупнотельные русаки, заведя собак, развивали такую скорость, что вмиг начинали отрастать от засидевшихся в городских условиях псовых. Но по несколько зайцев на ружье мы все же имели — кто с нагона, кто с подъема. Не везло лишь Петру — он еще утром стукнул в бурьянистом заснеженном овраге выпрыгнувшего из-под него русачишку и целый день так его и протаскал. Возвращались вдоль русла Егорлыка дорогой, отделявшей целинный косогор от крупной нарезанной засыпанной снегом пашни. Идти по ней даже здоровыми, неуставшими ногами, ежесекундно спотыкаясь на вывертах и проваливаясь в снежные ямы, — истинное мучение. Поэтому на предложение Петра «затянуть пашенку» никто не среагировал, все из последних сил тащились по дороге к видневшемуся уже вдали грузовику. И Петя захромал по пашне сам, обозвав нас изнеженными самовлюбленными козлами. Впрочем, возразить ему ни у кого сил не нашлось. Лишь его двоюродный брат Василий понуро бросил, не поднимая головы: «И ведь убьет эта зглызду зыхавшая морда, ведь побачишь...» И точно — хлоп! И вот уже сияющий Петро ковыляет к нам, высоко подняв за задние лапы огромного русака: «Тр-рудовой зайчик, истинно трудовой!»

Так что не будем расстраиваться, причина для этого слишком мало. Это я об ушедшем русаке. День еще весь впереди. Но все равно — какие наши планы? Пора оглядеться и прикинуть, тем более что, пока я в воспоминаниях ударился, поле прошел и оказался на Т-образном перекрестке лесополосы. И что-то изменилось в природе, что-то стало не так. Поля вокруг все так же тихи и белы, небо серо, и ветки акаций графически четки. Лишь далекий горизонт подернулся туманной дымкой, его очертания чуть смазались. С чего бы это? И под ногами похрустывать стало, и мокрый снег уже не липнет к сапогам тяжелой ватой, он стал сух и легкий. И звонче. Я наклонился, пощупал снег рукой. Так и есть — подмораживает. Вон и ветки подсушило, они уже не такие сырые на ощупь. Ну что ж... Это и хорошо, и плохо. Хорошо — теперь нет опасений, что придется месить грязь после обеда, как это нередко бывает у нас на Кубани. Плохо, потому что, скорее всего, хруст моих шагов будет оповещать зайчишек о моем приближении на безопасном для них расстоянии.

Справа в километре на склоне балочки уютно расположились строения брошенной фермы, вокруг бугряты серые кусты бурьяна. Голые, пустые базы квадратными проплешинами белеют среди них.

Через поле озимых, прочерченное кое-где заячьими и лисьими автографами, я прошел к ферме и даже остановился, удивленный. Снег вокруг строений был истоптан русаками. Следов было великое множество, они испятнали пространство в несколько соток так густо, что казалось, будто зайцы со всей округи собирались здесь ночью на великий курултай. Следы зверьков были повсюду. Зайцы пролежали под изгородями, взбирались на укрытые снегом кучи старого перепревшего навоза, не спеша прыгали в гуще бурьянов, подбегали под самые стены, убежали к близкому камышу балочки и вновь возвращались на ферму. Неподалеку была разваленная, придавленная временем скирда соломы — русачьи следы виднелись и на укрывшем ее снегу. Я ошалело глянул на заснеженную крышу с разбитым во многих местах шифером, ожидая и там увидеть отпечатки заячьих лап, но сразу спохватился — слава Богу, уж там-то их не должно было быть. Я обомшел ферму два раза — по малому и по большому кругу, озираясь по сторонам, с ружьем на изготовку, — пока не сообразил, что такое обилие следов вовсе не означает, что зайцы сию минуту начнут целыми пачками выскакивать из бурьянов и раскрытых зияющих ворот, — а как раз наоборот, здесь-то их и нет. Но то, что брошенная ферма представляет собой идеальное место для охоты на засидках, было несомненно.

Однако в данный момент я проводил охоту троплением и полтора часа полезного времени потратил впустую, обследуя окрестности вымершего очага по разведению крупного рогатого скота. Я не поднял ни одного зайца в радиусе трехсот метров от фермы, но невероятное количество их следов вселило в меня уверенность в благополучии заячьей популяции на близлежащих полях. Кроме того, я отметил, что отпечатки — различной величины и, судя по всему, их не мог оставить один и тот же русак, поставивший перед собой цель свести с ума забредшего сюда охотника. К обеду я все же сумел оторваться от обозревания заячьего полигона, перелез, гремя подмерзшими тростниками, через балку, едва не зачерпнув голенищем коварной водички, и вышел к кургану с седой гривкой дикой растительности на макушке. На вершине его я съел бутерброд и выкурил сигарету, хотя точно знал, что это вредит моему здоровью. Дух противоречия сидел во мне прочно и сегодня заставил промазать зайца неподалеку от околицы и теперь искать мифического «трудового» зайца в заснеженных полях, все дальше уходя от дома. Черт бы побрал Петра Константиновича с его определением полной удовлетворен-

ности. Вот, скажем, прошатаюсь я сегодня впустую весь световой день и, возвращаясь в сумерках, застрелю в тех же самых огородах близ дома невесту откуда набегавшего зайца — все ведь бывает! Будет ли этот заяц достойно добытым, «трудовым»? Ой не знаю... И Петра рядом нет — он бы рассудил. А знаю я, что уже отмахал километров пятнадцать, и время — час дня...

Передо мной лежали два больших, примерно равных по размеру поля. Их обрамляли посадки акаций в сиреневой вуали появившегося инея. Солнце было туманным и тоже будто бы в инее. Когда я смотрел на него, оно не слепило глаза, а мягко и приятно грело их невидимым теплом. Я постоял минут десять в бурьяне на макушке кургана и почувствовал, что у меня слегка примерзли ноги в резиновых сапогах. Потому я убил серую ворону. Она пролетала мимо кургана со стороны солнца и с преступной халатностью не выдержала дистанцию. А может, она каким-то образом догадалась, что мое ружье заряжено дорогими итальянскими патронами с «нолевкой», очень красивыми, с высокой золотой головкой и восьмиклинной «звездочкой», которые жалко тратить на ворону, и поэтому летела спокойно. Я выплюнул окурок, вскинул ружье и выстрелил ей по носу. Ворона изумленно и страшно заорала: «А-ар!» и стала падать на заснеженное поле. «Ага! — крикнул я в ответ. — А ты думала!»

Передо мной лежали два больших, примерно равных по размеру поля. Оба они были пашнями, но левая была глубокой, глыбистой, а правая боронованной, сглаженной, на которой выделялись лишь две высокие двойные борозды. Левая пашня выглядела заманчивей. Укрыться в ней зайцу было проще пареной репы, и наверняка вся русачья братия после ночного шабаша на ферме залегла именно там. Во всяком случае, на месте зайцев я бы так и сделал.

Я стал обходить поле вдоль левого края, ища входные следы. К левому краю левого поля примыкали озимые, и это еще больше увеличивало шансы найти на этой пашне заячьи дневки.

Входного следа долго не было, и это удивило меня. Наконец я обнаружил его — строчка русачиных прыжков уходила ровнехонько в пашню. Изготовив ружье, я начал тропить, но тут же увидел неподалеку обратный след. Чувствуя, что это тот же заяц, все же прошел и убедился. Он прошел от лесополосы в поле всего метров сто, развернулся и ушел назад. Я бросил этот след и двинулся дальше вдоль края поля. Через сотню шагов — снова след в пашню, и снова скорое возвращение в лесополосу. Я прошел краем пашни около километра, и это повторилось еще трижды. Русаки, казалось, решительно шли в пашню, но тут же столь же решительно возвращались. Что-то не нравилось им на этой глубокой, мягкой, удобной для устройства лежки пашне.

Может, не хватало обзора, а первый снег требовал того. Возможно, возможно... Тогда надо попытаться счастья на соседней с виду голой и пустой бороньбе.

Я пересек пашню поперек, оступаясь в ямах и соскальзывая на заснеженных пластах чернозема. Когда вошел в раздвигательную лесополосу, был третий час дня. Ясно, что это поле должно быть последним перед дорогой к дому. Снег уже не шуршал под ногами — он гремел и скрипел, и я понимал, что шансов у меня немного. Разве рассчитывать, что какой-то русачишка разошлся после обеда, разнежился... Ох, вряд ли!

Черт возьми, бороньба какая мелкая, ровная, тут, кажется, не то что зайцу — леммингу спрятаться негде! Но чуть прошел с угла — след. Идет ровно, спокойно в глубину поля, серо-голубой пунктир отпечатков терется в снежной пелене. Вдоль поля по центру тянется валик двойной борозды. Как только след приблизился к ней — двойка и классическая скидка! Первая скидка показывает направление на лежку — знаем, читали... Заяц уже, возможно, где-то рядом: вдруг вздыбится темный стремительный силуэт на белом фоне — эх, не зевай! Руки цепко держат ружье, насечка ложи приятно впилась в ладони — сейчас, сейчас... След, направившийся было к борозде, повернул и пошел в другую сторону. Приходится оставить борозду за спиной — это плохо, плохо... Заяц, скорее всего, в борозде или где-то около. А вдруг нет? Неужели все так стереотипно? Вот сейчас на этом поле он и ляжет как раз совсем в стороне и, пока ты будешь эту борозду сторожить, помашет лапкой издалека. А может, он... Резко оборачиваюсь к борозде. Нет, ничего нет... След уходит дальше. Через пять шагов снова быстро оглядываюсь — поле пустынно. Опять скидка снова в сторону борозды. Ну брось, брось же ты этот след — проверь борозду. Так нет же, словно привязанный к нему — такова магия следа, — так трудно оторваться от фактического доказательства, что зверь прошел именно здесь, и так противоестественно уходить в сторону от следа, искать зверя там, куда след в данный момент не ведет... А след крутой дугой вновь уклонился от борозды, и опять я неожиданно обернулся и ничего не увидел. Но малик забирает, забирает по кругу — борозда уже у меня перед глазами — теперь, говорю себе, если зайчище лег в ней, он у меня «в кармане». Борозда все ближе, и я почти не смотрю на след, иду с колотавшимся сердцем по греющему снегу, знаю — двигаюсь к лежке. И я ее увидел. Аккуратная продолговатая ямка, классический выброс снега на поверхность, и след — длинные гонные прыжки, ровнехонько по дну борозды, которая имеет вид овального снежного желоба. Я быстро огляделся, но это было бесполезно, конечно. Я отошел на несколько шагов, присел, прикидывая. Да, глубины снежного желоба как раз хватало, чтобы полностью скрыть зайца — ну, может, только кончики ушей были видны... Но я их не видел. Усмехнулся, вспомнив про бинокль. Помог бы он? Как сказать... В общем, классика — удра-рал заяц за моей спиной, как я ни оглядывался.

Вспомнилось — опять с Петром, опять по снегу! — под станцией Сергиевской тропили зайцев. На огромном поле — два разных следа, пришлось разойтись. Петро отделился метров на триста. Вдруг я вижу, как позади него на ослепительно белом поле появляется заяц — огромный темный русак. Как на ладони! Я заорал диким голосом — Петро молнией вскинулся, чуть присел даже, ружьем водит по сторонам, и я понимаю — не видит. В чистом белом поле не видит в тридцати шагах зайца! Я ору как сумасшедший: «Петя, сзади, сзади!!!» Он бешено поводит ружьем — почти-почти на триста шестьдесят градусов, ну не добирает какой-то маленький сектор, и вот именно в этом секторе точно позади него уходит заяц. Так и ушел без выстрела, больше того, Петро его так и не увидел и думал, что я его разыграл. Я подбежал, ору почти иступленно: «Как, как можно было не увидеть?!» Он на меня: «Ты что, с ума сошел, издеваешься?» Поругались даже. Потом по следам все восстановили...

Здесь — то же самое, только со стороны никто не видел. Я один на этом поле. И уже, как говорится, пора подводить итоги, если не хочешь домой в темноте прийти. Серенький денек, без ветра, без яркого солнца, тихо и незаметно переходил в такой же вечер.

Стоя возле борозды, где синела в снегу заячья лежка, я не спеша выкурил сигарету, наслаждаясь тишиной и покоем. Было очень тихо, если не считать приглушенного расстоянием и морозно туманным воздухом собачье-го взблека на недалеком хуторе. В той стороне поле изгибалось пологим бугром, стекая молочным своим разливом к речке, и хутора отсюда видно не было. Я повернул к дому, но время позволяло проверить вторую половину боронованного поля, и я по плавной дуге стал пересекать ее.

Примерно посередине я увидел малик русака. Он спокойной размеренной строчкой по касательной сблизился с моим намеченным маршрутом, пересек его в направлении второй на этом поле глубокой борозды. Я свернул на след, не спуская глаз с плохо, но все-таки различимой полоски на белом поле. Двойка и скидка — почти как в первом случае. Но сейчас я не стал ничего распутывать, а сразу направился к борозде. До нее оставалась сотня шагов, когда я увидел какое-то мелькание. Показалось вначале — пара маленьких птичек летит над снегом, почти касаясь крыльшками друг друга. Схватил бинокль — вот он! Здоровенный русачище несется в борозде, словно опытный солдат по ходу сообщения, пригибая голову, только скорость курьерская. Зря я, наверное, стреляя ворону

эту: с кургана выстрел на всю округу слышно, вот зайцы и держали уши на макушке. Ну, ничего тут теперь не сделаешь...

А заяц мой уже пересек все поле, но, не добежав до лесополосы, разделявшей две пашни, метров двести, заложил вдруг вираж, словно лошадь на ипподроме, и понесся в сторону невидимого хутора к речке. Я провожал его окулярами, пока он не скрылся за белым горбом поля. Потом пошел назад, к ферме, в сторону дома. Но, сделав сотню шагов, остановился и закурил. Стоял, думал: «Что-то уж очень уверенно направился мой заяц в сторону хутора, как-то уж очень... целеустремленно. Не на лежку ли? Может, все эти последние месяцы безбедно прожил он где-нибудь на хуторских огородах, отлеживаясь днем в бурьянах межи, и только выпавший снег заставил его изменить привычке, уйти в поле, где сразу же и беспокойство ему в виде меня выпало. Ну и рванул зайчик в свои проверенные пенаты досыпать этот необычный день. А?» Так примерно рассуждал я, пока тлела моя сигарета. Потом решительно зашагал в направлении, где скрылся за бугром русак. Спешить не стоило бы, но и ждать времени не оставалось. Скоро я пересек зайчий след. Как только русак перевалил за бугор, откуда сразу открылся растянувшийся вдоль речки хутор, засыпанный снегом, тихий и безлюдный, он явно пошел спокойнее. Теперь для меня в сегодняшней охоте решалось все: пойдет заяц в сторону, в ту или иную, — это будет означать конец надеждам, а если поскачет в огороды — я пойду за ним.

Русак направился напрямик к берегу речки, представлявшему собой двухсотметровую полосу хуторских огородов-садов. Я снова почувствовал волнение, когда понял, что, идя по следу, уже отрезал зайцу путь назад. След уходил ровной размеренной строчкой между старыми приземистыми хатами и рекой, примерно посередине огородов, нырял в заснеженные бурьяны под малорослые вишневые деревья, припорошенные инеем, прочеркивал узкие белеющие ленты пашен. Я почти бездумно шел за ним, бормоча: «По идее — все, по идее — все. Сейчас вскочит...» Неподдалеку на веревках сушилось белье, справа от реки цепочкой возвращались пешком в хутор белые гуси, а я все шел, видя перед собой русачий след, уже даже плохо соображая, куда и зачем иду и какую еще шутку выкинет сегодня моя охотничья судьба.

И вдруг впереди, шагах в пятнадцать, увидел несущегося в угон зайца. Он выскочил легко и бесшумно из небольшой поросли малины, рыжими прутьями торчавшей из-под снега. Я вскинул ружье, положил мушку на мелькавшие уши и надавил на спуск. Выстрел ахнул раскатисто, но негромко. Над ружейной планкой я увидел меняющиеся места ушей и лапы зайца — он кубарем, «классически» катился через голову. Прокатившись с десяток метров, зава-

лился под ствол сиреневой от инея вишенки, несколько раз дернул лапами и затих. Все произошло настолько быстро, что я не успел ни обрадоваться, ни взволноваться. Все произошло очень просто.

Я подвязал зайца и закинул его за плечо. Он оттянул плечо приятной тяжестью. Это был крупный, матерый русак, с широкой усатой мордой. Наверное, это был осторожный, опытный заяц, и, как он допустил такую ошибку, останется на его совести. Все же он был просто зайцем. Для меня же он стал еще и «трудовым». Мне кажется, у меня было право так назвать его. Хотя при желании я мог бы припомнить зайцев и «потрудовее». Но этот почему-то запомнился. Но не только тем, как я его добыл.

Когда я подходил к окраине городка, было почти совсем темно, но в начале улицы, возле дома со скамейкой, где я собирал утром ружье, на столбе ярко горел фонарь. На скамейке под раскидистой вишней сидела девочка лет десяти и лепила, поставив рядом с собой, маленькую снежную бабу. Глаза у бабы были из угольков, один из них был явно меньше другого, и, когда я подошел ближе, мне показалось, что она мне ехидно подмигивает. Мне стало неловко за своего зайца — я знал, как порой реагируют дети на подобное. Но я так настроился сложить именно на этой скамейке свое ружье в чехол, так устал от долгой, почти непрерывной ходьбы по мягким снежным полям, что подошел и уселся на краю скамейки.

Девочка открыто и смело взглянула на меня.

— Здрасьте! — сказала она громко.

— Привет, — немного удивленный, ответил я.

— Вы зайца подстрелили, да? — весело продолжила она. — Я вас утром видела. Долго ходили.

— Да? — тупо пробормотал я. — Да...

— Долго ходили, — повторила она, а снежная баба опять подмигнула мне угольным глазом.

— Ага, — я разломил тозовку на две части, стянул с себя разгрузочный жилет, чтобы достать лежавший в наспинном кармане ружейный чехол, и неожиданно нащупал в нем фляжку. Как же я забыл о ней? Выпить на крови — святое ведь дело! Я отвинтил пробку, понюхал. Кагор «три семерки», вот что это такое. Почти стакан будет, наверное. Эх, не тащить же домой...

— Пить так хочется, — покосившись на снежную бабу, пробормотал я.

Как только церковный напиток пробулкал, девочка с улыбкой сказала:

— За удачу, да?

— А ты откуда знаешь? — откашлявшись, спросил я.

Над головой девочки блестящие тонкие ветви вишни в свете фонаря образовали концентрическую золотистую путаницу.

— У меня отец охотник, — ответила она. — И брат охотник.

— Понятно, — устало кивнул я. — А сегодня они ходили на охоту?

— Сегодня нет: орех спилили во дворе, — она махнула рукой.

Тут только я углядел, что во дворе крайнего дома не видно громадного дерева.

— Орех пилили и из-за этого отложили охоту? — поразился я хозяйственности ее родственников.

— А че ж? — поджала она губы. — Мать сказала надо, а то он скоро на хату грохнется, старый совсем. Все завтра да завтра. И налила им, так че ж.

— Ну правильно, — согласился я. — Ну так я пойду, пока?

— До свидания, — очень серьезно ответила девочка. — Дома ждут же, наверное?

— Ждут, конечно, — кивнул я.

— Ну хоть убили, — сказала она.

Я взял в одну руку зачехленное ружье, другой закинул на плечо зайца на ремешке и зашагал по пустынной заснеженной улице, освещенной редкими фонарями.

Рисунки Б. Игнатъева

В один из редких наездов в Вологду, как всегда, зашел в магазин «Букинист» — место своего паломничества. На прилавке сразу обратила на себя внимание небольшая книжечка стихов А. Романова «Поземка» (Вологда, 1972). Может потому, что уже знал из газет о кончине нашего талантливого земляка, поэта Александра Александровича Романова. Это копеечное приобретение — «мал золотник, да дорог» — послужило для меня как бы возложением букета цветов на свежую могилу поэта, скромной данью его памяти.

Александр Романов родился 18 июня 1930 года в деревне Петряево Сокольского района Вологодской области в семье учителя и колхозницы. Окончил в Вологде педагогический институт. Работал в газете «Вологодский комсомолец», был ответственным секретарем Вологодской писательской организации, учился на литературных курсах при Союзе писателей. Публиковался в журналах «Новый мир», «Смена», «Молодой колхозник», в газете «Комсомольская правда», в местной печати. Первый сборник стихов «Признание друзьям» издан в Вологде в 1956 году. А. Романов — автор более двадцати книг стихов и прозы.

Умер Александр Романов с пером в руке 5 мая 1999 года. Погост родной деревни навечно приютил прах поэта.

Для А. Романова были очень дороги северная сторона, природа, их он и плавил в своих «душевных строках».

*Только травы на покосах лягут,
Припасай лопату — столько ягод.
А прокатит гром парной грозы —
Той лопатой и грибы грузи.
Это Север. Это русский Север...*

* * *

*Умываюсь туманами севера,
Поднимаюсь легко на бугры,
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опаживает лицо.
Горизонт уплывает и светится,
Как березовое кольцо.
Вспелой ржи, будто вытканы, вышиты, —
То возникнут, то пропадут —
Голубеют старинными крышами
Деревеньки и там и тут.
Здесь моя деревянная вотчина...*

В поездках по Вологодчине и встречах с людьми, в неброских, но таких притягательных картинах природы черпалось вдохновение, находились нужные слова. «Родной язык — держава и даже мудрый Даль», — говорит поэт в стихотворении «Народная речь» об особенном вологодском говоре, о словах-самородках. А сколько в его стихах поэтических сравнений и образов! «Белострунный березняк»,

«Захлебнулись реки небом», «Осоки выгнутые сабли», «И над водою там березы, Как думы, облачно висят», «Ельниками выплело небо», «Почки тополиные висели на прутках, как тихие шмели»... Поэт хотел писать так, чтоб строчка ожила. И ему это удалось — его стихи западут во многие души.

В. ЛОМОВ,
Вологодская обл.

А. РОМАНОВ

* * *

Местком о путевках хлопочет:
Тому надо в солнечный Крым,
Другому — в Батуми иль Сочи,
А мне бы к березам родным.
Туда непременно, где ныне
За синей лесною стеной
Раздольно ручьи ветряные
Текут по равнине ржаной.
Где сладко, пиджак с себя сбросив,
Куришь под кустом ивняка,
Смотреть, как плывут к папиросе,
Огня не боясь, облака.
Где слышно, как филин на елке
Простонет порой за селом,
А липа синицею щелкнет,
Ольха просвистит соловьем,
Где зыбкая даль прозвенела,
Когда-то нарушив покой,
Во мне самой первой, несмелой,
Но самой душевной строкой.

Желанье

Медовый месяц над родимым краем
Такой, что просто кругом голова.
И на душе теснятся, закипая,
Пахучие и нежные слова.
Повеет сеном — и родится слово,
Прольется дождь — другое подберешь,
Вздохнет гармошка — новое готово,
И много слов нашепчут лес и рожь.
И, кажется, не травами, не лесом

Проходишь ты, и молод, и здоров,
А будто б лугом свежим и чудесным
Еще никем не высказанных слов.
Их очень много, радостных и грустных,
Простых и гордых, щедрых и скупых.
Ты ищешь, выбираешь, чтоб стоувно
Потом друзьям произносили их.
И у тебя других желаний нету,
Чем так писать, чтоб строчка ожила,
Травой запахла, заиграла светом,
Земли родной красу передала.

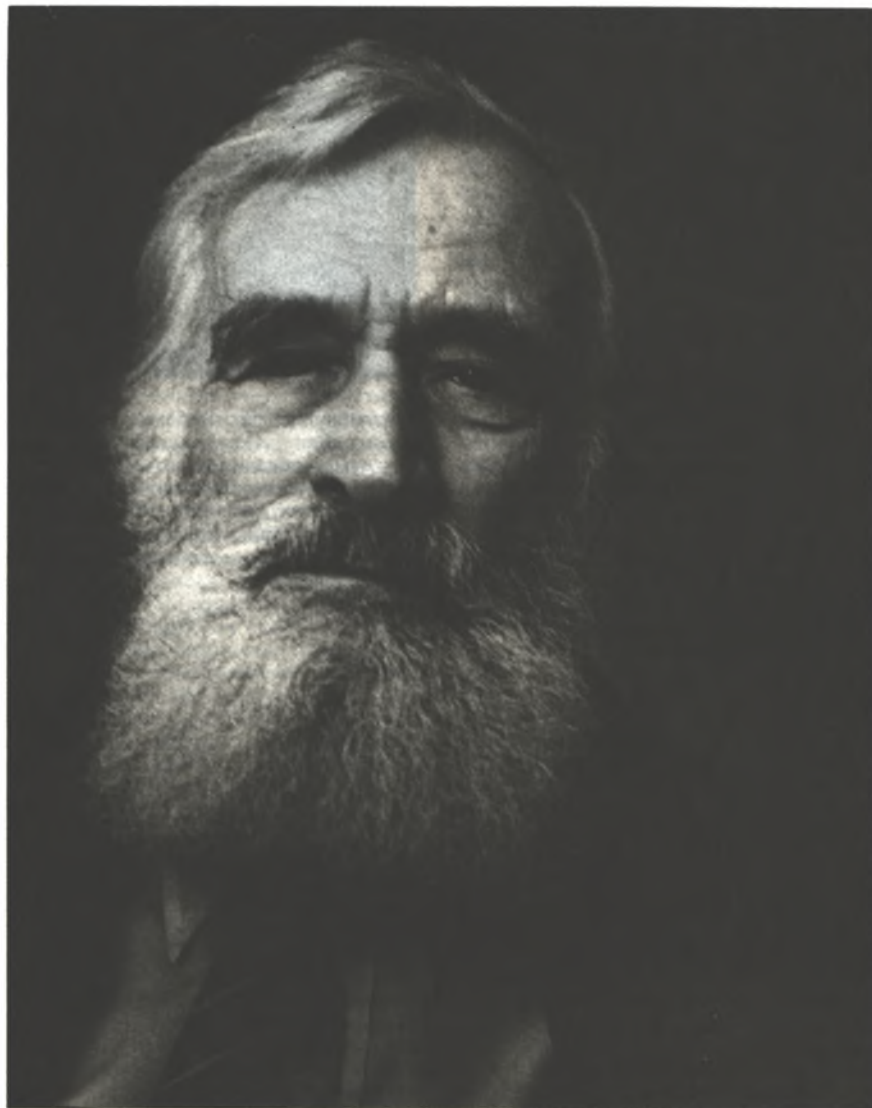
* * *

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина да песок,
Да вперемежку скудные подзолы,
Но первый для меня ржаной кусок
Взращен на этих пашнях невеселых.
А под окошком серый журавель —
Из всех домашних птицы нет домашней —
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.
А надо мной в морщинах потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда встаться и любви к России!
Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письма
Далеких предков, свернутые в трубки.

Рябины

За окошком рябины,
А в просветах рябин
Рожь крылом голубиным
Машет с ближних равнин.
На листьях, что в ладонях,
Тяжелеет роса,
Словно ягод зеленых
Молодая краса.
Только ягодам рано —
Подожди, подожди:
Скоро прошвой багряной
Небо вышьют дожди.
С облаков серебристых
Легкой палкой опать
Будет женщина кисти
Огневые срывать.
Будто сгрудит в охапку
Догоревший закат,
Кисти пламенем зябким
Возле щек заблестят.
Самых крупных и самых
Спелых ягод возьмет
И за зимние рамы
Их насыплет вразлет...
Засиревствуют выюги,
Но рябина опять,
Словно жаркие угли,
Будет в окнах мерцать.
Снега белые горы
Наметет там и тут,
Окна в красных узорах
Над снегами всплывут.
И среди этих окон
Будет вновь без конца
Возникать одиноко
Очертанье лица.

На большаке охотничьей литературы. XX век

Олег Васильевич Волков (1900-1996)

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Писатель-охотник далеко не всегда становится охотничьим писателем. Можно вспомнить имена уважаемых, широко признанных литераторов, которые в своем творчестве ни единым словом не обмолвились о владевшей ими охотничьей страсти. Почему так? Причины пренебрежительного отношения писателей-охотников к охотничьей теме могут представлять интерес и заслужить отдельного разговора.

Напротив, можно назвать и таких писателей, которые, работая в различных жанрах литературы, прославили себя книгами именно об охоте. Дриянский, например, Правдухин.

И, наконец, существует целый ряд писателей-охотников, для которых тема охоты не была ни единственной, ни глав-

ной, — Пришвин, Соколов-Микитов, Пермитин, — но рассказы и повести которых об охоте являются подлинной классикой русской охотничьей литературы, и они с полным основанием могут быть названы охотничьими писателями.

К числу таких литераторов относится и Олег Васильевич Волков. Автор большого романа, многих рассказов и повестей, историко-географических книг о двух российских столицах, Москве и Петербурге, серии очерков о заповедниках России и многих других произведений, он занял видное, почетное место в русской литературе XX века. За свою литературную деятельность, в частности за роман «Погружение во тьму», Олег Волков удостоен Государственной премии России, Пушкинской премии немецкого фонда Аль-

фреда Тенфера; правительство Франции наградило его высшим орденом для деятелей искусства. Но писатель не забывал и охоту, он оставался верен ей всю жизнь.

Олег Волков был не только талантливым беллетристом, но и блестящим публицистом, в том числе — и охотничьей темы: явление в охотничьей литературе не столь частое. Особенно остро и язвительно звучало его публицистическое перо в те годы, когда некоторые столичные издания вслед за «Литературной газетой» подняли антиохотничью шумиху, навязывая обществу взгляд на охоту как на безнравственное занятие. Олег Волков тут же встал на защиту охоты, дал отповедь невежественным ханжам от журналистики, пытавшимся охаивать то, о чем они не имели ни малейшего представления.

Это всегда было в характере писателя: обладавший натурой, рыцарски пылкой и непримиримой к людской подлости и несправедливости, он горячо отстаивал свои принципы, вступался за то, что ему дорого. Настойчиво и страстно боролся он с загрязнением Байкала отравленными сточными водами построенного на его берегах целлюлозно-бумажного комбината, с безрассудными, варварскими рубками кедровников, с губительным для рек молевым сплавом леса, с абсурдным проектом поворота великих сибирских рек... Одной из первых публикаций после возвращения Олега Волкова в 50-е годы из последней ссылки была его статья о «бревноходе» на Енисее, на которую Иван Сергеевич Соколов-Микитов сразу откликнулся рецензией, отметившей актуальность темы и превосходный язык.

Таким же Олег Васильевич был и в обыденной жизни: мог прилюдно влить пощечину отъявленному негодяю, обрезать и поставить на место распоясавшегося хама; я был свидетелем того, как он однажды в Центральном Доме литераторов отчитал посетителя за то, что тот, пренебрегая правилами приличия и уважения людей, явился в вечерний писательский клуб в майке, и отправил его переодеться.

Всякий, кто заинтересуется творчеством и судьбой писателя Олега Волкова, должен прочесть его замечательный роман «Погружение во тьму». Полностью автобиографичный, искренний и честный, он лучше всего дает представление об авторе-герое произведения, о его жизни, об отношении к людям, к природе. И я, прежде чем приступить к настоящему очерку об Олеге Васильевиче Волкове, опять перечитал роман, чтобы вновь проникнуться необычайной силой человеческого духа, вышедшего победителем в противостоянии с несправедливым насилием власти. Непрерывная череда арестов и судебных приговоров отняла более 27 лет жизни — самых деятельных у человека: ведь при первом аресте ему пошел 29-й год... И за что? А так хорошо и благополучно все складывалось в его судьбе поначалу...

Олег Васильевич Волков родился 21 января 1900 года в Петербурге, в состоятельной дворянской семье. Его отец Василий Александрович был одним из директоров правления Русско-Балтийского завода, строившего наряды с кораблями первые в мире тяжёлые авиопланы-бомбардировщики типа «Илья Муромец», он входил в число весьма видных промышленников России. В роду матери для мужчин было традиционным служение отечественному военно-морскому флоту, среди предков по этой линии было семь адмиралов, в том числе известный первооткрыватель Антарктиды, герой Наваринского сражения, военный губернатор Севастополя и Николаева, командующий Черноморским флотом М. П. Лазарев. Однако и Олегу, и его брату-близнецу Всеволоду морская служба была заказана: они оба страдали близорукостью, носили очки. И оба были определены в одно из самых престижных учебных заведений Петербурга — в Тенишевское училище.

Семья проводила лето в небольшом имении на речке Осуге неподалеку от Торжка, Тверской губернии. Глава семьи был охотником, рыбаком, знатоком и любителем природы: находившийся в имении бор строго охранялся, строительный лес закупали на стороне.

Когда братьям-близнецам исполнилось по четырнадцать лет, они для прохождения охотничьей науки — поскольку отец не имел на это времени — были препоручены приятелю Василия Александровича, егерю Никите, с наказом «быть с ними построже». Под руководством Никиты братья охотились с пойндером по тетеревиным выводкам, эта охота осталась у Олега Васильевича одной из любимейших на всю жизнь...

Встреча с телезрителями в Останкино. О. В. Волков и его жена Маргарита Сергеевна. 30 декабря 1990 г.

Воспитание детей — всего их было семеро — шло на примере славных дел предков в духе самодисциплины, патриотизма, высокого долга служения на благо Отечества. Домашнее образование и Тенишевское училище дали Олегу Волкову свободное владение тремя основными европейскими языками, которое он сохранил до конца своих дней. Весной 1917 года он сдал экзамены в Петроградский университет и был зачислен на историко-филологический факультет. В мечтах замыслил карьеру дипломата...

Бурные события осени этого года помалали все планы. Октябрь 17-го семейство Волковых не приняло. Они знали языки, имели средства, знакомые уговаривали эмигрировать вместе, но семья предпочла после летних каникул детей остаться в деревне. Революция пришла и в Торжок. Начались аресты и расстрелы. Предупрежденный крестьянами о его готовящемся аресте Василий Александрович уехал на Волховстрой, где внезапно умер от сердечного приступа. Олег Волков поступил в Тверское кавалерийское училище, но его вскоре расформировали. Разгоралась гражданская война. С группой сокурсников Олег Васильевич пробыл на юг, откуда принял участие в конном рейде на Екатеринбург, чтобы попытаться освободить Государя. Отряд опоздал: узники ипатьевского дома были уже расстреляны, в подвале остались свежие следы крови. Пришлось вернуться в деревню. Восемнадцатилетние братья-близнецы стали старшими в семье, на их руках были мать, бабушка, две сестры и два брата. При дележке земли крестьянский сход дал надел и семье бывшего помещика. Пришлось жить тем, что давала земля, какое-то время Олег Васильевич управлял мельницей... Новая власть спохватилась: под боком продол-

жала жить семья «из бывших», решили ее изгнать. Осиротевшее семейство распалось: мать с младшими уехала в Питер, Всеволод отправился на заработки в Сибирь, а Олег перебрался в Москву: давал уроки, занимался переводами, работал переводчиком в благотворительной миссии Нансена, в американской организации помощи голодающим АРА, потом в греческом посольстве...

Февральским днем 1928 года Олега Волкова прямо на улице, неподалеку от Сухаревой башни, остановили два агента ОГПУ, посадили в сани и увезли на Лубянку. Там ему предложили стать тайным осведомителем, сообщать о том, что происходит в посольстве. Олег Васильевич отказался: доносительство претило усвоенным с детских лет понятиям о чести и достоинстве. Ему напомнили: «Кто не с нами, тот против нас». Но и это не возымело действия. Тогда Олег Волков получил ярлык «СОЭ» («социально-опасный элемент») и был направлен в Бутырку.

Так началась многолетняя тюремно-лагерно-ссылная эпопея Олега Васильевича Волкова, описанная им в романе с такой потрясающей художественной силой.

О мрачной поре сталинских репрессий, о тюремной и лагерной обстановке тех лет написано немало. В большинстве произведений бывших жертв беззакония сквозит обида на коварство власти, которая так круто обошлась со «своими», не поверив в их лояльность и усердие.

Олег Волков не скрывал своего несогласия с политикой власти, и ему оставалось только одно — противостоять, собрав все силы и волю для того, чтобы выжить — выжить и свидетельствовать миру о чудовищном произволе по отношению к ни в чем не повинным людям: в этом он видел свой жизненный долг перед теми,

кто не вернулся и превратился в лагерную пыль...

Он выстоял и выполнил долг. Его опорой были усвоенные с детских лет высокие нравственные принципы, любовь к России, к людям, вера в их доброе начало и вера в Провидение; его постоянным утешением была девственная, не тронутая «цивилизацией» природа — он ощущал себя всю жизнь ее благодарным должником и вложил это чувство в свои страстные статьи в ее защиту.

Люди, не знавшие истории Олега Васильевича Волкова, при встрече с ним не могли предположить, что за его плечами более 27 лет тюрьмы и каторги, — ничто не «прилипло» к нему за эти годы — таким прочным, негнущимся был его врожденный нравственный «стержень». Неизменно собранный, подтянутый, он и в преклонные годы, перевалившие за 90, не казался стариком. Люди любовались им, его живостью беседы, чистым разговорным языком, его манерами и той изысканной простотой общения, которая свойственна русской деятельной, творческой аристократии, — увы, почти исчезнувшей в наши дни...

Охотился Олег Васильевич до глубокой старости, словно наверстывая отнятое у него раньше, сохранив удивительную для его возраста горячность, юношески честолюбивую страсть в достижении трофея, которую подкрепляли такие же азартные и страстные, превосходно натасканные его любимцы-пойнтеры.

В октябре 93-го года с ним случилась беда: выгуливая вечером своего Рекса, он сломал ногу в траншее для телефонного кабеля, преступно оставленной неогражденной какой-то из нынешних скороспелых фирм. Испытаниям, выпавшим на его долю, суждено было продлиться. Мужество и здесь не оставило его. Олег Васильевич боролся с несчастьем долго и мучительно. Но ничто так не губительно для пожилых людей, как потеря движения.

В черный для России день 10 февраля — день смерти Пушкина — Олег Васильевич на 97-м году жизни скончался.

Перу писателя Олега Волкова принадлежат великолепные повести и рассказы об охоте, об охотниках или просто так или иначе связанные с охотой; можно сказать, что и в остальных его вещах ощутимо виден взгляд охотника, по-особому, по-охотничьи влюбленного в родную природу, в свою страну; недаром одна из его книг так и называется: «Родная моя Россия». Его повесть «Последний мелкотравчатый», рассказы «Егерь Никита», «За лосем», «Случай на промысле» и другие стали классикой отечественной охотничьей литературы.

Наверное, он написал бы больше, сложись его судьба иначе. Но и то немалое, что он сделал, а главное — как это сделал, заслуживает глубокого поклона его памяти — и как Писателя, и как Гражданина России, и просто как Человека.

О. ВОЛКОВ

— Последних перебьют!

— А им что — жалко? Ведь не свое — народное... — с готовностью откликнулся другой пассажир, неприязненно косясь на двух охотников, устроившихся со своими присмирившими вислыми псами в углу вагона.

Сидящие вокруг подхватывают беседу, и некоторое время стук колес перекрывают оживленные реплики, в большинстве неслестные для нашего брата охотника.

Отчего так стало? Мне, начавшему охотиться более полувека назад, памятно вовсе иное отношение к охотникам: добродушное, допускавшее шут-

лес, постреливая себе на здоровье, дичи про всех хватит!

Ныне же, когда спохватились, стали подсчитывать, то оказалось, что некоторых птиц и зверей не осталось вовсе на земном шаре, другие — на грани исчезновения, и приходится брать на учет не только медведей и лосей, а и глухарей с тетеревами. Общественное мнение поневоле насторожилось: дичь на исходе, а тут охотники устраивают свои «дни открытия», умудряясь за этот один день так прочесать уголья, что после и ходить туда больше незачем: разве подранка найдешь в вытоптаных камышах... Ладно ли все с охотой?

Подлили масла в огонь и «защитники природы»: печать наводнили статьи

Доброе имя охотника

ки и безобидные поговорки, но без малейшего недружелюбия, тени осуждения. «Охотничек» был повсеместно желанным гостем: в лесной сторожке, притихшей в сумерки деревне, у костра сплавщиков... Любкой сельский житель с готовностью помогал ему найти дорогу или заветный уголок, где держится дичь. Разумеется, «рыбки да рябки — пропадай деньки», охота — дело для степенного человека нестоящее, однако отчего бы ею и не потешиться добрым людям? Никому нет от нее обиды, охотники народ смирный и, пожалуй, занятный...

Думая о причинах, произведших такую перемену во взгляде на охотников, обнаруживаешь, что коренятся они в существенных явлениях и процессах современности. На первом месте стоит, пожалуй, оскудение живой природы. В последние годы у людей открылись глаза, все стали видеть, насколько обманным было представление о бездонных благах живой природы и неосновательна уверенность в неиссякаемости ее сил. Казалось — могут ли когда кончиться дремучие, обильные зверем и птицей леса, обмелеть и опустеть полноводные реки, сделаться мертвой живая вода? Неисчерпаемы богатства России, греби обеими руками, не задумываясь! И ходи, милоч, в

и заметки, не отличающиеся знанием предмета, где охотников приравнивали к разбойникам, без разбора умерщвляемых и добывающим все вокруг. В дело поношения охоты и охотников включались и маститые покровители «бедных птичек», безжалостно умерщвляемых джеками-потрошителями, — читай: охотниками, тогда как можно, не беря греха на душу, съесть перелела или рябчика, купленного в гастрономе.

Эти обвинения привели к тому, что в глазах общественности любительская охота сделалась козлом отпущения, повинным в том, что не шумят больше в весеннем ночном небе бесчисленные ватаги перелетных птиц, не стало по сугробам замысловатых узоров заячьих следов... Возмутительные случаи преследования зверя на машине, ловли хапугами выводов «хлопуш», петли, поставленные на лосиной тропе бессовестным браконьером, приписали охотникам — всем без исключения, даже самым ревностным блюстителям правил и норм спортивной охоты.

Как восстановить доброе имя охотника и развеять предубеждение против честной и законной любительской охоты? Может быть, это возможно хотя бы из-за сложившегося веками сочувственного и справедливого отношения русского народа к «охотничьей поте-

хе». И более всего зависит от нас самих, охотников, для которых поле не поприще, где бы дать волю кровожадным инстинктам, и того менее — удобный случай, чтобы одобычиться и нажиться, а досуги, посвященные увлекательному спорту, где особенно волготно проявиться хорошим и здоровым качествам человека, выдержке его и выносливости, бескорыстной преданности делу и главным образом совестливости его и внутренней честности. Потому что в лесу охотник предоставлен своей совести: дурной его и незаконный поступок, отступление от строгой охотничьей этики в этой обстановке остаются безнаказанными. Да и нет санкций для неэтичного поведения, но суд совести неизбежен, а у человека с ружьем в руках и правом им пользоваться она должна быть особенно чуткой.

Современному охотнику следует помнить, что ему, как особенно высканному природой, открывающейся для него более, чем для остальных, позволяющей приобщиться к своей сокровенной жизни, отведена роль ее первого оберегателя и друга. Он знает, что справедливы жалобы на повсеместное ее оскудение, что зверя и птицы, как и удобных урочищ, где бы им водиться, становится все меньше, и его долг — доказать, что правильно поставленная охота не только не наносит ущерба миру животных, но много способствует его сохранению и приумножению. Такая охота упорядочивает и регулирует дику жизнь, выведящую из естественного равновесия наступлением цивилизации на природу. Известно, что там, где охотничье хозяйство хорошо организовано, угоды сохраняются, за благополучием следят, строго придерживаются, не допуская исключения, сроков стрельбы и норм отстрела, количество дичи из года в год растет.

Об исключениях я упомянул намеренно. Случаи, когда местное начальство уstraивает в охраняемых угодах незаконную охоту, считая, что «дни покоя» и нормы не про него писаны, особенно вредят репутации охотников: все мы из-за них попадаем в разряд нарушителей и лиц, для отвода глаз толкующих о законах и охране.

И далее. Велика наша забота — отмежеваться от нарушителей, хапуг и разорителей природы, памятуя, что разница между охотником и браконьером не в наличии охотничьего билета (легко его выправить), не во внешних признаках, а в пропасти, разделяющей наши этические представления о том, что можно и нельзя делать на охоте, в отсутствии в настоящем охотнике жадности, составляющей главный стимул хищника.

Все мы ценим удачный выстрел, в нем — венец поисков и волнений на охотничьей тропе, но мы не позволяем себе проверить свою меткость и бой ружья на случайно пролетающей птице или настрелять дичи больше, чем положено. У настоящего охотника это

должно быть в крови, как и предубеждение против стрельбы по зайчонку или не поднимающимся на крыло уткам. Он преследует только ту добычу, которая способна скрыться, уйти, перехитрить его, оставить «с носом». В легком трофее для охотника нет не только славы, но и удовлетворения. Признаюсь, что охотники, рвущиеся принять участие в «отстреле» лося, вызывают у меня некое предубеждение. Я имею в виду охоту на лося в местах, где он стал полуручным, допускает человека близко, где зверя находят наверняка и стреляют в упор...

Припомним, что во все времена в охотничьей литературе, да и народных преданиях, прославлялись ловкость и удаль охотника, его меткость и отвага, а не горы добытой им дичи. Эти качества в охотнике не утратили своей привлекательности и ныне. Пусть ушли в прошлое единоборство с медведем и схватки со стадами голодных волков, современному охотнику необходимы и сейчас незаурядные качества, потребны ему и мужество, когда приходится становиться на защиту охотничьих законов, и большая выдержка в обстоятельствах, искушающих его желание переступить стеснительные ограничения, и крепкое товарищество, и действенное сочувствие ко всему живому.

Когда доводится узнать о спасении в паводок лосенка или о том, как выходили подбитую утку, я не удивляюсь, что это сделали в первую очередь охотники: кому, как не им, быть друзьями природы, стремиться, где можно, ей подсобить, прийти на помощь попавшему в беду дикому животному! Не говоря о том, что в благополучии живой природы залог изобилия охотничьих угодий.

Во времена Аксакова и Тургенева охотники могли об этом не думать и весело предаваться удачливой стрельбе, однако мы теперь не можем допустить, чтобы любительская охота была добычливым делом. Тут оселок, на котором испытывается характер и нравственный облик охотника: в том, чтобы не стремиться положить в сетку третьего тетерева, если разрешено добыть только два в зорю, — доблесть и честь современного охотника. Такое самоограничение выглядит в глазах некоторой части охотников стеснительным, умаляющим приманчивость полевых досугов. Сколько ожиданий, хлопот, трудностей, наконец, расходов — и всего-то достанется несколько птиц за сезон... Не обидеться ли на охоту? Разве только на век — конец XX века! Я не знаю, как бы отнесся мой отец, в незапамятные времена — в девяностые годы прошлого столетия — настреливавший за одно осеннее поле по сорок дупелей, тешившийся безоглядно меткой стрельбой по неперевожимой дичи, как бы принял он предложение ограничиться тремя птицами. Но одно несомненно, навсегда и безвозвратно ушли прежние условия охоты, а с ними и старая охотничья психология. Современный охотник дер-

жит круглый год собаку, предпринимает зачастую дальние поездки и тратит отпуск для охоты, исключающей тяжело нагруженные ягдташи. Кому мало зорь в лесу, росистой травы под ногами, утренней свежести, знакомого хорканья в притихшем весеннем мелколесье, заливающего лая гончих в перелеске или горячего поиска пойнера, разбирающегося в тетеревиных набродах, всех волнений и неповторимости ощущений от общения с живой природой, и это при самой ограниченной возможности стрелять и очень скромных трофеях, — тому лучше сейчас не охотиться!

Но если нет прежнего обилия дичи, не померкли, мне кажется, красота и поэзия охотничьих угодий. «Утешность» охоты, о которой писал в своем «Уряднике сокольничьего пути» царь Алексей Михайлович, осталась при ней, как и в XVII веке. «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным» — что ж, эти слова вступления «Урядника» отвечают чувствам охотника во все времена. И так же, как страстный соколиный охотник Алексей Михайлович находил удивительные слова, чтобы передать свое упоение красотой полетов кречетов и соколов — «красносмотрительно же и радостно высокова сокола лет», так и современный ружейный охотник с восторгом следит за поиском своей собаки, мелькающей ярким пятном на зелени мокрого луга, завороченно любит токующими тетеревами, и душа его полнится яркими картинками русской природы, увиденной изнутри, глазами человека, ставшего сопричастным ее жизни.

Для настоящей охоты оскробительное все, что нарушает ее гармоничный ход в природе. Вот почему мне кажутся предосудительными и недопустимыми случаи превращения охоты, особенно коллективной, в неприглядные гулянки с громом безотловых выстрелов, состязаниями по опорожненным бутылкам, а зачастую и более отталкивающими поступками. По ним судят о современном охотнике очевидцы таких охот. Дурная слава, как известно, по дорожке бежит. Да и кто поверит, что распоясавшиеся шумливые люди станут соблюдать нормы отстрела, разбираться, в кого стрелять. Такие разгулы вредны доброй репутации охотников не меньше, чем «подвиги» браконьеров или нарушения положений об охоте лицами, призванными показывать пример. Отчасти прав сторонний наблюдатель, когда не делает различия между подгулявшим охотником, которому всякие там запреты «до лампочки», и матерым браконьером, напористо и коварно разоряющим природу...

Охота — благородное дело и требует рыцарского служения. Идти в лес и на болото надо просветленному, с живым сочувствием к той красоте и к тем радостям, какие нас там ожидают. И ступить в этот дивный мир природы надо с душой, открытой ее благотворному воздействию.

ДИКАЯ ИНДЕЙКА

Охота на дику индейку — это, можно сказать, национальная охота в США. Хотя бы потому, что индейка распространена исключительно в северной части Американского континента и в Восточном полушарии не встречается. Впрочем, российские охотоведы ведут исследования (в порядке эксперимента) по адаптации этой своеобразной птицы в наших условиях; некогда пытались это же проделать в Германии и Австрии — и не без успеха.

Однако сами по себе сведения о распространении индейки — это не просто экскурсии в зоогеографию или акклиматизацию животных. Это символ американской истории, ее быль и легенда. Охота на индейку опоэтизирована многими авторами США, точно также, как опоэтизированы в России глухарь-мошник, национальная охота на него, его предвещательная песнь и все, что с ним связано. Ведь редкий поэт и писатель-охотник в России не коснулся бы «глухариной» темы — это истинно русская охота, хотя глухарь есть и в других странах Европы.

Эти две птицы (они, кстати, родичи: семейство индюковых и семейство тетеревиных объединены в отряд курообразных) представляют собой завидный трофей: волнение при добыче, успешный выстрел и удар о землю отдаются в сердце приятным удовлетворением истинного спортсмена.

Индейка по-английски «turkey», но ее происхождение, конечно, не связано ни с Турцией, ни с Индией. Одна из легенд гласит, что этих птиц преподнесли в дар Кортесу мексиканские индейцы. Кормчим на флагмане Кортеса был араб, и он назвал невиданных доселе птиц «токгей», что по-арабски означает «лавлин», уроженец Индии. Отсюда и искаженное «терки», и русское упоминание об «индейском петухе», индюке.

Таким образом, одомашненные индейки попали в Испанию и в другие страны. Высадившись на восточном берегу США, выходцы из Европы даже не предполагали, какой ценнейший подарок преподнесет им эта «земля обетованная».

Вот что сообщает современный исследователь США, историк и философ Джон Бейклесс: «Эта птица в изобилии водилась на древнем Юге и была изумительна на вкус. В глухих дебрях, там, где невозможно было раздобыть хлеб, белые ели вместо него ломтики нежного белого мяса. Тогдашняя дикая индейка по размерам почти не уступала самым крупным из своих потомков, ставших ныне домашней птицей. Понастоящему крупные индейки могли достигать трех футов* в высоту и ве-

сили 20—40 фунтов. Рассказывают даже о северных индейках, весивших 60 фунтов. В марте и апреле, на утренней заре, с магнолий, в ветвях которых птица устраивалась на ночлег, раздавалось звонкое кулдыканье индюков. Звуки, издаваемые индюками, обычно производили сильное впечатление на путешественника. Индюшине кулдыканье начиналось на рассвете и продолжалось, пока солнце не скрывалось за горизонтом».

Поведение диких индеек картинно описывал американский натуралист Уильям Барtram в 1770 г.: «Верхушки высоких деревьев оглашаются голосами этих лесных часовых; они кричат, словно домашние куры, и кажется, будто они передают друг другу какой-то пароль и перекличка их разносится на сотни миль вокруг. Звуки столь громки, что в течение часа, или даже больше, слышна лишь одна индюшья многоголосица, которая сливается в единый всеобщий крик. Вскоре после восхода солнца их голоса постепенно стихают, индюки покидают высокие насесты и спускаются на землю; здесь, распушив украшенные серебристым бордюром хвосты, они с важным видом ходят и пританцовывают вокруг своих застенчивых подруг. И вот уже вновь от их пронзительных криков содрогается густая чаща».

Барtram описал повадки индеек во Флориде, нынешнем оплоте этих птиц. Однако и в Пенсильвании, куда проникли поселенцы, индейки буквально кишели.

Даже в начале XIX века, примерно в 100 км к северо-западу от Вашингтона, еще нередко можно было видеть стаи диких индеек. Птицы прогуливались прямо по тропе, и здесь на них наткнулись путешественники. Индейки были невероятно жирны. По словам одного путешественника, побывавшего на реке Аллегейни, «они так отягощены жиром, что с трудом летают. Нередко случается, что, когда подстреленные индейки падают с дерева на землю, они лопаются от удара». Такой полуторпудовый индюк стоил всего лишь 25 центов.

Зеб Стэмп и Нэтти Бампо, герои-охотники из классических подростковых романов Томаса Майна Рида и Фенимора Купера, только и делали, что добывали диких индеек к столу. Вот что говорил охотник Стэмп (из книги «Всадник без головы»): «Из всех обитателей прерий дикий индюк самый умный, и, чтобы его провести, нужно встать по крайней мере с солнцем, а то и раньше».

Благосклонно относился к индейкам и Джордж Вашингтон, первый президент США. Стрелял индеек Томас Линкольн, отец будущего президента, ког-

да в их семье замаячил призрак голода. Эйб Линкольн в своих записках вспоминал: «Это были глухие места, где в лесах еще водились медведи и другие животные, где рев пумы наполнял ночь ужасом». Все это происходило в штате Индиана, где сама река у хижин Линкольнов звалась Литл Пиджен (Малый голубь), напоминая о странствующих голубях, которые некогда закрывали небо во время пролета. Однако вернемся к индюкам...

Соватор Декларации о независимости и Конституции США, один из столпов американской демократии — Бенджамин Франклин сокрушался, почему же в качестве государственного герба избран белоголовый орлан, хищный и вороватый? Дикий индюк — птица доблестная, почтенная и, главное, полезная, уверял просветитель и ученый: «Ни одно животное при становлении нации не сыграло такую же роль, как индюк». Утверждают, что 25 ноября, в первый день Благодарения (было за что благодарить!), на праздничный стол подали именно жареных диких индеек — и День этот превратился в славную традицию, хотя теперь подается, большей частью, индейка домашняя, если в семье нет охотников.

Одним из первых американских натуралистов был Джон Джеймс Одюбон (1785—1851), орнитолог и великолепный живописец. Его описания дикой индейки и других животных Северной Америки признаны классическими. Одюбон отмечал, что индейки, несмотря на их природную осторожность, легко попадают под выстрел, и в его время редкий охотник не возвращался без трофеев. Их бьют на току, из-под собаки, подманивают на пищик (кстати, сделанный из кости крыла индейки) — словом, и охота чем-то напоминает глухарину, хотя бы потому, что американские орнитологи посвятили солидные тома этой легендарной птице, как и наши отечественные корифеи — глухарю. Некогда, быстро исчезающая под прессом охоты, индейка с помощью охотоведов вновь стала расселяться по штатам.

Американцы звукоподражательно передают кулдыканье индюков: «гоббел-оббел-оббел» и зовут матерого самца «гобблером», что переводится на русский язык как «кулдыка».

В рассказе Джой Мак-Грэйл «Искушение дикой индейкой», знакомой нам по публикациям (журнал № 11—12 за 1992 г., № 3 и № 9 за 1996 г.), мы предлагаем в переводе описания мытарств, которые претерпела охотница с мужем, прежде чем добыла «гобблера». Но трофей этого стоил!

Александр ЧЕГОДАЕВ

* 1 фут=0,305 м.

ИСКУШЕНИЕ ДИКОЙ ИНДЕЙКОЙ

ДЖОЙ МАК-ГРЭЙЛ

Охотились мы в бору — среди могучих стволов, казалось, под стать величю осанистых птиц.

Насесты их находились на самых высоких деревьях, там, далеко в горах. Хотя эти птицы более склонны расхаживать и бегать, нежели подниматься на крыло, они взбираются на ночлег так высоко, как ни один из летунов. Быстрокрылые птицы взлетают свечкой в небо, а потом планируют, пролетные гуси в сотни раз способны перекрыть рекорд высоты — несбыточную мечту индюка, однако ночью, на высочайшем насесте, гордый индюк являет себя «королем» среди всех птиц.

Гобблер — дичь очень непростая, и успешная охота на него требует понимания и его особенностей и особенностей самой охоты. Он — олицетворение глухомани, девственности лесов или дремучих болот. Да и сам он глубоко врос в эту глухомань, от него чуточку веет этой самой дикостью. Если что-то его вытесняет из привычных владений, он попросту исчезает, пока не вернутся те самые условия — на его вкус и манер, даже если он исчезнет на многие-многие годы. Он сторонится людей куда более, чем любая лесная дичь — что зверь, что птица.

Звуки цивилизации загоняют его все глубже и глубже, в глушь. Один лишь вид человека заставляет его прятаться на много дней. Он прожорлив и редко обходится без компаньонов. Стая состоит из самца и его «гарема», курицы и ее выводка или же самцов-холостяков, но все они образуют группу, которая выставляет часового. Малейший

признак тревоги — и эти невероятно бдительные птицы исчезают.

Стоит упомянуть пионеров фронтира* и индеек, все становится понятно и хорошо знакомо — охота на них всегда была успешной, но эта охота утомляла нас до предела из-за постоянной бдительности, которая все равно не давала надежды произвести хотя бы один выстрел и увидеть их хотя бы одним глазом. Такая награда осталась бы как воспоминание: вот он, гобблер, восседает на насесте на горной вершине.

Каждый день мы подкрадывались к высоким соснам, где собираются индейки на ночлег у хребта. До первого проблеска зари мы натягивали камуфляж и крадучись, стелющимися шагами двигались к хребту по трехмильной «тропе испытаний». Перевалив хребет, мы расходились, то спускаясь вниз, то поднимаясь вверх, чтобы перехватить индеек на утренней кормежке, когда они спускаются в долину. К тому времени, все так же крадучись, маскируясь и укрываясь за недавно поваленным буреломом или же за гигантской сосной, мы чувствовали, что ноги наши дрожат от усталости, а скрадывать нечего. Быстрый и бесшумный подъем нам не удавался, так как легкие наши были к этому не приспособлены, и поэтому через каждые полчаса приходилось останавливаться. И всякий раз птицы ускользали; мы же осведомлялись об их присутствии, находясь еще на полпути к хребту, слыша бесконечное кулдыканье.

Мы также пытались охотиться на них и в низине, но на выстрел они не подпускали, будто сам наш вид уже заранее отпугивал стаю. Но все наши ухищрения не привели к удаче! И вот мы опять скрадываем их задолго до рассвета на хребте, чтобы взять их с подхода или подманить.

Каждая засидка была абсолютно безукоризненной. В отличие от скрадывания оленя, когда животные то настаиваются, то пасутся, дикая индейка замечает как движение, так и фигуру охотника. Поэтому нам приходилось полностью прикрываться сосновым лапником, деревом, быть в камуфляже и применять другие ухищрения. На вечерних засидках Билл подзывал их при помощи деревянного манка (призыв забраться на насест, который он издавал утром, выглядел неестественно и спугивал птиц, а привлечь манком оди-

хота на индейку — экзамен на сообразительность, во время которого часто выигрывают птицы. Мы подкрадывались, подманивали и стерегли их два дня, даже не увидевши индюка, хотя бы мельком. Но они определенно здесь есть, и об этом мы были наслышаны — об их осторожности, как, впрочем, и доверчивости. Их поскребы и перья мы находили повсюду, как и голоса, — чудилось, что это будто издевательские насмешки над нашими тщетными попытками. Крики эти перекрывали прочие звуки лесной тишины.

* Фронтир — условная граница между освоенными и неосвоенными землями в США в XVIII—XIX вв.

ночных самцов не в брачный сезон и вовсе было нелегко), голоса откликались, но ни одна из индеек не «клонула» на призыв.

Точно так же безрезультатно мы проводили время в засидке, наша охота повторялась своей безрезультатностью. Добыть хотя бы птицу с «бородой», которая есть у самцов, но желательнее, но не очень длинной, так как длина «бороды» пропорциональна возрасту, а возраст — жесткости мяса. Однако мы все же на что-то надеялись, хотя, по всей вероятности, напрасно. Мы сидели в молчании, разглядывая холмы и ключья плывущих облаков над ними, а мысли наши были за облаками, нам опять не везет. Ведь мы не для того поднимались в гору и скрывали птиц, чтобы торчать в засидке под сосной и глядеть на осенние горы через зеленые шторы хвои.

К вечеру, когда закончился охотничий день, мы порядком устали. Десять напряженных часов мы пробирались по шуршащему лесному ковру из опадающих листьев, ступая так осторожно, чтобы ни один лист не объявил заранее о нашем приближении. Одна половина осторожных шагов шла на подъем, а другая — была ничуть не легче, но была нужна, чтобы убедиться в том, что мы здесь еще не побывали. Мы постоянно маскировались, не производя даже малейшего шума. Только бы не испугнуть птиц. Руки тоже порядком уставали, таская ежедневно тяжелые ружья.

Безмолвную сосредоточенность к тому же усиливало постоянное самонапоминание: «Поставь на предохранитель. Направь стволы в землю. Не направляй их на Билла».

Два дня нас порядком измотали. Мы находили перья и помет на опавшей хвое, видели порхалища и слышали крики, но не видели ни одного индюка. Билл не унывал. Он все твердил, что большая часть охотников зачастую даже и не встречала целую стаю индеек, а также уверял, будто охотник зачастую натывается на выводок лишь случайно. Итак, мы порядком истоптали местность за два дня, но так и не подняли ни одной индейки. Результатом наших тяжелых восхождений было не более чем любованье осенней природой под прикрытием лапника.

На третий день мы решили покинуть эти холмы и устроить засидку в низине. Поднялись мы перед самой зарей, задолго до того, как индейки смогли бы обнаружить нас, крадущихся по траве. В крошечной тьме отыскивали проплешины, где могучие птицы купались в пыли каждый день. Билл улегся в росистую траву, а я устроила себе засидку поодаль, в 50 футах (около 15 м). Мне было удобно, насколько это только возможно, и так хотелось немного поспать! Кочка превратилась в подушку, и я задремала. Проснувшись я, когда небо стало розовым, а стебли вокруг меня соломенно-желтыми. В конце концов краски неба стали синими, но, кроме неба и раскачивающихся стеблей, я ничего не видела и лишь при-

слушивалась к шуму ветра. И вот ветер принес еще один звук — ясный, утренний призыв индеек, кормящихся, видимо, в полумиле отсюда (примерно 800 м).

Солнце поднялось еще выше и стало бить прямо в глаза. Его яркий свет смыл краски неба и жухлой травы. Я продолжала лежать, обратившись в слух. Прошло часа три, не меньше. Шум ветра, шорох стеблей, а за всем этим кулдыканье при кормежке, но достаточно близко.

Я проверила дробовик, он будет готов к стрельбе, как только я сдвину предохранитель. Унылая скука сменилась ознобом ожидания. Такого не было во время предыдущих наших засидок. Наверное, они все же приблизятся на выстрел. Не двигайся! Успокойся! Не дай им вновь улизнуть.

В поле мы не оставили ни одного следа. Билл не курил, мы не двигались. Словом, не было никаких причин, чтобы стайка могла обойти нас стороной. Конечно, наши запахи присутствовали, но местные охотники нас уверяли, что дикие индейки полагаются на зрение и слух и, хотя чрезвычайно подозрительны, не обращают никакого внимания на запахи.

Я услышала, как Билл немного левее от меня поманил птиц. Затем еще раз, но очень мягко. Как это он делает? И почему? И вот тут-то я увидела перед собой желанную дичь! Я застыла и обратилась в слух, напрягшись до оцепенения и вслушиваясь в малейшие шорохи, которые могли бы отвлечь индеек от пролежины.

Звуки раздались правее, это значит, что я находилась между Биллом и птицами. Я внимала хлопанью и кулдыканью, пока не услышала хлопанье крыльев. Это значило, что «пылевая ванна» началась. Сдвинув предохранитель, я вскочила — ближайшая птица оказалась передо мною на расстоянии менее 10 ярдов. Завидев меня, индюк испустил три коротких клича и буквально оглушил резким треском бьющих крыльев, и блеск переличатых темных тел заполнил пространство.

Я выбрала одного из них, с длинной темной бородой, повела стволом, целясь в голову, и выстрелила. Он свернулся в воздухе, и тяжелая туша рухнула оземь; тут я услышала рядом возмущенный вопль Билла. Он не стрелял — одна птица вполне покрывала наши потребности. Мы высидели эту победную засаду — выстрел был и рядкой. Гулкое хлопанье крыльев затихло, поскольку я целилась в «бороду» индюка — достаточно длинную, чтобы считаться крупным, но не столько, чтобы быть старым и жестоким — а заряд угодил в голову, чтобы избавить мясо от дробин. Билл взял его в руки, и оперенье заиграло в солнечных лучах; несмотря на то, что перья были черными, каждое из них блестело и переливалось, будто грани драгоценного камня с разноцветными искорками и при малейшем движении перья меняли цвет.

Птица была длиною примерно в ярд

(0,91 см) от кончика клюва до обрезки хвоста и весила не менее 12 фунтов (около 5,5 кг). Мы разрядили ружья, и Билл подвесил гобблера на плечо — пора домой. Теперь поход выглядел не таким испытанием, а приятной прогулкой, ведь прятаться и таиться уже не было необходимости.

Мы сделали разрез в 6 дюймов (примерно 15 см) по брюшине птицы и ее выпотрошили, а затем подвесили в оперении на неделю. После того как роскошное оперение снимут с тушки, можно всыпать в брюшину солидную горсть соли. Чистую тушку обычно опаливают, и мы начинаем колдовать — превращаем дикую, отдающую орехом, плоть в редкое сочетание лесных ароматов. Птица должна постоять в рассоле, а мы в это время готовим коптильню.

Наша коптильня была сделана в мастерской на ближайшей ферме. Ее мы поставили над ямой глубиной в ярд и постоянно сами коптим в ней дичь. Дранка от старого кедра, придает дополнительную остроту к запахам древесины гикори (американский орех) и вишни, пропитывающие мясо в процессе копчения.

Чтобы начать копчение, мы рассыпаем на дно ямы древесный уголь. Когда он начинает рдеть, мы подкидываем сырой гикори или древесину вишни. Они должны тлеть, а не гореть. В начале копчения подбрасывают еще угля, пока сырая древесина не обуглится, чтобы начать копчение. Затем мы подвешиваем индейку на одном из стержней перекрытия и подбрасываем дрова во время копчения в течение двух дней.

Наша задача состоит в том, чтобы очаг в коптильне как бы продолжил охоту и добавил последний, завершающий штрих охотничьему трофею.

(перевод с англ. А. Чегодаева)

Рисунки Б. Игнатьева

САФАРИ

НАКОНЕЦ - ТО В РОССИИ И СНГ ПОЯВИЛОСЬ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОЕ ОХОТНИЧЬЕ ИЗДАНИЕ ОБ ОХОТНИЧЬЕМ ТУРИЗМЕ И ТРОФЕЙНОЙ ОХОТЕ

ВЫ УЗНАЕТЕ МНОГО НОВОГО, ПРОЧИТАВ ЭТОТ ЖУРНАЛ:

Охотничьи и рыболовные экспедиции по всему миру: уникальные истории, опыт и современная информация.
 Современное африканское сафари: рассказы специалистов, экспертов и российских охотников
 Международная охотничья жизнь: организации, клубы, проекты, конгрессы, выставки, тусовки
 Международный и внутренний охотничье-рыболовный туризм: проблемы, решения, опыт, сотрудничество, правила и законы
 Рассказы о лучших районах, фирмах, хозяйствах, егерях: куда, когда, с кем и к кому поехать на охоту или рыбалку
 Охотничьи рапорты: Ваши рассказы и истории о Ваших охотах и Ваших трофеях
 Горные охоты: охоты на диких баранов и козлов в России и за рубежом
 Животные, трофеи, охотничьи звания, награды, конкурсы: трофейные животные и трофейное дело в России и за рубежом
 Трофейная и морская рыбалка: дальние путешествия, лососи, таймени, акулы, марлены и др.
 Оружие, снаряжение, транспорт: обо всем, что понадобится на охоте, рыбалке и в путешествиях
 Таксидермия, дизайн и интерьер охотничьих домов и залов: рекомендации, советы мастеров, оформление трофейных комнат
 Литература, видео, произведения искусства: охотничьи книги, журналы, фильмы, картины, антиквариат и т.д.
 Другие экстремальные виды туризма и приключений: рафтинг, дайвинг, парашюты, воздухоплавание, лошади и т.п.
 Конкурсы для читателей: победителям - снегоходы, мотовездеходы, экзотические туры и др.
 Поддержка российских хозяйств, фирм и производителей.
 Реклама российских и зарубежных агентств, фирм, производителей.

Вы хотите иметь каждый выпуск нашего журнала, получать свежий номер раньше всех и сэкономить?

Тогда обращайтесь на наш журнал в редакции! Это просто! Оплатите выбранное Вами количество номеров, переведите необходимую сумму на счет редакции банковским или почтовым переводом, заполните подписной абонемент и вышлите его в копию платежа в адрес редакции по почте, факсом или с курьером.

Адрес и телефоны редакции:
129515, Москва, 1-я Останкинская ул., 41/9
Тел.: (095) 215-53-80; факс: (095) 283-38-51

САФАРИ
 ЗАО "Редакция журнала Сафари"
 ИНН 771704408
 р/с 40702810330000100121
 в МБ АК СБ РФ ОСБ 7851
 Марьино-рошинское отд. в Москве
 к/с 30101810800000000242
 БИК 044528342

Подписной абонемент на 2000 год.

Я хочу приобрести (оформить подписку) на следующие номера журнала:

№ журнала	1999 г.		2000 г.		
	Лето-осень №1	Зима №1 (2)	Весна №2 (3)	Лето №3 (4)	Осень №4 (5)
Количество экземпляров					

Организация _____
 Ф.И.О. _____
 Адрес: _____

Телефон: _____ Факс: _____ E-mail: _____

Квитанцию (копию) на сумму _____ Руб. коп. прилагаю

Подпись _____ Дата _____

Получение ☐ В редакции ☐ По почте ☐ (ненужное вычеркнуть)

Стоимость одного номера журнала:
 * с получением в офисе редакции - 1 у.е.
 * с доставкой адресату по почте - 1,8 у.е.
 1 у.е. = 1 долл. США
 Оплата в рублях, по курсу ЦБ РФ на день платежа

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО!

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ И ПАРТНЕРОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 129515 МОСКВА, ул. 1-я ОСТАНКИНСКАЯ, д. 41/9 ТЕЛ.: (095) 215-53-80, ФАКС: (095) 283-38-51 E-mail: safari @ online.ru

Стояли душные дни, редкие для августа под Санкт-Петербургом. Листья на деревьях выглядели как помятые. Птицы, сидящие на ветвях с раскрытыми ртами, учащенно дышали, движения их были медлительными. Все ждало прохлады, заката. А он наступал медленно, тихо передвигаясь к востоку. С заливных лугов не тянуло прохладой. Низинки не спешили туманиваться.

Длинный, двадцатикилометровый путь к заливному лугом с сеттером преодолевался нелегко. Ружье, боеприпасы, уложенный харч на два дня, для себя и для Ладушки, котелок и другие мелочи делали рюкзак увесистым. Мы шли в глухое, зеленое царство заливных лугов, потных болотин, в надежде, что ко дню открытия охоты дупельки не покинут эти места.

Старое стоговище среди высокой некоси я нашел сразу же, хотя и давно здесь не был. На нем всегда устраивался коротать августовскую ночь, чтобы поутру любоваться, как четвероногий друг режет луга правильными параллелями, замирая в картинных стойках, подавая под выстрелы дупелей и бекасов.

Для меня с годами стало не так важно стрелять, как ощущать то непонятное чувство, волнение и страсть при взлете дупельки из-под стойки, любоваться прекрасной работой собаки, оттачивать ее мастерство.

Ночь прошла быстро, луга были еще в росе. Мы никуда не спешили, оба радовались тишине, свободе, раннему утру. Легкий ветерок «утренник» уже разгонял над луговиной густой туман. Взошло солнышко. Я нежилась на теплой душистой земле. Приятно было лежать и смотреть в небо, дышать нетоптаной зеленью глухих заливных лугов. Не торопясь, попив чайку, загасив небольшой костерок, пошел с собакой на край болота. Определив направление ветра, пустил Ладушку в поиск.

Охота началась как обычно, не предвещая ничего дурного. Лада работала с неистовой страстью, подавая под выстрел одного за другим, хорошо державших стойку, бекасов. Никогда я так не наслаждался охотой, как в этот день! Солнце светило ярко, и от этого луговина казалась вся в зеленом пожарище. Лада прямо

стелилась в стремительном поиске. Я шел перпендикулярно нарезаемым ею параллелям, ожидая, что вот сейчас она пришьет очередного бекаса.

Но вдруг ее не стало. Все было по-прежнему: заливной зеленый луг, солнце, а ее не было. Я бросился к ней. Собака лежала на траве, запрокинув голову. Я хотел поднять ее, но что-то упругое не пускало просунуть руку под голову. И здесь я заметил металлический прут, вошедший прямо в грудь Ладушки. Все. Все кончено. Я снял ее с ржавого, окровавленного прута, торчащего из земли, прижался ухом к мокрой теплой груди и слушал. Тихо! Сердце мое сжалось от боли.

Положил я Ладушку под тенью сторону куста, подложив под голову куртку. Ноги не держали меня, из глаз закапали прямо на нее слезы. Мне не верилось...

Да. Все кончено. Я вырыл ямку, постелил куртку и на нее положил Ладушку, засыпал легкой луговой землей. Постояв немного, разыскал ружье, закинул его на плечо и пошел, не видя перед собой ничего.

До сих пор недоумеваю, как мог в этих глухих заливных лугах появиться металлический прут? Кто воткнул его в землю? Почему он оказался на пути несчастной собаки?

Ответ, наверное, прост. Его оставил тот, кто не думает о наших меньших братьях, кто бьет бутылки ради потехи, оставляя осколки незахороненными, кто оставляет стальные петли. Прошу вас, услышьте меня, мою незатихающую боль в сердце об утерянном друге. Не делайте этого!

Р. ЗАКРЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

Здравствуй, уважаемая редакция! Мой отец и брат охотники, и сам я тоже очень люблю охоту. И журнал ваш очень люблю, в нем все так хорошо описано, просто замечательный журнал.

Я пока только начинающий охотник, без ружья и без прав. Зато на день рождения мне подарили гончую, маленького кутеночка, я назвал ее Найда. Сейчас она уже большая и умная, мы очень любим друг друга. Я хожу за ягодами, за грибами или на рыбалку, Найда всегда со мной. Очень она любит, когда горит костер, уляжется и все смотрит, как трещат в огне сухие сучья.

Как-то с отцом и братом поехали мы на охоту, я выполнял работу кострового, Найда опять смотрела на костер. Потом пришли отец и брат, поужинали и

легли спать. Но мне спать не хотелось, я подложил в костер дров, поставил чайник, а когда он вскипел, начал пить чай. Найда тоже не спала, около меня сидела. Потом я надел болотные сапоги и стал воображать себя охотником, только ружье не мог достать, оно осталось в машине, а машина была заперта. А Найда так посмотрела, так интересно склонила мордочку, и мне показалось, что она надо мной смеется.

С. ФАДЕЕВ
Владимирская обл.

Здравствуйте, дорогая редакция! Мне 20 лет, из них 17 я прожил в с. Брейтово, что на самом берегу Рыбинского моря. Предки мои жили на затопленной морем земле.

Большую половину своей жизни я читал ваш журнал и альманах «Охотничьи просторы». К четвертому классу я в нашей библиотеке уже перечитал всю охотничью литературу и с нетерпением ждал первых чисел каждого месяца, когда приходил очередной номер «Охоты и охотничьего хозяйства».

Не могу вспомнить, когда я впервые услышал об охоте, но охотник я, поверьте, с самого рождения. Воспитывался я на охотничьих рассказах, среди таинственных зверей и птиц, в радостных сборах отца на охоту.

Первый раз был взят на охоту в шесть лет и... о счастливая, не-

забываемая минута — выстрелил из прекрасного отцовского ружья!

В 13 лет получил собственное ружье и начал охотиться, но не по своему произволу, а под мудрым руководством дядюшки и близкого друга отца.

С болью в душе вспоминаю я о потере своих верных удивительных лаек — Волчка и Тумана. Таких друзей-помощников многие охотники ищут и не могут отыскать всю жизнь, а мне они встретились еще совсем пацану. Добрые учителя-охотники открывали мне удивительный мир природы, но любить животных научили два кареглазых остроухих друга.

Не стало моих лаек сразу. Два пса погибли одинаковой смертью — повстречались мужикам-оглодам и заплатились красивыми ухоженными шкурами.

Извините, если письмо затянута, но очень хотелось сказать то, что так дорого мне, чем живу и о чем помню.

А. КОЗЛОВ
г. Ярославль

Уважаемая редакция! Может быть, эта фотография спаниеля после удачной охоты на осенних высипах покажется вам интересной. Тогда опубликуйте ее на страницах моего любимого журнала, который я выписываю уже более двадцати лет, а читаю более тридцати.

В. ПОДДУБНЫЙ
г. Екатеринбург

Фото конкурс «Охота и природа»

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Наша семья с 1987 года выписывает ваш журнал. Каждый номер ждем с нетерпением — особенно муж, поскольку он охотник. Читаем его всей семьей, пользуемся многими вашими советами, в том числе и кулинарными.

После того как приобрели щенка лайки, я и дочь только и ждали статей по этому виду собак, особенно фотографии, чтобы сравнить их с нашим красавцем. А год назад мы потеряли нашего Кузю — сбита машина его.

Мы прочли в вашем журнале объявление о фотоконкурсе «Охота и природа-1998» и решили послать фотографию, на которой наш Кузя (черная морда) со своим отцом Кузей на осенней охоте на привале.

Очень бы хотелось, чтоб эта фотография была опубликована в журнале, она нам так дорога, да и снимок, согласитесь, необычен.

Г. БАЛАКИН
Томская обл.

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишем вам всей семьей и хотим рассказать невероятный случай, произошедший на охоте. У нас есть собака породы ягдтерьер по кличке Бой. Летом ему исполнилось четыре года.

11 января 1998 года на охоте он залез в нору за лисой. Боясь подшуметь зверя, я не подошел к норе и поэтому не видел, что она была наполовину песчаная. В течение двух часов Бой выгнал трех лисиц (две из них были старые). У одной была покусана морда. Прошло еще три часа, а Бой не выходил.

Я начал копать нору, но мерзлый грунт, да еще с камнями... Разрыть было невозможно саперной лопатой. Пора было идти

на автобус, да и сердце сдавило как тисками. Невозможно передать, в каком я был отчаянии. Невозможно было представить, как сообщить об этом семье. Я оставил у норы поводок, еду и фуфайку...

Представляете, что творилось дома, когда я вернулся один? В 11 часов ночи я поехал с женой к норе, но Бой не вышел. Я приезжал туда еще два дня. Потом нору завалило снегом, я ее откапывал руками, стрелял из МЦ в воздух...

30 января я попал в тот же район. Обходя лису, мой напарник подошел к норе. И вдруг из норы вышел Бой. Видимо, он давно уже ждал меня. Я свалился на свою собаку, и радости моей не было конца. Бой был худой, у него торчали ребра, и весь в клещах, не было передних верхних зубов. Морда вся в шрамах и болячках. Следы от лисих зубов остались и на задней ноге.

Как же он выдержал такую схватку? И все-таки остался жив! 19 дней он держался и ждал меня. Домой мы вернулись рано. Две младшие дочери (у меня их трое), увидев Боя, бросились к нему, обнимались и целовались, плакали от радости. Старшая дочь выскочила из ванной, и опять были слезы радости. Жена его увидела, когда пришла с работы. Она не поверила своим глазам.

Теперь я верю, что бывают чудеса на свете! И еще, хочется сказать всем охотникам, имеющим собаку, — ищите ее до конца. Живой или мертвой, ее надо найти, ведь они все понимают и ждут хозяина.

Хоть кто-то и говорит, что с норной собакой легко добывать лисиц, это совсем не так. За три сезона охоты я добыл их всего десять.

Мы очень надеемся, что вы опубликуете это письмо.

Семья СЛОНОВЫХ
г. Балахов Саратовской обл.

Мне нужна была собака, работающая по утке не только на воде, но и в тростниках, в которых уж очень быстро бегали лысухи. Обратился в Челябинское облохотобщество, где в очереди на щенка было человек 400. Записываться не стал, так как даже у чемпионки был отмечен существенный порок — во время бега уши загибались назад.

Сосед друга предлагал щенков всего за 25 рублей, но я сразу определил, что это метисы. В конце концов он и сам в этом признался. Затем мне подсказали, что в Кундравах один офицер, приехавший из Германии, привез с собой суку-спаниеля и оставил ее вместе с женой. Жена тоже куда-то уехала, а собаку кормит один слепой.

Я приехал к слепому и побеседовал с ним. Он оказался человеком высоким, крепкого телосложения, лет сорока. На войну он попал в последние месяцы, и там ему выжгло глаза. Николай (если мне не изменяет память) повернулся к озеру и, указывая по памяти рукой, рассказал, где какой лес растет, на кого он там охотился еще до войны.

Когда я заговорил о спаниельке, мой собеседник долго думал, почесывая ее за ушами, потом сказал: «Чувствую, что хороший ты человек, но, видишь ли, со мной, слепым, никто не хочет дружить, а мы с собакой очень привязались друг к другу. Так что продать ее я никак не могу. Но выход есть, двое братьев с соседней улицы приобрели гончака-красногону и никак не могут сбить сына этой спаниели и мелкого сеттера».

Братья с удовольствием отдали мне кобеля вместе с ошейником и цепочкой, не звав с меня ни копейки. Байкал был окрасом в мать, ростом наполовину выше, он оказался отличным сторожем и азартно заработал по утке. Он меня вполне устраивал и дождался со мной до старости, но я получил предложение переехать на Обь, где было много работы и отличная охота. В день отъезда я передал Байкала в заботливые руки соседей.

Везти вислоухую собаку через Челябинск — Тюмень — Тобольск — Ханты-Мансийск на холодный таежный север не имело смысла. Здесь иностранные собаки чувствуют себя зимой так, как если бы человек вышел на мороз в одном трико.

А. ЗЕЛЕНИН
п. Октябрьское
Ханты-Мансийского окр.

Уважаемая редакция! Посылаем вам фотографию, сделанную после удачной охоты на лоса коллектива военных охотников № 601 Казанского гарнизона ПрпВО. Очень помогла нам в этой охоте лайка егеря, помещенная на снимке.

В. ДОГАДИН
г. Казань

РЫБОЛОВНЫЕ ТОВАРЫ – ПОЧТОЙ

141400,
Михайловский обл.
п. Халма-10, п/а 141
ЗАО "САГИТТА"

E-mail:
sagitita@aha.ru

- Большой выбор обычной и плетеной лески
- Дешевые отечественные и элитные крючки
- Свинцовые и вольфрамовые мормышки
- Блесны, воблеры, мягкие приманки
- Катушки и удильща различных типов
- Сети, полотна из лески и капрона
- Резиновые надувные лодки
- Запчасти к подвесным лодочным моторам
- Одежда, рюкзаки, палатки и другое

Высылаем полный каталог

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Забавные несуразности

В продолжение четверти века в рубрике «Голубой песец на ветке» мы рассказывали о забавных биологических несуразностях и анекдотических нелепостях, обнаруженных нашими читателями в книгах, газетах и журналах. Интересна история появления этой рубрики.

Как-то читая статью «Тайга без выстрелов» в одной из газет, мы обратили внимание на достопримечательный пассаж охотник идет по лесу, рядом с ним бежит его собака, а с ветки за ней наблюдает голубой песец или задиристая белка. И тут же нас озарила «интересная мысль»: да вот оно, готовое название для новой рубрики — «Голубой песец на ветке» с подзаголовком «Из статьи (далее фамилия автора) «Тайга без выстрелов». Фамилия была из разряда «говорящих», и мы решили, что это псевдоним.

Прошло несколько лет, и вдруг в редакцию звонит автор статьи и очень мягко, очень по-человечески просит больше его фамилию не называть, что мы, конечно, немедленно и исполнили.

В последнее время, по разным причинам, которые, наверно, лучше известны нашим читателям, рубрика «Голубой песец на ветке» совсем захирела и вот-вот окончательно иссякнет. И тогда мы решили попытаться возродить ее под новым названием «Забавные несуразности». Мы обнаружили несколько великолепных нелепостей в произведениях наших известных прозаиков и поэтов, предлагаем читателям с ними познакомиться и улыбнуться вместе с нами.

* * *

«В моей молодости, — рассказывает И. А. Бунин, — новые писатели уже почти сплошь состояли из людей городских, говоривших много несуразного: один известный поэт, — он еще жив, и мне не хочется называть его, — рассказывал в своих стихах, что он шел, «колосья пшена разбирая», тогда как такого растения в природе никак не существует: существует, как известно, просо, зерно которого и есть пшено, а колосья (точнее, метелки) растут так низко, что разбирать их руками на ходу невозможно: другой (Бальмонт) сравнивал лунь, вечернюю птицу из породы сов (подчеркнуто нами), оперением седую, таинственно тихую, медлительную и совершенно бесшумную при перелетах, — со страстью («и страсть ушла, как отлетевший лунь»), восторгался цвете-

нием подорожника («подорожник весь в цвету»), хотя подорожник, растущий на полевых дорогах небольшими зелеными листьями, никогда не цветет (подчеркнуто нами)... А совсем недавно один из видных советских поэтов описал какого-то охотника, который идет в лесу «по дерну» и несет «в ягдташе золотую лису» (подчеркнуто И. Буниным): это так же правдоподобно, как если бы он нес в кармане собаку».

И. А. БУНИН. Автобиографические заметки. Собр. соч., том 9, М., 1967.

Как говорится: не суди и не будешь. В пылу обличения прекраснейший русский писатель И. Бунин сам допускает несколько досадных ошибок. Говоря о «вечерней птице из породы сов», автор имеет в виду, вероятно, степного луня, самцы которого очень светлые, со светло-серой спиной и чисто-белым брюшком. Но все наши луни относятся не к совам, как уверяет автор, а к роду луней семейства ястребиных отряда соколообразных и являются дневными хищными птицами.

Еще более забавна констатация И. Бунина, что «подорожник растущий... небольшими зелеными листьями, никогда не цветет». Между тем подорожник в отличие от споровых растений (хвощи, папоротники, плауны) имеет настоящие цветы и размножается семенами. На безлистном стебле, так называемой стрелке, его светло-бурые или бледно-розовые цветы собраны в длинное соцветие, носящее название колоса, или густого колоса. Поэт К. Бальмонт имел все основания написать: «подорожник весь в цвету».

* * *

Биологические ошибки при описании природы можно найти не только у «людей городских», но и у мужей вполне деревенских.

Вот два широко известных двустишия из стихотворения великого русского поэта Сергея Есенина.

Выткался на озере алый свет зари,
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, сгораясь в дупло,
Только мне не плачется, — на душе светло.

С. ЕСЕНИН. Рябиновый костер. М., 1975

Здесь самое интересное для нас — об иволге, голос которой — флейтовые переливы или резкое кошачье мяуканье, — ну никак не напоминает звуки плача. Иволга также не имеет никакого отношения к дуплам деревьев. Она обитает высоко в древесных кронах и там же, оплетая ветки, на которые опирается гнездо, сооружает нечто вроде корзиночки-гамака, где и выводит своих птенцов. Кого же имел в виду поэт, называя иволгой?

Видимо, ему неоднократно приходилось слышать в лесу голос желны, или черного дятла, который выводит потомство в дуплах, и, помимо гулкого весенней дробы и резкого крика «кри, кри, кри», издает очень громкое и протяжное «кляэээ», действительно напоминающее какой-то заунывный плач.

* * *

С. Есенин написал это стихотворение 15-летним отроком-юношей, а вот другой крестьянский поэт С. Клычков в значительно более зрелом возрасте сумел «начудить» не менее забавно.

Весна в лесу

Соберутся зайцы грудой
Под капелью и теплом,
Громче дятел краснотелый
Застучит в сухой и рудый
Ствол со щелью и дуплом.

Н. КЛЮЕВ, С. КЛЫЧКОВ, П. ОРЕШИН.
Избранное. М., 1990

Нет сомнения, что С. Клычков множество раз видел дятлов, и прежде всего наиболее обычного для орнитофауны европейской России большого пестрого дятла. Красный цвет у этой птицы присутствует на голове (самцы и молодые) и ближе к другому от груди концу тела, название которого в просторечии начинается со звонкой буквы «ж». Можно сколько угодно удивляться, как мог поэт этого не замечать, не удивляться тут, собственно говоря, нечему. Мы с вами ежедневно, во всяком случае достаточно часто и в городе и в деревне видим серых ворон, но, если нас попросят описать окраску их оперения, мы сделаем это не сразу, а многие непременно ошибутся. Мы ленивы, любопытны и ненаблюдательны, а любой пишущий человек, особенно писатель или журналист, должен постоянно развивать в себе профессиональную наблюдательность и, конечно, прежде чем рассказывать об окраске птицы, хотя бы заглянуть в соответствующий справочник-определитель.

* * *

«Напротив моего кабинета, — пишет наш замечательный современник, охотник Юрий Нагибин, — к березе прибита скворечня. Время от времени в круглом окошечке появляется головка скворца, затем его шея, часть туловища, и вдруг, как спущенный с тетины, он несется прямо на меня. Кажется, еще миг, и он врежется в стекло или влетит в комнату в распахнутую створку, но в последний момент он делает неприметный вираж и проносится мимо окна за угол дачи. Сейчас он пролетел так с кусочком хлеба в клюве и обронил этот кусочек. Зачем он вынес корм из гнезда?»

Юрий НАГИБИН. Дневник. М., 1995.

Как уже догадались многие наши читатели, скворец выносил из скворечника не кусочки белого хлеба, а нечто прямо противоположное, то есть продукт его преобразования в желудочно-кишечном тракте одного из птенцов. У скворцов, поползней и многих других птиц испражнения птенцов заключены в своеобразную слизистую капсулу, которую иногда называют «ночным горшком». Родители регулярно выносят их из гнезда. За один «рабочий» день из дупла-гнезда поползня родители выносят до 60 таких ночных горшков. Нетрудно представить себе, во что бы превратились гнезда с птенцами в глубине тесного дупла, если бы их испражнения не выбрасывались родителями.

Напоминаем вам, дорогие читатели, что рубрика «Забавные несуразности» не может существовать без вашей активной поддержки. Как говорится, будьте бдительны, не проходите мимо подобных забавных несуразностей или великолепных нелепостей, выписывайте их из газет, книг и журналов и присылайте нам. Это поможет разрядить ваш могучий критический потенциал, а нашим читателям подарит несколько минут веселого настроения.

О. ГУСЕВ

Вот он, дятел «красногрудый»!

Перефразируя известную пословицу, можно сказать: не так страшен дракон, как его малюют. Это с виду он такой грозный и страшный, напоминающий Змея Горыныча из народных сказок.

Любопытно, что по числу скульптурных изображений этого мифического чудовища столица Татарстана на первом месте среди других городов Российской Федерации. Каменные и литые драконы украшают фасады старинных зданий, шпили башен и флюгеры, дверные ручки бывших купеческих особняков... Каких только нет среди них экземпляров! Крылатый зилан (в переводе с татарского — дракон) украшал древний герб Казани. В прошлом здесь даже праздновали «день змея — дракона».

Оказывается, существуют в дикой природе настоящие, живые драконы. В просторах многих морей живут рыбы-дракончики. Видов их много, но все они невелики, 35—45 см длины. Среди них есть ядовитые.

В тропических лесах Южной Индии, Южного Китая, Филиппинских и Малых Зондских островов живут ярко окрашенные ящерицы — летучие драконы. Известно около 20 их видов. Главная особенность — эластичные кожные складки по бокам. Во время прыжка ящерицы складки растягиваются и опираются на длинные, подвижные ребра. Образуется нечто вроде крыльев, но не машущих, а парящих. Ящерица-дракон свободно перелетает с дерева на дерево, преодолевая 25—35 метров.

Больше всего похож на мифического «собрата» дракон, населяющий острова Малайского архипелага.

В особом почете драконы у китайцев. Они символизируют все самое хорошее, и ему поклоняются во все времена. Сказочный дракон для Китая — это не просто мифологический персонаж. Дошедшие из глубины веков изображения чудовища с широко раскрытой зубастой пастью и когтистыми лапами, с алыми языками огня вдоль мощного туловища продолжают оставаться своеобразным символом Китая и по сей день. Дракон — товарный знак всевозможных промышленных изделий и товаров повседневного спроса. Его изображение «эксплуатируется» в сувенирной индустрии и в ювелирном деле, кулинарии. Он же венчает крыши старинных построек. Восточный календарный цикл избрал его полномочным распорядителем високосного 2000 года. По этому случаю изготавливаются изображения дракона из дерева, шелка, бумаги, на многочисленных открытках и марках. В Пекинском парке есть знаменитая Стена девяти драконов (у китайцев число девять считается самым счастливым).

В малазийском городе Илох, где живет много китайцев, построили дракона длиной 300 метров. Его считают самым большим в мире. По восточному календарю Год Дракона приходит позднее нашего, только в феврале, сменяя на своем звездном пути в Японии Кролика, а в Китае — Зайца. Хотя они и были покровителями минувшего года, но все же принес он людям немало бед и страданий, о чем напоминают взрывы, землетрясения и другие трагедии. Символ 2000 года — герой восточных сказок и преданий — был снисходительным к людям, и они надеются на его благосклонность.

В Год Дракона женщины должны одеваться во что-нибудь светлое с предпочтением желтых тонов. Прическу можно украсить желтой чешуей.

В Год Дракона родились такие известные люди, как Бернард Шоу, Оскар Уайльд, наши соотечественники: цари Николай I, Николай II, писатели Михаил Шолохов, Максим Горький, Александр Грин... Отметим, что год под этим знаком повторяется через 12-летний период.

Дракон в странах Азии символизирует мощь, величие. Он властелин неба. С драконом связаны многие народные обычаи не только в Китае, но и в Японии, Вьетнаме и других странах. По существующему поверью в этот светлый праздничный день не следует отягощать душу мрачными мыслями, изнурять тело работой и туманить рассудок алкогольными напитками. Лучше будет возвыситься над суетным, погрузиться в размышления о высоком предназначении человека и быстротечности его земного пути. Такая медитация поможет каждому выработать правильный взгляд на вещи и с достоинством переносить неизбежные жизненные тяготы.

Анатолий САФОНОВ

НА ПРИВАЛЕ

ГУСЕВ О. Последний год XX века: что делать?	1
ЗВЕРЬКОВ В., ДОРМИДОНТОВ Р. В Рамешковском охотничьем хозяйстве (интервью)	4
СЕВАСТЬЯНОВ А. Доброе участие	6
ВЕРЕЩАГИН Н. Лосинка — школа Б. М. Житкова	8
КОРЫТИН С. Приманка на лисицу	12
ШИШКИН В. Охота в рисунках Бориса Игнатьева	16
САВЧЕНКО А., МАЛЫЦЕВ Н. Миграции и гибель ко- суль	18
СОКОЛОВ Н. Охота с гончими: мой опыт	22
АНДРЕЕВ Е. Как уберечь гончую?	23
ЗЕЛЕНКО В., БЛЮМ М. Элитное оружие ЦКИБ (ин- тервью)	26
БУЛГАКОВ М. «Ружье» Гринера-Тарновского	28
АЛЕХИН И. Трудовой русак	30
РОМАНОВ А. Стихи	35
ЧЕРНЫШЕВ В. Олег Васильевич Волков (1900—1996)	36
ВОЛКОВ О. Доброе имя охотника	38
ЧЕГОДАЕВ А. Дикая индейка	40
МАК-ГРЭЙЛ Д. Искушение дикой индейкой	41
Письма читателей	44
На привале	46
ШИШКИН В. Гусеобразные	48
Реклама	21, 42

На первой странице обложки:

Только благодаря псовой охоте была создана и сохраня- ется до сих пор эта великолепная порода домашних жи- вотных

Фото В. Животченко

На второй странице обложки:

Зимние пейзажи Северного Урала. Колчимский Камень

Фото В. Муканова,

фотоконкурс «Охота и природа»

На четвертой странице обложки:

Рисунок Б. Игнатьева

К очерку В. Шишкина «Охота в рисунках Б. Игнатьева»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев.

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 09.11.99 г. Подписано к печати 10.12.99 г. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 21530 экз. Заказ 2740. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета по печати 142300, г. Чехов Московской области Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90. № 452.

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Новые страницы нашего атласа охотничьих, непромысловых и охраняемых птиц России и сопредельных территорий мы посвящаем отряду гусеобразных (куда, кроме собственно гусей, входят утки, лебеди, казарки и др.). Повидовой обзор этой центральной группы охотничьих птиц публиковался в журнале около десяти лет назад. За это время произошли существенные перемены и в жизни этих птиц, и в человеческом обществе. Регулирование промысла, спортивной охоты, разработка мер охраны и воспроизводства возможны только на основе точного знания особенностей жизненного цикла пернатых, оценки их биологического разнообразия. Мы надеемся, что наш атлас будет этому также способствовать.

В отряд гусеобразных входят два подотряда: гусиных или пластинчатоклювых (около 150 видов) и паламеев (3 вида крупных лесных или околоводных птиц из Южной Америки). Пластинчатоклювые, как следует из названия, имеют по краям надклювья и подклювья поперечные роговые мелкие пластинки (иногда в виде зубчиков), которые вместе с мясистым языком, также снабженным пластинчатыми выростами, образуют цедильный аппарат, удобный для сбора водных кормов. Компактная группа пластинчатоклювых составляет одно семейство, которое в свою очередь делится на три подсемейства — гусиных, утиных и полупалчатых гусей (1 вид из Австралии). Как ни удивительно, дальнейшее систематическое деление, вплоть до рода и вида, остается предметом споров среди орнитологов, что будет отражено в повидовых очерках. На территории России зарегистрировано около 60 видов гусеобразных. В целом представители отряда заселили почти весь Земной шар. Тяготея к водным биотопам, прекрасные пловцы и ныряльщики, они имеют характерный «утиный» или «гусиный» облик с удлиненным клювом на крупной голове, подвижной, иногда длинной, шеей, плотным, вытянутым телом, перепончатыми лапами. Весьма разнообразны окраска, размеры, поведение гусеобразных. От белоснежных красавцев-лебедей с размахом крыльев до 2,5 м, весом тела свыше 10 кг до миниатюрных пестрых чирков-свистунков (не более 500 г), украшенных блестящим зеленым «зеркальцем» на крыле. Вокальный репертуар включает у разных видов гогот, кряканье, свист и т. п. Яркоокрашенные селезни многих утиных демонстрируют сложные брачные ритуалы ухаживания. Если у лебедей, многих гусей пары довольно постоянны, то у целого ряда утиных партнеры встречаются во время спаривания, а дальнейшие заботы о потомстве падают на самку. В кладке от 3 до 12 яиц, более крупные кладки, как правило, от двух самок. Различны места гнездования от наземных, хорошо укрытых пухом кладок до поселений в норах и дуплах. Значительная часть видов растительноядна, но есть потребители беспозвоночных (гаги и другие морские утки), рыбы (крохали). Многие виды перелетны, но некоторые освоили городской ландшафт (например, кряква) и зимуют на незамерзающих водоемах. Гуси и утки не только массовый объект охоты, дающий качественное мясо, перо, пух, яйца. Уже 5 тыс. лет назад эти птицы были одомашнены в Древнем Египте и Китае, став впоследствии важным пищевым ресурсом во многих странах. Хотя численность многих диких гусеобразных еще значительна (кряква, морянка — несколько миллионов, шилохвость, свиязь, некоторые чирки и нырки — более 1 миллиона). Чрезмерный промысел привел к резкому снижению обилия ряда видов. Принятые международным сообществом меры охраны несколько уменьшили негативное воздействие человека на гусеобразных. Но все же три вида казарок, пять видов гусей, два вида лебедей, шесть видов уток попали в Красную книгу России. Из них краснозобая казарка, хохлатая пеганка, мраморный чирок, нырок Бэра, чешуйчатый крохаль, савка включены также в Международную Красную книгу видов птиц, находящихся под угрозой исчезновения и нуждающихся в специальных мерах охраны.

В. ШИШКИН

Гага-гребенушка,
самец

Лебедь-шипун

Краснозобая
казарка

Кряква самец

Мандаринка, самец

